

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 384.40

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЗАЛА 19

ШКАФЪ 27

ПОЛКА 4

№ 3.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Клады и кладовскіе на Русѣ. В. Н. Витевскаго. 411—425.

Мордва—историко-этнограф. очеркъ (продолженіе) И. Н. Смирнова. 426—477.

Хроника. Экскурсія на мѣсто древняго Сувара. Г. Ахмарова. 478—481.

Материалы. Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области. — Апокрифическая кладовая выпись, сообщ. В. Г. Мещеряновима. — Изъ быта Мордвы села Живайкина Ждатовской волости, Карсумскаго у. Симбирской губ. Ф. Бутузова. 482—488.

Корреспонденція. Архивный вопросъ въ Красноярскѣ Н. Бакал.— Письма изъ Геддсшигфорса П. Г. Вихмана 489—490.

Библиографія. Материалы по археологій Россіи, издаваемые Императорской Археологической Комиссіею. № 11. Лядинскій и Томиловскій могильники Тамбовской губерніи. Н. Н. Ястребова. Спб. 1893 г. И. Н. Смирнова 491—494.

Приложеніе. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго. 53—84.

КАЗАНЬ

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

Выпущъ 22 декабря.

1700
259M

Въ 1893 г. „Извѣстія“ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыя числа января, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

- 1) Оригинальные и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, изведенія народнаго творчества, слова и инородческія языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыя книжки „Извѣстій“ за 1893 г. будутъ напечатаны между прочимъ, слѣдующія статьи: «Данныя о городахъ Волжской Бугаріи» П. А. Новомарева; «Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» Е.го же, «Древнія мѣдныя орудія въ Каз. губ.» А. А. Штуценберга, «Древности Костром. губ.» Е.го же, «Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII в.» А. А. Сидымова, «Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи» (свои извѣстія путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе Б. И. Воронцовъ, Н. Я. Карловъ, А. Е. Булагинъ, М. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ), «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» П. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій), «Записки о Мордвѣ Нижегородской губерніи» А. Д. Смирнова, «Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго Края» В. А. Мошкова.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься двѣ серіи изданій:

- 1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. I. «Черемисско-русскій словарь» В. П. Троицкаго, II. «Мордовско-русскій словарь» М. Е. Евсеева.
- 2) Археологическая Сибліотека «Извѣстій». I. Мѣдныя вѣки въ Европѣ. М. Мухъ. Пер. съ нѣм.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ издавіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Включеніе въ отдѣльныя выпуски отъ Общества за переплату не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

ОКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ В. РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей в Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ периодической печати этого края, редакція «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Кавказскомъ университетѣ» покорнѣйше проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приколовъ, сель, волостей и т. п.) присылать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Кавказъ по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редакція «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность бесплатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА

ТУРКЕСТАНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

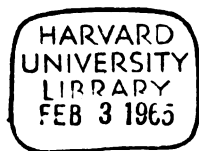
На 12 мѣсяцевъ . . . 7 р.		На 6 мѣсяцевъ . . . 4 р.
— 11 — . . . 6 — 50 к.		— 5 — . . . 3 — 50 к.
— 10 — . . . 6 —		— 4 — . . . 3 —
— 9 — . . . 5 — 50 —		— 3 — . . . 2 — 50 —
— 8 — . . . 5 —		— 2 — . . . 2 —
— 7 — . . . 4 — 70 —		— 1 — . . . 1 —

Изгородимые обязательные подписчики, сверхъ того, прилагаютъ на пересылку по почтѣ 80 к. при подпискѣ отъ 12 до 10 мѣс.; 60 к.—отъ 9 до 7 мѣс.; 40 к.—отъ 6 до 3 мѣс. и 30 к. отъ 3 мѣс. и мѣсяцъ.

Подписная плата для обязательныхъ подписчиковъ 7 р. въ годъ безъ различія городскихъ отъ изгородимыхъ.

Подписка принимается: въ Ташкентѣ, въ конторѣ редакціи Туркестанскихъ Вѣдомостей.

Ps̄āv 384.40 (11,70.5-6)

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Кавказскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

КЛАДЫ

и

КЛАДОНСКАНІЕ НА РУСИ.

Вѣра престаго народа въ клады пачалась съ незапамятныхъ языческихъ временъ, и первоначально сложилась подъ вліяніемъ его мнѣческаго міровоззрѣнія. Во многихъ русскихъ былинахъ и сказкахъ говорится о несмѣтныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ лѣсахъ, горахъ и оврагахъ, охраняемыхъ злымъ существомъ въ образѣ Кощея, Змѣя Горыныча или Тугарина Змѣевича. Съ приватіемъ христіанства, вѣра въ клады не уничтожилась, пзмѣнился только взглядъ на нихъ: вмѣсто злаго мнѣческаго существа, хранителя кладъ, скрытаго въ землѣ, является бѣсъ и соблазняетъ даровымъ богатствомъ неопытныхъ и корыстолюбивыхъ людей, на погубель души христіанской, требуя отъ нихъ живой головы или другой дани. По языческому взгляду кладъ можно добыть только посредствомъ физической силы, по христіанскому воззрѣнію вовсе не слѣдуетъ и хлопотать о богатствѣ, пріобрѣтаемомъ не трудомъ: чрезъ даровое богатство діаволъ старается сдѣлать человека несчастнымъ. Авторъ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ замѣчаетъ по этому поводу: „Аще бо или серебро, или золото сокровено будетъ подъ землею, то мнози видятъ огнь горящій на томъ мѣстѣ, то діаволу показующу сребролюбивыхъ радъ“¹⁾.

¹⁾ По изд. И. И. Срезневскаго, стр. 23.

Сами крестьяне, рассказывая о кладахъ, обыкновенно прибавляютъ: „отъ нечистаго онъ“.

Заглядывая въ сѣдую старину, мы видимъ, что даже князья, царь, духовенство и лица высокопоставленныя занимались отыскаціемъ кладовъ, „по наущенію діавола“. Въ одной изъ рукописей, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ ¹⁾ въ Москвѣ, между прочимъ, говорится, какъ бѣсъ, желая нанести непріятность благочестивому Авраамію Ростовскому, преобразился въ воина и, явившись къ великому князю Владимірскому, доложилъ ему, что будто Авраамій „налезе въ земли сосудъ мѣдянь, въ немъ же множество сосудовъ златыхъ и поясовъ златыхъ“, и что на это сокровище, которому „не мощно и цѣны уставити“, Авраамій и монастырь устроилъ. Князь, повѣрившій бѣсовской выдумкѣ, приказалъ схватить подвижника и привести къ нему; воля князя была исполнена, но у Авраамія оказалась одна власннца. Въ Печерскомъ Патерикѣ помѣщенъ рассказъ о томъ, какъ великій князь Мстиславъ мучилъ двухъ монаховъ, пытая, куда они спрятали кладъ, будто бы найденный ими въ одной пещерѣ. Лѣтописецъ половины XVI вѣка записалъ весьма любопытный рассказъ о томъ, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный открылъ кладъ въ новгородской Софійской церкви ²⁾. Царевна Екатерина Алексѣевна, сестра Петра Великаго, отличалась особенной любовью къ кладовскательству: она вела переговоры съ однимъ костромскимъ іереемъ, который хвастался, что онъ можетъ опредѣлять мѣсто нахождения кладовъ по пламетнымъ тетрамямъ; она же послала приближенныхъ къ себѣ женщинъ въ полночь рыть могилы на кладбищѣ и нанимала подводны, чтобы съѣздить за 230 верстъ отъ Москвы для разрытія клада на дворѣ одного крестьянина. Лица, указывавшія царевнѣ на мѣста зарытія кла-

¹⁾ № 156, л. 43 на оборотѣ.

²⁾ «Ист. Госуд. Росс.» Н. М. Карамзина, т. VII, прим. 383, и т. VIII, стр. 153.

довъ, оказались, по розыску Петра, обманщиками ¹⁾. Въ 1752 году священникъ села Помаева (Буинскаго уѣзда Симб. губ.) Кирилль Михайловъ рѣшился, въ чтобы-то-ли стало, добыть кладъ, зарытый въ оврагѣ между селомъ Помаевымъ и деревней Атыпкиной. Вооружившись крестомъ и евангеліемъ отъ бѣсовскаго навожденія, отецъ Кирилль, отличавшійся необыкновенной смѣлостью, отправился на мѣсто клада и принялся отрыпать его, но страшныя привидѣнія до того перепугали его, что онъ бѣжалъ со страху, оставивъ на мѣстѣ крестъ и евангеліе ²⁾. Въ селѣ Елшанкѣ (Сепгилеевскаго уѣзда Симб. губ.) дьячекъ сталъ рыть яму, чтобы поставить воротную версу; вырывъ яму не болѣе аршина въ глубину, онъ наткнулся на громадную корчагу, наполненную до-верху серебряными деньгами. Пораженный неожиданной находкой, отъ радости и удивленія онъ выронилъ изъ устъ неприличное словцо — и корчага съ деньгами провалилась въ землю ³⁾. Въ любопытной статьѣ Н. Я. Аристова ⁴⁾ „Преданія о кладахъ“ находится много подобныхъ разсказовъ, собранныхъ имъ преимущественно въ Сибирской губерніи и дополненныхъ данными о кладахъ изъ этнографическихъ матеріаловъ по Сибирской губерніи, сообщенныхъ въ И. Русское Геогр. Общество г. Юрловымъ.

Поволжскій край, безъ сомнѣнія, представлялъ самый удобный пріютъ для разбойниковъ, и потому здѣсь особенно много сохранилось различныхъ сказаній о кладахъ въ самой прихотливой и украшенной формѣ. Волга-матушка, — эта вольная божья дорога, — представляла широкое раздолье для всѣхъ бѣглыхъ, недовольныхъ господствовавшимъ порядкомъ дѣлъ на Руси, а ея многоводныя притоки Ока, Кама и Сура съ

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 138 и слѣд.

²⁾ См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова, стр. 718.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Н. Я. Аристовъ былъ профессоромъ Русской исторіи въ университетахъ: Казанскомъ, Варшавскомъ и Харьковскомъ и въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ, гдѣ и скончался.

густыми и непроходимыми въ то время лѣсами, горы и глубокіе приволжскіе овраги, какъ пельза болѣе, соответствовали цѣлямъ разгульной вольницы. Здѣсь и доселѣ сохраняется память о Ермакѣ Тимофеевичѣ въ названіи села Ермакова и объ его есаулѣ Кольцо въ наименованіи села Кольцова, находящихся въ Самарской Лукѣ¹⁾. Волга служила театромъ дѣйствій Разина и Пугачева; подъ вліяніемъ этихъ страшныхъ волненій, сильно разыгралась народная фантазія и создала множество удивительныхъ рассказовъ и преданій. Н. Я. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ нѣсколько любопытныхъ преданій о кладахъ въ Симбирской губерніи, соединенныхъ съ именемъ Разина, особенно интересенъ рассказъ о Шатранскомъ кладѣ²⁾; но онъ вовсе не упоминаетъ о разбойникѣ Кудеярѣ, роившемся будто отъ великой княгини Соломонин, первой супруги Василя Іоанновича III, съ которой князь развелся по ея бесплодію, чтобы жениться на Еленѣ Глинской. Преданія о Кудеярѣ распространены преимущественно въ среднихъ за-московскихъ губерніяхъ, хотя иногда и въ рассказахъ приволжскихъ жителей упоминается какой-то разбойникъ, побратавшійся съ Грознымъ Царемъ Московскимъ. Въ селѣ Подвалѣ Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи въ шестидесятыхъ годахъ проживала крестьянка Абрамова-Азовская, помѣшавшаяся на кладонскательствѣ; нѣсколько лѣтъ она отыскивала „траву-разрушительку“, чтобы добыть кладъ, скрытый на дворѣ Филиппа Самсопова, крестьянина деревни Матюшиной въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ. Абрамова рассказала намъ слѣдующее преданіе объ этомъ кладѣ: „На дворѣ Филиппа Самсопова положенъ

¹⁾ Обл села Ермакова и Кольцова находятся въ Самарскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи.

²⁾ Въ селѣ Шатранахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи, по преданію, лежитъ казны 40 пудовокъ (мѣръ) золота, 2 сундука жемчугу и 4 р. мѣди брата Стеньки Разина Ивана; тотъ, кому достанется кладъ, мѣдью и деньгами долженъ раздать нищей братіи. См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова стр. 732—734

кладъ во 104 милліона рублей. Тамъ находится жестяная таблица, прибитая къ матицѣ изъ чернаго дуба. Въ выходѣ стоитъ столъ; на столѣ лежитъ Евангельска книга, тутъ же стоитъ и блюдо, а на блюдѣ лежитъ камень самосвѣтъ, вѣсомъ въ полтора фунта. Въ углу выхода поставлены 42 ружья, вокругъ ихъ—мѣдная шпоничка, или кольцо, блестящее какъ золото. Въ выходѣ же находится часовня, а въ ней стоитъ животворящій крестъ да тутъ же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; предъ ихъ иконами горитъ большая неугасимая свѣча. Въ кладу положено двойное золото, серебро все крестовики, жемчугъ и мѣдныя деньги все съ копяи. Около клада стоитъ приставъ (чертъ) и никому не даетъ денегъ: впезаино, говоритъ, трава найдется съ восхода и казна туда пойдетъ,—есть подвалъ¹⁾, туда и пойдетъ казна. Кто возьметъ этотъ кладъ, тому построятъ соборъ-церковь и поставятъ въ ней животворящій крестъ, находящійся въ выходѣ, а икону Арсидимы Божіей Матери отнесутъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ она была раньше и откуда вывезъ ее какой-то разбойникъ, побратавшійся съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Однажды, когда царь проходилъ по одной изъ московскихъ улицъ, на встрѣчу ему попался разбойникъ. „Кто ты?“ спрашиваетъ царь.—„Разбойникъ“, отвѣчаетъ тотъ.—„А ты кто?“ спросилъ разбойникъ.—„И я—разбойникъ“, отвѣчалъ Грозный и сказалъ: „пойдемъ исхичивать царя!“—Тогда разбойникъ ударилъ его въ щеку и прибавилъ: „развѣ можно исхичивать Бѣлаго Царя?!“—Узнавъ потомъ, при содѣйствіи своей хитрой жены, что онъ ударилъ царя, разбойникъ закручинился, что царь прикажетъ снести ему голову за обиду; но жена успокоила его, что царь этого не сдѣлаетъ, потому что онъ не вѣдалъ, что бьетъ царя, а ударилъ раз-

¹⁾ Абрамова, находя соввучіе въ словахъ «подвалъ» и «Подвалъ», была убѣждена, что кладъ долженъ достаться кому-либо изъ Подвалскихъ жителей, почему такъ усердно и долго старалась найти гдѣ-нибудь «траву-разрушечку», чтобы добыть этотъ кладъ.

бойника и стоять за царя же. Въ другой разъ тотъ же разбойникъ узналъ, что царю хотять поднести послѣ обѣдн просфору съ ядомъ; опъ пришелъ къ царю и сказалъ, чтобы опъ не бралъ просфоры. Иванъ Васильичъ обнялъ разбойника, поцѣловалъ и назвалъ его своимъ мельшимъ братомъ. Видя скупость своего брата, разбойникъ задумалъ поживиться царской казной и сталъ молиться: „Помоги мнѣ, Никола Милостивый, увезти у своего брата названого банкъ съ казной и положить его на 42 человекъ бѣдныхъ!“—Никола Милостивый и помогъ ему: на семнадцати тройкахъ разбойникъ увезъ царскую казну и зарылъ ее въ Матюнинскомъ лѣсу. Огромный ларь съ двойнымъ золотомъ подпертъ желѣзной рогатной, въ родѣ ухвата. Казна положена ни купцу, ни боярину, а на бѣдныхъ 42 человекъ. Кто подыметъ этотъ кладъ, тотъ долженъ камень самосвѣтъ и камень невидимый отослать къ царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а въ зепь (карманъ) его не класть. Отъ невидимаго камня много пользы: если Бѣлый Царь обѣдетъ съ нимъ Расею, она сдѣлается невидимой для ея неприятелей; а кто найдетъ и доставитъ замочную траву, тому—двойнаго золота гарнецъ. Траву нужна для того, чтобы сшибить замокъ у сундука, въ коемъ хранятся планы, а замокъ вѣсомъ 16 фунтовъ. Въ выходѣ слышится шной разъ слабый женскій голосъ: „не устайся, рабъ Божій, своей силой поднять казну! найди траву-разрушевку и выручи Божью Матерь изъ неволи, и тогда всему твоему роду и подродью будетъ царство небесное“.

Крестьянка Абрамова истратила все свое состояніе на отысканіе завѣтной травы, но не могла найти ее, и умерла съ глубокимъ убѣжденіемъ въ существованіи этого клада. Замѣчательно, что о присутствіи иконы Божіей Матери въ кладахъ упоминается во многихъ преданіяхъ. Въ четырехъ верстахъ отъ села Труслеяки, какъ гласитъ преданіе, Разпнъ положилъ на пчельникѣ подъ порогомъ въ избушкѣ кладъ и икону Божіей Матери. Кто отыщетъ эту икону, тотъ

отроетъ и кладъ, а кто станетъ рыть кладъ безъ этой иконы, тотъ тотчасъ же уснетъ ¹⁾).

Въ двухъ верстахъ отъ села Куваля Алатырскаго уѣзда Симб. губерніи показываютъ Городокъ, представляющій изъ себя небольшой курганъ (?) въ долинѣ между двухъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ; въ курганѣ зарытъ кладъ, пазъ которымъ виситъ на золотой цѣпи икона Богородицы въ золотой ризѣ ²⁾). Въ Шатранскомъ кладѣ Стеньки Разина также стоитъ икона Божіей Матери, а предъ ней горитъ неугасимая лампада ³⁾).

Дѣйствительность существованія разбойническихъ и другихъ кладовъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества не подлежитъ сомнѣнію, и разнообразныя разсказы и преданія о кладахъ, отличающіеся часто полумифическимъ и легендарнымъ характеромъ, имѣютъ въ своей основѣ какой-либо дѣйствительный фактъ, осколокъ правды, украшенный народной фантазіей, подъ вліяніемъ возрѣнія и склада духовной жизни народа. Въ старину, какъ извѣстно, ни банковъ, ни сберегательныхъ кассъ не было, а держать дома трудомъ нажитое добро было рискованно и еще болѣе было опасно пускать казначей въ оборотъ, при внутреннемъ неурядицѣ общества, при постоянныхъ нападеніяхъ непріятелей: „сильные притѣсняли слабыхъ“,—замѣчаетъ по этому поводу Н. Я. Аристовъ,—и отнимали ихъ собственность; воры и разбойники нерѣдко похищали имущество другихъ; самовластіе служителей правосудія доходило до того, что они вытягивали послѣднюю копейку съ подсудимыхъ. Поэтому умные люди стараго времени считали самымъ практическимъ дѣломъ—прятать деньги и цѣнные вещи, какъ можно дальше отъ завистливаго взгляда. Чтобы не подвергнуться неожиданному разоренію, личнымъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ, чтобы обезопасить свое семейство на всякій случай и сохранить малую толпу на чер-

¹⁾ См. въ статьѣ Н. Аристова: «Преданія о кладахъ», стр. 723.

²⁾ Тамъ же, стр. 728.

³⁾ Тамъ же, стр. 733.

ный день,—они зарывали въ землю кмущество, нажитое потомъ и кровью. Припоминая постоянную борьбу русскихъ съ финскими, татарскими и нѣмецкими племенами, затѣмъ внутрення междуособія и неустройства общественныхъ порядковъ, каждый теоретически можетъ сдѣлать выводъ, что кладовъ, зарытыхъ въ древнее время, должно быть громадное количество. Дѣйствительно, не смотря на всю случайность находокъ, кладовъ разрыли до настоящей поры очень много и преимущественно съ древними монетами и вещами, спрятанными по крайней мѣрѣ до XV вѣка¹⁾. Съ другой стороны, разбойники, застигаемые въ расплохъ преслѣдующими ихъ командами, не падѣясь унести съ собой награбленное ими богатство, скрывали его въ землѣ и дѣлали на этомъ мѣстѣ примѣты. Послѣ разгрома разбойническихъ шаекъ, одни погибали въ неравномъ бою, а другіе отправлялись на каторгу и кладъ, зарытый ими въ землѣ, оставался гдѣ-нибудь въ лѣсу, горѣ или оврагѣ до случайной находки его.

Преданія о кладахъ неоднократно подавали поводъ къ дѣйствительнымъ опытамъ кладопискаательства. Нѣкоторые изъ крестьянъ-кладопискателей всю жизнь проводятъ въ добываніи записокъ о примѣтахъ, гдѣ зарытъ кладъ, и въ раскопкѣ этихъ мѣстъ. Случайныя находки, вмѣсто денегъ, мѣдныхъ копѣекъ, кольчугъ и образовъ²⁾ еще болѣе раздражали кладопискателей. Бывали примѣры, что мужики, занимающіеся кладопискаательствомъ, ходили въ Петербургъ съ прошеніемъ о разрѣшеніи искать имъ клады. Въ селѣ Усольѣ, что на Волгѣ, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, велось даже слѣдственное дѣло изъ-за кладопискаательства, а въ 1843 г. отставной унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Афанасій Петровъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 711.

²⁾ Въ селѣ Миренкахъ одинъ крестьянинъ вырылъ кувшинъ клинообразныхъ монетъ; въ с. Морквашахъ (въ Самарской Луцѣ), при отысканіи кладовъ, попалась мѣдная продолговатая монета; въ с. Подвалѣ была вырыта мѣдная кольчуга, а въ селѣ Бряндицѣ крестьянинъ вырылъ икону 1618 г. См. ст. Аристова, стр. 731, сноска.

явился въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и, показавъ голландскій талеръ 1620 года, сообщилъ, что въ селѣ Кировоѣ Городищѣ Кромскаго уѣзда Орловской губерніи, у крестьянина Василя Самсонова въ подземельѣ находится огромный кладъ, состоящій изъ множества боченковъ, наполненныхъ золотою и серебряною монетою. Тогдашній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскій распорядился, чтобы мѣстныя власти произвели слѣдствіе объ этомъ кладѣ со всею строгостью и о результатахъ донесли въ министерство. При слѣдствіи были допрошены всѣ прикосновенныя къ дѣлу лица, въ томъ числѣ приходскій священникъ и московскій купецъ Бардинъ, и осмотрѣна мѣстность, на которой стоялъ домъ Самсонова, но никакого клада небыло найдено ¹⁾. Между прочимъ любопытно то, что на этомъ слѣдствіи было выяснено, какъ пные ловкіе люди, пользуясь невѣжествомъ крестьянъ, выдавали дѣйствіе извѣстнаго „гремучаго серебра“ (*argentum oxidatum fulminans*) за чудесное дѣйствіе надъ желѣзомъ такъ называемой спринъ-травы, или разрывъ-травы. Крестьянинъ графа Шереметьева Леоптій Ануфриевъ, имѣя только для виду какую-то травку въ пузырькѣ, при помощи „гремучаго серебра“, производилъ опытъ въ кузницѣ, въ присутствіи купца Бардина и кладовскателей, и опытъ вполне удался: полоса желѣза, почти въ четверть аршина длиной и въ ширину толщиной, положенная на наковальню, отъ одного прикосновенія чудесной травы разлеталась съ трескомъ, на подобіе выстрѣла, на четыре части, при чемъ Ануфриевъ, производившій опытъ своими руками, увѣрялъ, что безъ особенной спорозки и умѣнья ничего не сдѣлаешь, если и будешь имѣть эту траву. Но извѣстны и такіе случаи, когда народная молва о кладѣ оправдывалась дѣйствительною находкой сокровищъ въ той мѣстности, гдѣ предполагался кладъ: такъ въ 1839 году, въ селѣ Бѣломъ Омутѣ, Зарайскаго уѣзда Ря-

¹⁾ Случай этотъ описанъ въ Ж. М. Вн. Дѣлъ за 1845 г., г. IX, стр. 313 и слѣд. и въ Запискѣ къ статьѣ: «Презанія о кладахъ» Л. Майкова.

запской губерніи, одинъ крестьянинъ, копаясь около своей избы, про которую давно шелъ слухъ, что подъ нею скрыто какое-то богатство, нашелъ небольшой кладъ изъ куфическихъ монетъ X вѣка. Благодаря содѣйствію мѣстнаго священника, находка эта попала въ свѣдущія руки и представила любопытныя данныя для науки ¹⁾).

Многочисленные случаи кладонскательства подали поводъ нашему законодательству къ нѣкоторымъ особымъ постановленіямъ, относительно кладовъ. При Петрѣ Великомъ, правительство смотрѣло на кладъ, какъ на богатство, ему принадлежащее ²⁾. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, право собственности владѣльца земля было распространено на всѣ богатства, сокрытыя въ ея пѣдрахъ, что было особо подтверждено и Жалованною Грамотою дворянству ³⁾. Въ 1803 г. 7 октября былъ изданъ указъ, въ которомъ Сенатъ изъяснилъ, что кладъ безъ позволенія владѣльца земли не только частными лицами, но и мѣстнымъ начальствомъ отыскиваемъ быть не можетъ ⁴⁾. Въ X т. Свода Гражданскихъ Законовъ, по изданію 1832 г., сказано, что „кладъ принадлежитъ владѣльцу земли“ и притомъ объяснено, что „кладъ есть сокрытое въ землѣ или строеніи сокровище“ ⁵⁾. Въ изданіи того же Свода Гражданскихъ Законовъ 1842 года, т. е. черезъ десять лѣтъ, повторена снова эта статья о правѣ владѣнія кладомъ, но изъ опредѣленія понятія „кладъ“ опущены слова „или строеніи“ ⁶⁾.

¹⁾ См. Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 г. Изданіе Одесскаго Общ. исторіи и древностей, подъ редакціей В. Григорьева. Спб. 1841 г. (4).

²⁾ П. С. Зак., № 4376, п. 3.

³⁾ Тамъ же, № 15447, п. I. Указъ 28 Іюня 1782 г. Слнч. № 16187, ст. 33. Указъ 31 апрѣля 1785 г.

⁴⁾ Тамъ же, № 20938.

⁵⁾ См. ст. 269.

⁶⁾ Ст. 398.

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской, на основаніи мѣстныхъ правъ ¹⁾, было постановлено, что кладъ, отысканный самимъ владѣльцемъ на его собственной землѣ, весь и сполна принадлежитъ ему, изъ клада же, найденнаго кѣмъ-либо случайно на чужой землѣ, половина отдается владѣльцу земли, а другая половина тому, кто нашелъ кладъ ²⁾. Всѣ означенныя статьи о правѣ владѣнія кладомъ вошли и въ изданіе 1857 г. Свода Законовъ ³⁾.

Если археологическія раскопки различныхъ кургановъ и могильниковъ (Апаньпскій и Муравскій) и сообщенія о дѣйствительно находимыхъ кладахъ даютъ цѣнные результаты для науки, то и преданія объ этихъ сокровищахъ представляютъ богатый матеріалъ для историка, психолога и поэта, при изученіи духовной жизни народа. „Преданіе“, по справедливому замѣчанію Т. Н. Грановскаго, „не заботится о вѣрности, но въ немъ есть истина другого рода: въ немъ высказываются любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину“. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ въ преданіяхъ о кладахъ политико-экономическій смыслъ Русскаго народа. Не смотря на самыя тяжелыя труды, русскіе крестьяне въ огромномъ большинствѣ испытывали страшную бѣдность въ теченіе многихъ вѣковъ; нельзя сказать, чтобы они разбогатѣли и теперь, когда и правительство, и частная благотворительность стараются поддержать народъ въ его упорной и часто непосильной борьбѣ съ природою, болѣзнями, эпизоотіей, пожарами и другими невзгодами, угрожающими окончательнымъ разореніемъ крестьянству. Поэтому неудивительно, что русскій крестьянинъ не вѣритъ,

¹⁾ Литовск. Стат., разд. III, арт. 39, подтвержденный мнѣніемъ Госуд. Совѣта, Высочайше утвержд. 15 апрѣля 1842 г.

²⁾ Сводъ Гражд. Зак. Изд. 1845 г., ст. 398.

³⁾ См. т. X, ст. 430. Всѣ вышеприведенныя указанія на законоположенія приведены по статьѣ Л. Майкова: «Замѣтка къ статьѣ: «Преданія о кладахъ», который въ свою очередь заимствовалъ ихъ изъ «введенія» въ статью, напечат. въ Ж. М. Вн. Дѣлѣ за 1845 г., ч. IX, стр. 313.

чтобы можно было и притомъ скоро разбогатѣть своимъ трудомъ: „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“, говоритъ онъ, а если кто изъ его собратьевъ вдругъ разбогатѣетъ, то приписываетъ это счастливому случаю или печальному дѣлу: „богатый совѣсти не купитъ, а свою губитъ“. О лицахъ нажившихъ богатство въ короткое время, крестьяне чаще всего говорятъ, что имъ удалось найти кладъ. Но особенно любопытно то обстоятельство, что всѣ преданія о кладахъ, подъ вліяніемъ христіанства, получили легендарный характеръ чисто въ русскомъ духѣ. Степка Разинъ, Кудеяръ, братъ Разина Иванъ и другіе разбойники, зарывая кладъ, оставляютъ въ мѣстахъ сокрытія клада или святыхъ иконы, или млыстыню иницемъ, и самый кладъ, по большой части, зарываютъ ни для купца, ни для боярина, а для людей бѣдныхъ, простыхъ, неопытныхъ, дѣтей и тѣхъ, которые голыми руками и претерпѣваютъ напрасно побой и притѣсненія,—словомъ, въ преданіяхъ о кладахъ отразился тотъ же взглядъ народа, что и въ его бытовыхъ сказкахъ: о богатствѣ и бѣдности, о правдѣ и кривдѣ, о трехъ братьяхъ, о трехъ сестрахъ и спосахъ, о мачихѣ и падчерицѣ и др., гдѣ бѣдные и правдивые, гонимые богатыми и притѣсняемые криводушными, младшіе, преслѣдуемые старшими, слабые—сильными въ концѣ концовъ торжествуютъ и выходятъ побѣдителями. Въ статьѣ Н. Я. Аристова приведенъ слѣдующій рассказъ по этому поводу.

Въ одномъ домѣ была женщина въ заговѣ, не любимая въ семьѣ; ей не позволяли даже участвовать въ общемъ деревенскомъ весельѣ и въ играхъ, и потому она больше сидѣла дома. Какъ только останется она наединѣ, вдругъ завоетъ въ трубѣ вѣтеръ и послышится голосъ: „упаду—расшпыбусь!“.... Когда она рассказала о томъ роднымъ, тѣ подняли на смѣхъ и обругали ее. Страхъ одолѣлъ несчастную женщину и она рассказала о томъ своей сосѣдкѣ, которая научила ее, какъ пособить горю: „ты возьми,—говоритъ,—бѣлую скатерть, раз-

стелл около печки, поставь хлѣба-соли, и какъ только заговорить въ трубѣ голосъ, ты скажи: „упади-расшибись на хлѣбъ да на соль да на добрые годы“. — Припасла все это молодуха, сидитъ одна одишенька по прежнему, а кладъ не является, перестать совсѣмъ голосить въ трубѣ, такъ что она объ немъ и забыть стала. Сидитъ она однажды вечеромъ, задумавшись; вдругъ завью въ трубѣ сильнѣе прежняго: „упаду-расшибусь!“... Сначала молодуха оробѣла, потомъ оправилась и тотчасъ разостлала скатерть и проговорила по совѣту сосѣдей немудря слова. Кладъ рассыпался изъ трубы серебромъ прямо на скатерть ¹⁾).

Степъка Разинъ, по народнымъ преданіямъ, былъ не воровъ-разбойникомъ, а защитникомъ интересовъ, имущественныхъ и личныхъ правъ простаго народа, нарушителями которыхъ являлись помѣщики и воеводы, а потому и неуловительно, что во многихъ преданіяхъ о кладахъ, соединенныхъ съ именемъ Разина, говорится, что кладъ зарить нитъ на бѣдныхъ и гонимыхъ сильными. Съ другой стороны, оберегателями кладовъ, какъ награбленнаго богатства, обогрѣннаго нерѣдко кровію людей, являются бѣсы, требующіе за обладаніе кладомъ человѣческихъ жертвъ, а потому различныя иконы съ неугасимой предъ ними лампадой или свѣчей, богоявленская вода, Животворящій Крестъ, восковыя свѣчи, просфоры, ладонь, разныя молитвы ²⁾ Божіей Матери, Архангелу Михаилу и святымъ, заклинанія діавола, трава Петровъ-крестъ, Плакунъ-трава ³⁾ и Спрынь-трава занимаютъ весьма видное мѣсто въ преданіяхъ о кладахъ, какъ средства, при помощи которыхъ можно прогнать бѣсовъ и добыть кладъ, скрытый въ землѣ какимъ-либо разбойникомъ для искупленія отъ грѣ-

¹⁾ См. стр. 727. Сравни тамъ же стр. 722.

²⁾ Н. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ три такія молитвы. 1) Молитву Пресвятой Богородицѣ (стр. 735), 2) Молитву Михаилу Архангелу (стр. 736) и 3) Молитву Св. Николаю Чудотворцу. (стр. 737).

³⁾ Плакунъ-трава, по народному убѣжденію, выросла отъ слезъ Богородицы. См. стихъ о Голубиной книгѣ.

ховъ его души. Ворожецы или такъ называемые „мастера“, умѣющіе добывать клады, говорятъ, что для открытія и обладанія кладомъ необходимо прежде всего отслужить молебень св. Іоанну Новгородскому; затѣмъ идти на мѣсто предполагаемаго клада, взявъ съ собою девятичиповную просфору¹⁾ и прежде чѣмъ брать открытый кладъ, слѣдуетъ окурить его ладопомъ и окропить святою богоявленскою водою. Лица, занимающіяся отысканіемъ кладовъ, имѣютъ у себя такъ называемыя „вызывныя книги“, заключающія въ себѣ заклинательныя молитвы изъ „Требника“ Петра Могилы и многія другія, которыя читаются на мѣстѣ сокрытія клада. При разрытіи клада не слѣдуетъ оглядываться, разговаривать и особенно предаваться сну, а чтобы не бояться разныхъ привидѣній, нужно имѣть при себѣ траву Петровъ-крестъ, Спринь-траву и свѣчу воска яраго (бѣлаго). Иные охотники до кладовъ имѣютъ у себя особыя записи и чертежи, служащія для нихъ указателями и руководствомъ при отысканіи кладовъ²⁾. Вѣроятно, эти записи составились подъ вліяніемъ устныхъ преданій и положены на бумагу грамотными кладонскателями, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе съ различными вариантами и наслоеніями позднѣйшаго времени. Къ числу такихъ записей, вѣроятно, принадлежитъ и печатающійся въ настоящей книжкѣ „Извѣстій“ рукописный свитокъ Г. В. Мещеринова. Мы находимъ въ немъ всѣ тѣ характеристическія черты, которыми отличаются вообще преданія о кладахъ. Послѣ исчисленія скрытыхъ въ немъ сокровищъ и указанія его мѣсто-нахожденія, даются паставленія, какъ его взять. Кладъ бабы разбойницы Варвары, Желѣзный Лобъ, можетъ быть взять только людьми „простосердечными“, а хитрые люди, еслибы при томъ находились, „всѣ вскорѣ погибнутъ конечною злою смер-

¹⁾ Въ честь девяти чиповъ Ангельскихъ.

²⁾ См. образчикъ такой записи въ ст. Н. Аристова на стр. 731, а въ приложеніи къ „Замѣткамъ“ Л. Майкова находится любопытный чертёжъ, сдѣланный въ объёмѣ подлинника и съ точнымъ сохраненіемъ рисунка оригинала и его письма, относящагося къ началу текущаго столѣтія.

тію". При открытіи клада, непременно должна находится баба Варвара, безъ которой „того сокровища отнюдь никому не найтати и не взять". Баба Варвара должна троекратно окропать дсери амшеника святою водою „вепитою" и, проговорявъ три раза Иисусову молитву, какъ она, такъ и всѣ, находящіеся съ нею, должны пропзнести заклинаніе діавола; „заклинаемъ ты діавола Люцифера, тьми князя града ада гесискаго и всѣхъ съ тобою злыхъ нечистыхъ діавольскихъ духовъ Живымъ Своимъ Истиннымъ Богомъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, Сыномъ Божиимъ и Сыномъ Маріинимъ, агою и амегою, отъ сего часа и мнуги, да-изыди отъ сего мѣста и со всѣми своимъ нечистыми духи, невидимо нами рабами Божиими, на сухъ лѣсъ, на желтые пески синяго моря акіяна. Аминь, аминь, аминь". Затѣмъ всѣмъ слѣдуетъ идти въ амшеникъ за бабою Варварою, безъ робости и сомнѣнія, съ Иисусовою молитвою „честно, тихо и кротко". Въ амшеникѣ находится „лодовая превеликая пушка, заряженная злымъ дѣломъ да образъ Св. Варвары Христовой Мученицы". Цѣль зарытія клада—спасеніе души: называя себя „многогрѣшной рабой божіей", Варвара Желѣзный Лобъ просить тѣхъ, конь достанется кладъ, „незабытно поминать многогрѣшныхъ рабовъ божиныхъ Варвару, Кудеяра и Степана" (Разина). Здѣсь очевидно сказалося вліяніе христіанства: сознавая грѣховность своей удалой жизни и вѣря въ отвѣтственность за свои дѣнія въ загробномъ мірѣ, разбойники надѣялись, что молитвенная память о нихъ поможетъ ихъ душѣ, что Господь не отринетъ ихъ раскаянія въ грѣхахъ; подобно новгородскому богатырю Василью Буслаеву, они разсуждали такъ: „съ молоду было много бито, граблено,—полъ старость надо душу спасти".

В. Вумельскій.

МОРДВА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА II.

Внѣшній бытъ.

(Продолженіе)

Мордва представляет собою самое значительное изъ восточно-финнскихъ племенъ¹⁾. Съ давнихъ поръ она раздѣляется на двѣ основныя группы: Эрзю и Мокшу²⁾. Въ литературѣ упоминаются еще двѣ сравнительно меньшия группы—Терюхане въ Нижегородской губерніи (и уѣздѣ) и Каратаи въ Казанской, но первые обрусѣли, вторые отатарились и опредѣлить ихъ отношеніе къ названнымъ крупнымъ группамъ въ настоящее время чрезвычайно нелегко. Нѣсколько культурныхъ словъ, сохранившихся въ языкѣ, названія и формы костюма, скудные извѣстія о древней религіи—вогь все, чѣмъ можетъ располагать изслѣдователь.

Собраніе и обработка терюханскаго лингвистическаго матеріала были предприняты покойнымъ Веске, но не осущест-

¹⁾ Численность ея въ настоящее время можно опредѣлять до 1 милліона душъ обоюго пола.

²⁾ Въ формѣ Moxei мы встрѣчаемъ имя Мокши у Рубруквиса. Племенное названіе Эрзя можно предполагать въ Arsa, Arsanія Ибн-Фозлана.

вилося за его смертью и не находить продолжателя. Названія отдѣльных частей женскаго костюма—ш у п л а н ь, с у с т у г ь—не заключаютъ въ себѣ ничего обособляющаго; въ некоторую особенность представляютъ формы костюма, но онѣ—продуктъ новѣйшаго времени: новыя рубашки и кафтаны терюханокъ отличаются отъ соответствующихъ принадлежностей туалета эрзянокъ и мокшанокъ, но старыя вещи, которыя намъ приводилось видѣть, обнаруживаютъ близость къ эрзянскимъ формамъ.

Что касается отличія Эрзя отъ Мокши, то оно выражается въ физическомъ типѣ и въ рядѣ особенностей вѣшняго и внутренняго быта.

Презиравшаяся къ мокшанской толпѣ, наблюдатель скоро замѣтитъ, что она представляетъ большее разнообразіе типовъ сравнительно съ эрзянской. Рядомъ съ блѣдыми, сѣроглазыми и обладающими свѣтлой кожей особами, изъ которыхъ состоитъ эрзянская толпа, мы встрѣчаемъ здѣсь значительное, едва-ли не преобладающее, количество особей, обладающихъ черными волосами и глазами, смуглымъ, желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Лица представляютъ такое-же разнообразіе, какъ и окраска кожи и волосъ. Мокша въ большей части случаевъ, какъ и Эрзя, обладаетъ круглымъ лицомъ, но строеніе его иное, чѣмъ у Эрзи. Не рѣшаясь характеризовать это различіе въ терминахъ апатома антропологическихъ, мы отмѣтимъ только, что мокшанскія круглыя лица приближаются по типу къ татарскимъ и чувашскимъ. Среди преобладающей массы круглыхъ лицъ у Мокши встрѣчаются овальные лица, съ тонкимъ правильно очерченнымъ носомъ. Особи, обладающія такими лицами, имѣютъ большіе черные глаза, желтоватую кожу и черные волосы.

При одинаково-высокомъ ростѣ Мокша, насколько позволяютъ объ этомъ судить наши наблюденія, отличается большей массивностью сложенія и вытекающей отсюда неповоротливостью. Не обладая граціей и изяществомъ движеній, мокшан-

скія дѣвушки и женщины проявляютъ въ походѣ, въ говорѣ, въ жестяхъ самоувѣренную силу и энергію. Прямой, нѣсколько откинутый взадъ станъ, тяжелыя, размахистыя движенія, громкая рѣчь съ нѣсколько хрипылыми нотами—вотъ черты, которыя наблюдатель отмѣчаетъ въ мокшанской толпѣ.

Нарѣчіе эрзянское отличается отъ мокшанскаго и фонетикой и лексическимъ составомъ. Мокшанинъ и эрзянинъ, если они не изъ сосѣднихъ пограничныхъ деревень, не въ состояніи понять другъ друга и прибѣгаютъ для объясненій къ русскому языку ¹⁾.

Въ области внѣшняго быта главное отличіе заключается въ женскомъ костюмѣ; мужской не представляетъ особенностей. Костюмъ мокшанки и по составу, и по формамъ, и по способу надѣванія отличается отъ эрзянскаго. Нижняя одежда мокшанки состоитъ изъ рубашки и штатова. Рубашку свою мокшанка носитъ иначе, чѣмъ эрзянка. Въ то время, какъ у эрзянки рубашка спускается почти до пятъ, мокшанка поддегиваетъ свой длинный панаръ у пояса и не спускаетъ его ниже колѣнъ. Поверхъ его лѣтомъ она чаще всего не надѣваетъ ничего, тогда какъ полный туалетъ эрзянки предполагаетъ необходимо ш у ш и а н ь, вышитый верхній кафтанъ, тождественный по формѣ съ черемисскимъ шоборомъ или сюспапомъ. Головные уборы мокшанокъ не имѣютъ ничего общаго съ эрзянскими и ближе къ черемисскимъ. На сѣверѣ мокшанскаго края, вѣше Краснопослободска, употребляется головной уборъ близкій по формѣ къ черемисскому тюрику. Мокшанская панго по формѣ близка къ черемисскимъ лопатообразнымъ сорокамъ. Татарское вліяніе сказывается на Мокшѣ тѣмъ, что женщины поверхъ панго, а дѣвушки прямо на голову, наворачиваютъ холщевое полотенце или пубушную шаль въ видѣ чалмы.

¹⁾ Обстоятельнаго трактата о мордовскихъ нарѣчіяхъ финская филологія ожидаетъ отъ молодого гельсингфорскаго ученаго г. Паазонена, который собралъ во время своихъ недавнихъ путешествій къ Мордвѣ обширный матеріалъ въ видѣ фонетически записанныхъ текстовъ и словаря.

Круглыхъ кампавкообразныхъ кокошниковъ и сорокъ съ рогообразнымъ выступомъ надъ лбомъ, широко распространяемыхъ у эрзянокъ, мокшанки не носятъ. Полския украшенія такъ же рѣзко, какъ и головные уборы, обособляютъ эрзянокъ отъ мокшанокъ. Мокшанки не носятъ такъ называемаго пулага, то есть пазадника, украшеннаго бисеромъ и длинной бахромой.

По численности и району своего распространенія Эрзя преобладаетъ надъ Мокшей. Обширая своими поселеніями южные уѣзды Нижегородской и Симбирской губерній, она заходитъ въ губерніи Тамбовскую и Пензенскую. Исслѣдованія Паазопена показали, что Эрзя занимаетъ десять деревень на сѣверѣ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи въ окрестностяхъ Кадома и двѣ деревни въ Спасскомъ у. той же губерніи (Кажлогка и Дракино)¹⁾. Въ Пензенской губерніи она занимаетъ значительную часть селеній Саранскаго и Городищенскаго уѣздовъ, по мѣстамъ смѣшивалась съ Мокшей. Эрзя же составляетъ главный контингентъ мордовскаго населенія въ степяхъ Заволжья—въ губерніяхъ Самарской, Уфимской и Оренбургской. Въ губерніи Саратовской она чередуется съ Мокшей.

Внѣшній бытъ Мордвы сложился подъ вѣковымъ вліяніемъ окружающей ее природы. Коренными землями Мордвы, какъ мы имѣли случай показать въ предыдущей главѣ, слѣдуетъ считать, начиная съ С., южные уѣзды Нижегородской губ.—Нижегородскій, Арзамасскій, Ардатовскій, Княгининскій, Лукояновскій и Сергачскій и прилегающіе къ нимъ уѣзды губерніи Тамбовской—Темниковскій и Шацкій, Пензенской—Браснослободскій и Инсарскій, Симбирской—Алатырскій и Ардатовскій т. е. земли, омываемыя рѣками Тешей, Пьявой, Мокшей и Сурой. До настоящаго времени на этомъ пространствѣ сохранились обширные лѣса, которые являются остатками былыхъ его лѣсныхъ богатствъ: въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижего-

¹⁾ Journal de la Soc. Fin.-Ougr. IX, p. XIV—XV.

родской губерніи они занимаютъ около $\frac{1}{2}$ всего пространства, въ Лукояновскомъ 40%. Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ лѣса занимаютъ обширныя пространства по берегамъ Суры и Пьяны. Отдѣльные колки былыхъ лѣсовъ сохранились здѣсь при монастыряхъ—Спасскомъ близъ Краснослободска, Скандеевомъ близъ Наровчата и т. д., на государственныхъ и нѣкоторыхъ частно-владѣльческихъ земляхъ и даютъ понятіе о быломъ пейзажѣ страны. Громадныя пробѣлы, образовавшіеся между этими колками въ теченіе вѣковъ, воображеніе можетъ восполнить на основаніи разсказовъ старожиловъ и старинныхъ актовъ. Въ рѣдкомъ селѣ мордовскаго края не помнятъ о лѣсахъ, которые подходили прямо къ мордовскимъ усадьбамъ.

Акты говорятъ о дремучихъ лѣсахъ тамъ, гдѣ теперь путешественникъ видитъ сплошныя поля. Мордовскіе лѣса въ XVII в. начинались почти непосредственно у Нижняго, за Кудьмой рѣчкой. Возникшій въ это время въ вышшемъ Нижегородскомъ уѣздѣ Оранскій монастырь находился въ дремучемъ лѣсу. Территорія смежной съ нимъ терюшевской Мордвы даже столѣтіемъ позднѣе представлялась покрытой такими лѣсами, что въ нихъ могло свободно укрыться все населеніе волости, когда архіепископъ Д. Сѣчеповъ послѣ извѣстнаго „Терюшевскаго бунта“ задумалъ его крестить¹⁾.

О лѣсахъ, покрывавшихъ югъ территоріи, можно догадываться по картинѣ, которую до настоящаго времени представляетъ Кузнецкій уѣздъ Саратовской губерніи, по актамъ относительно Тамбовскаго и Моршанскаго уѣздовъ, по преданіямъ, сохраняющимся во всемъ мордовскомъ краѣ.

Близость черноземной полосы сказывается на этихъ лѣсахъ сравнительнымъ разнообразіемъ составляющихъ ихъ породъ. Выѣто борозъ, которые чередуются съ ельникомъ на лѣвомъ берегу Волги, путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь рядомъ съ обширными сосновыми лѣсами громады простран-

¹⁾ А. Титовъ. «Терюшевскій бунтъ». Рус. Обзор. 1893, № 9, стр. 310.

ства, покрытая листовыми породами: дубомъ, липой, клепомъ, ясенемъ, вкелепомъ и др.

Среди этихъ лѣсныхъ пространствъ проглядывали въ былое время поляны большого или меньшаго размѣра (к у ж а) и дикія поля, на которыя всего ранѣ сажались земледѣльцы¹⁾. Не мало мордовскихъ деревьевъ до настоящаго времени носятъ названія, оканчивающіяся на к у ж а (кжа, кша) = поляна.

О томъ животномъ мирѣ, который населялъ обширные лѣса ископно-мордовскаго края, даютъ понятіе акты XVII в. „А не учну язъ, читаемъ ми въ купчей записи Мамонтовой пустыни мордвина Верхоненской волости (1640 г.), въ тѣхъ борныхъ ухажьяхъ и во всякихъ вотчинныхъ угодьяхъ... въ рыбной и въ бобровой ловлѣ и во всякихъ ставовыхъ звѣряхъ, въ лосѣ и въ козѣ и въ свинѣ жереблевъ по государеву оброку давать и на мнѣ, на Михайлѣ, взать въ домъ великому чудотворцу Николѣ да труднику Мамонту по сей купчей записи заряду 100 рублевъ“²⁾. „Козинное и лосинное“ стойло, „свиное логово“, „бобровая вежа“, „бобровые гоны“ фигурируютъ въ цѣломъ рядѣ другихъ актовъ той-же пустыни³⁾. Рядомъ по мѣстамъ упоминаются еще куницы. Вся эта фауна заходила на Ю. въ область Хопра и Ворони⁴⁾.

Понятно, что мы должны встрѣтить ее и выше на С., гдѣ лѣса были обширнѣе—и акты, относящіеся къ Симбирской губерніи, дѣйствительно, указываютъ на ея присутствіе здѣсь. Въ одной изъ купчихъ Алатырской приказной избы мы читаемъ напр. слѣдующее: „а продалъ есми имъ тое вотчину впрокъ безъ выкупу и ихъ дѣтамъ... съ стоячимъ деревомъ и со пнемъ и съ лежакою колодою и со звѣри: и съ лосемъ,

¹⁾ Въ актахъ упоминается между прочимъ дикое поле въ Шацкомъ уѣздѣ въ Ценскомъ подлѣсномъ станѣ за Большимъ чернымъ лѣсомъ. Изв. Тамб. Арх. Ком. XIV, 23.

²⁾ Мамонт. пустыня. Изд. Тамб. А. К. Т. 1887. Стр. 6.

³⁾ *ibid.* Стр. 8, 9 и слѣд.

⁴⁾ *ibid.* Стр. 12—13.

и съ медвѣдемъ, и съ волкомъ, и съ лисицею, и съ кунницею... и съ водянымъ звѣремъ, съ бобримъ и съ бобровыми гонимыи¹⁾».

Если среди такихъ условій мордвинъ не остался охотникомъ и не сталъ подобно своимъ сѣвернымъ родичамъ — Вогуламъ и Коми — гибнуть по жѣртѣ того, какъ сокращались лѣсныя пространства, то этимъ онъ обязанъ свойствамъ почвы, которая лежала подъ полями ковыля и черными лѣсами. Эта почва, не требовавшая труда и дававшая человѣку обильные плоды, рано заставила его обратиться къ земледѣлю и заниматься имъ рядомъ съ охотою, рыбной ловлею и пчеловодствомъ.

Понятіе о томъ, какъ плодородны были когда-то земли, лежавшія подъ черными лѣсами, даетъ слѣдующія слова Палласа относительно пріемовъ земледѣлія на Самарской лужѣ: „иностранный человѣкъ, увидѣвъ здѣшнее хлѣбопашество, конечно придетъ въ изумленіе, а именно: на п е в с п а х а н н о й землѣ, которая и безъ удобренія плодородна, крестьяне сѣютъ овесъ, рожь и просо, какъ будто-бы на сѣденіе птицамъ, потомъ взявъ соху начинаютъ пахать, а за сохой идетъ другая лошадь съ бороною безъ погоняльщика и вся работа въ томъ состоитъ“²⁾).

Извѣстія русскихъ лѣтописей изображаютъ Мордву XIII вѣка уже народомъ земледѣльческимъ³⁾. Рядомъ съ земледѣліемъ у нея, судя по извѣстіямъ Рубруквиса, было широкое значеніе охота (соколиная) и пчеловодство: „у нихъ много свиней, меда, воска, богатой упряжи и соколовъ“ говоритъ онъ относительно Мокши⁴⁾. Этотъ строй жизни мало измѣнился въ теченіе почти трехъ столѣтій отдѣляющихъ Рубруквиса отъ Герберштейна. Авторъ „Записокъ о Московіи“ гово-

¹⁾ Акты Бѣлокрм. № 22.

²⁾ Путеш. по разнымъ провинціямъ. Ч. 1, стр. 246.

³⁾ Лѣт. по Лавр. св. Спб. 1872. Стр. 428.

⁴⁾ Requeil des Voyag. faits en Asie. I,

рить, что Мокша его времени обрабатывала поля, питалась дичиной и миломъ, имѣла въ изобиліи драгоценныя мѣха ¹⁾.

Въ XVII в. судя по многочисленнымъ указаніямъ актовъ охота и пчеловодство составляли еще очень важную статью въ хозяйствѣ Мордвы: бортные уходы и лѣсныя вотчины съ ихъ звѣремъ и птицей составляютъ главную драгоценность мордвина. Въ теченіе XVIII и XIX стол. сокращеніе лѣсной площади привело охоту въ однихъ мѣстахъ на степень второстепеннаго промысла, въ другихъ обратила ее въ пріятное воспоминаніе.

Показателемъ экономическаго благосостоянія, которымъ благодаря качествамъ своей земли Мордва пользовалась до бѣдствій послѣднихъ лѣтъ, служить между прочимъ ея незначительная задолженность.

Въ Саратовской губерніи (въ Кузнецкомъ уѣздѣ) приходилось долга ²⁾

у Мордвы	12 к. на десят.	= 7,25%	облада
у Чуваши	17 к. на	— = 10, 1%	—
у Русскихъ	53 к. на	— = 23, 5%	—
у Татаръ	1 р. 29 к. на	— = 72, 9%	—

Эта низшая степень задолженности Мордвы представляетъ собою прямой результатъ ея лучшаго обезпеченія землей ³⁾.

Вѣка, въ теченіе которыхъ Мордва жила въ своей благодатной странѣ, отразились на ея физическомъ типѣ. Она рѣзко отличается отъ другихъ финновъ Волжско-Камскаго бассейна—Черемисъ, Вотяковъ, Пермиковъ—своимъ ростомъ, массивнымъ сложеніемъ, здоровымъ цвѣтомъ кожи и размахомъ физическихъ силъ. Русское населеніе края также не вездѣ въ состояніи померяться съ Мордвой физическими ресурсами: оно позже явилось здѣсь, привнесло съ собою типъ, создавшійся въ относительно менѣе благоприятныхъ сѣверныхъ

¹⁾ Замясл. Герберштейнъ. Стр. 426.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по Саратов. губ. т. X, стр. 82.

³⁾ *ibid.* 50.

областях и находилось въ худшихъ сравнительно съ Мордвой социално-экономическихъ условіяхъ.

Само собою понятно, что при подобныхъ органическихъ ресурсахъ Мордва далека отъ вырожденія, выпавшаго на долю другихъ, менѣе благоприятно обставленныхъ племенъ. Новѣйшія статистическія изслѣдованія показываютъ, что Мордва принадлежитъ къ самымъ плотвитымъ народностямъ восточной Россіи ¹⁾).

Переходя къ детальному ознакомленію съ бытомъ Мордвы, мы остановимся прежде всего на ея питаніи и жилищѣ.

Пища мордвина находится въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ его преобладающими занятіями. Въ ту пору, когда лѣса открывали обширное поле для охоты, ее составляло мясо дикихъ животныхъ и птицъ. Подобно своимъ восточнымъ родичамъ, мордвинъ не былъ разборчивъ относительно попадавшей ему подъ руку дичи. Онъ не дѣлилъ животныхъ и птицъ на съѣдобныя и не съѣдобныя: заяцъ, сова, соколы, сокола, ворона, еще въ началѣ текущаго столѣтія употреблялись Мордвинами въ пищу рядомъ съ гусями и утками ²⁾). Заяцъ до сихъ поръ остается любимымъ кушаньемъ Мордвы. Въ ряду пищевыхъ продуктовъ возникшихъ на почвѣ скотоводства слѣдуетъ отмѣтить различнаго рода сыры, которые очень хвалятъ люди, пробовавшие ихъ, пидляф-верша—кушанье изъ поджаренной спящей крови. На почвѣ пчеловодства возникъ любимый напитокъ Мордвы—пуре. Не смотря на близость своего названія къ черемисскому шюре, пюре Мордвы отличается отъ этого послѣдняго и по своему составу и по способу приготовленія. Въ то время, какъ черемисское „шюре“ есть чисто медовой напитокъ, пюре представляетъ собою родъ такъ называемаго сыченаго пива.

Растительная пища Мордвина немногимъ отличается отъ русской. Черный хлѣбъ, пироги, квасъ, щи, блины, лепешки,

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. о Сарат. губ. т. V, 59; т. X, 181.

²⁾ Архим. Макарій.

олазы, кулага, каша изъ разнаго рода крупы—составляютъ существенное содержаніе мордовской кухни, какъ и русской. Покойный Майновъ въ числу кушаній специально мордовскихъ относитъ нухолон-прайста (пельмени съ заливной), герп-прайста—видъ малорусскихъ варениковъ, приготовленныхъ на коровьемъ или свиномъ салѣ, баланду—лебеду вареную въ молокѣ съ крутыми яйцами¹⁾.

Остатки язычества съ его молянами и обильными животными жертвами являются причиной того, что Мордвинъ до сихъ поръ гораздо чаще, чѣмъ его русскій сосѣдь употребляетъ животную пищу.

Въ такой-же зависимости отъ условій среды находится и жилище мордвина. И матеріалы и первоначальны формы для него давала всему финскому міру окружавшая его лѣсная природа. Естественный наѣсъ изъ вѣтвей, естественное углубленіе въ берегъ оврага или рѣки дали когда-то древнему финну первичныя архитектурныя идеи. Разработка данныхъ природой мотивовъ обнимаетъ первые періоды въ исторіи древне-финскаго жилья (кота, куд). Въ этой первоначальной обще-финской работѣ участвовала, какъ показываетъ языкъ и Мордва (фин. кота || чер. куда || морд. куд).

Современное жилище мордвина представляетъ результатъ его сожителства съ русскимъ народомъ. Чтобы открыть въ немъ то, что составляетъ продуктъ его собственного творчества, нужно выдѣлнить формы, особыя отъ русскихъ. Эта работа въ существенныхъ чертахъ уже выполнена финскимъ ученымъ г. А. Гейкелемъ въ его трудѣ: „Die Gebäuden der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen“ (Hels. 1888). За основаніе для хронологической классификаціи существующихъ у Мордвы и родственныхъ финновъ построекъ г. Гейкель принимаетъ формы огнища въ его послѣдовательномъ развитіи.

Древнейшей формой постройки снабженной огнищемъ является у Мордвы-Мокши овипъ (о в е и), срубъ, запущенный

¹⁾ Mainof. Les restes de la myth. Mord. 61.

въ яму, съ открытымъ огнищемъ по срединѣ и легкой надземной постройкой ¹⁾). Можно думать, что и первоначальная куд устраивалась такимъ-же образомъ. Между различными видами куды Мордва знаетъ м а с т ы р - к у д —землянку. Къ числу арханческихъ, но запятвованныхъ, можетъ быть, у тюркскихъ сосѣдей формъ лѣтнаго жилья слѣдуетъ отнести, судя по названію, шалашъ—к о ш ь ²⁾).

Слѣдующую стадію представляетъ баня—полуземлянка, врытая въ береговой склонъ рѣки. Такая баня, имѣя одну открытую стѣну, снабжена уже печью, которая помѣщается въ углу стѣны, расположенной противъ двери, и обращена къ этой послѣдней, какъ къ единственному источнику свѣта устья ³⁾). Въ баняхъ, устраивающихся на ровномъ мѣстѣ, на поверхности земли, печь сохраняетъ свое положеніе въ углу противъ двери, но обращается уже устьемъ не къ печи, а къ лѣвой отъ входа стѣнѣ, въ которой прорублено окно. Тѣ же положенія печь сохраняетъ и въ старой мокшанской избѣ (мокша-куд). Въ Тамбовской губерніи печь въ углу противъ двери г. Гейкель встрѣтитъ въ менсерацкой деревнѣ Кприлово.

О такомъ устройствѣ старыхъ мордовскихъ избъ уже раньше были извѣстія въ литературѣ. Г. Гейкель ссылается на извѣстныя статьи Мельникова въ „Рус. Вѣстникъ“ и нѣсколько другихъ ⁴⁾).

¹⁾ Первоначальное названіе такого огнища, кажется сохранилось въ названіи шестка толма (тол-огонь)-ланго. Ср. томба-ланго.

²⁾ У башкиръ кошомъ называется лѣтняя стоянка.

³⁾ Печь эта очень долгое время дѣлалась глинобитная. Судя по значенію названія п а н я — г (к) у д (сооруженіе, домъ для печенія) можно думать, что жилище съ печью возникло уже въ ту пору, когда Мордва познакомилась съ земледѣліемъ; п а н я имѣетъ одинъ корень съ глаголомъ п а н е м с печь. Тоже значеніе, можетъ быть имѣетъ и другое названіе печи у Мокши п е т ь н я - г у д , если предположить что слово п е т ь - н я стоитъ въ связи съ русскимъ печь. Какой матеріалъ для исторіи мордовскаго огнища заключаетъ въ себѣ слово к а ш т а м о , служащее у Эрани обозначенія печи, сказать нельзя; существующіе словари не даютъ возможности опредѣлить корень слова и его значеніе.

⁴⁾ «Симб. Губ. Вѣд.» 1867, № 91; «Пенз. Губ. Вѣд.» 1862, 24 и «Довѣ» 1886, 39

Болѣе распространенными и только въ мокшанскихъ деревняхъ г. Гейкель считаетъ избы съ печью въ одномъ изъ переднихъ угловъ устьемъ къ противоположной стѣнѣ.

Нѣсколько подробностей относительно устройства старой мордовской избы г. Гейкель извлекаетъ изъ статьи, помѣщенной въ журналѣ „Маякъ“ за 1845 г. (№ 4: 84—85). Въ сороковыхъ годахъ, судя по этой статьѣ, мордовскія избы ставились не фасадомъ, а бокомъ къ улицѣ и выходящая на улицу стѣна не имѣла оконъ. Окна прорубались только въ тѣхъ стѣнахъ, которыя выходили на дворъ.

Въ избу вели двѣ двери: одна отворявшаяся въ сѣни и другая низенькая, доходившая только до половини косяковъ въ избу. Противъ двери въ углу, выходящемъ на улицу, стояла глинобитная печь. Во время топки дверь въ сѣни приотворилась и дымъ выходилъ въ открытое пространство, остававшееся надъ второй.

Относительно оконъ въ старыхъ мокшанскихъ избахъ г. Гейкель отмѣчаетъ одну особенность: въ выходящей на улицу стѣнѣ окно помѣщается не по срединѣ стѣны, а ближе къ одному углу; эта особенность зависитъ отъ мѣста, занимаемаго печью; иначе не можетъ быть, когда она стоитъ въ одномъ изъ угловъ, выходящихъ на улицу.

Пола въ старыхъ мордовскихъ избахъ не было; мордвы довольствовались тѣмъ, что настилали на землю глины и тщательно уколачивали ее ¹⁾. Какъ переходъ къ русскому устройству половъ, г. Гейкель видѣлъ въ нѣкоторыхъ избахъ доски, настиланныя прямо на землю. Свободное пространство между дверью и печью въ старыхъ мокшанскихъ избахъ занято было широкими низкими парами (керспель), подъ которыми находилъ себѣ приютъ мелкій домашній скотъ; на такихъ нарахъ

¹⁾ Избы съ землянымъ поломъ сохранились у Мордвы Казанской губернии до сихъ поръ. Свидѣтельствомъ того, что полъ въ бѣлое время былъ неизвѣстенъ служитъ тотъ фактъ, что словомъ, обозначающимъ его у Мордвы, служитъ мастыр-земля.

устраивалась по стѣнѣ къ двери кровать. Вдоль стѣны выходящей на улицу устраивалась лавка, названіе которой (морга-пземъ) дастъ право (?) г. Гейкелю предполагать, что тутъ-же прежде помѣщался и столъ. Въ настоящее время на этой лавкѣ въ углу помѣщается ручная мельница, а столъ стоитъ въ одномъ изъ угловъ по сторонѣ двери. Сидѣвьями около стола служатъ конникъ и лазка. Конникъ извѣстенъ и въ русскихъ избахъ, но у Морды сохранилась, повидному, та его форма, которая послужила для названія. Часть конника, обращенная къ двери, имѣла оригинальный заборчикъ (боранка). Доска, составляющая заборчикъ, сводилась наверху такъ, что изображала грубое подобіе коня или какогонибудь другого животнаго. Въ устройствѣ этого заборчика да еще въ обшивкѣ печи ниже шестка только и сказывались эстетическія потребности Мордына. его стремленіе украсить свое жилище. Потребность украшать свой домъ рѣзьбой снаружи мы встречаемъ главнымъ образомъ у обрусѣвшихъ терюханъ Нижегородской губерніи.

При отсутствіи такъ называемаго плана въ устройствѣ поселковъ дома строились, какъ попало, но старыя избы дверью всегда были обращены къ солнечной сторонѣ—востоку или югу. Въ двери продѣлывалось оконце, которое открывалось при домашней молитвѣ¹⁾. Положеніе двери кромѣ религіозныхъ соображеній могло обуславливаться тѣмъ, что она была вѣкогда единственнымъ источникомъ свѣта.

Переходный типъ отъ „мокшанскаго“ дома къ „русскому“ г. Гейкель нашелъ въ одной избѣ въ Каргашинѣ. Печь стояла въ среднѣй правой стѣнѣ отъ входа, пространство оставшееся между нею и стѣной на право отъ двери было загорожено и служило зимнимъ помещеніемъ для овецъ и телятъ.

Эря, болѣе обрусѣвшая сравнительно съ Мокшей, позабыла, по мнѣнію г. Гейкеля, старыя формы жилия и усвоила

¹⁾ I. с. 26.

русскія. Въ Самарской губерніи эрзянскія постройки тождественны съ русскими. Въ расположеніи надворныхъ построекъ старій порядокъ также мало сохранился, какъ и въ устройствѣ избъ.

Въ Буинскомъ уѣздѣ Сибирской губерніи нашъ авторъ составилъ на основаніи разсказовъ планъ стараго мордовскаго двора, особенность котораго заключалась въ томъ, что изба стояла посреди двора отдѣльно отъ остальныхъ построекъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ. Избы въ этомъ домѣ не имѣли сѣней, но печь въ ней стояла по русски въ углу отъ двери.

На основаніи плана, доставленнаго г. Гейзелю однимъ мордвиномъ-ученикомъ изъ Белебейскаго уѣзда Уфимской губерніи, можно заключать, что и здѣсь Мордва стремилась имитировать всѣ надворныя постройки, не сливая ихъ по русски въ кольцо. Изба на этомъ планѣ стоитъ отдѣльно отъ другихъ зданій и снабжена только сѣнями. Клѣть, житница, коюшница, погребушки помѣщаются въ разнѣнную по сторонамъ двора. Въ серединѣ двора помѣщается яма—кардашъ-сарко, въ которую кладутся жертвы для бога-хранителя двора. Въ настоящее время такое устройство двора вследствие скученности и тѣсноты уступило мѣсто обычному русскому. Въѣзжая въ мордовскую деревню, путешественникъ по расположенію дворовыхъ построекъ не отличить ея отъ русской.

Мы приписываемъ схему развитія мордовскаго жилища, предложенную г. Гейзелемъ, но не видимъ основаній устанавливать особые типы мокшанскій и эрзянскій. Почтенный ученый имѣлъ недостаточный матеріалъ относительно Эрзи и потому счелъ ее совершенно позабышею старыя формы жилья.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются планы старыхъ мордовско-эрзянскихъ избъ, доставленныхъ намъ бывшимъ учителемъ села Сабапчеева Алатырскаго уѣзда г. Луквинимъ и мы можемъ положительно констатировать, что старыя эрзянскія избы имѣли то-же внутреннее устройство, что и мокшанскія.

Текстъ, приложенный къ планамъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣльныхъ указаній и мы воспроизводимъ здѣсь существенныя его пункты буквально.

„Въ прежнее время видъ мордовскаго селенія былъ не таковъ, какой оно имѣетъ въ настоящее время. Мордва селилась, кто гдѣ хотѣлъ, безъ опредѣленнаго плана. Улицъ не было: были порядки дома въ три или четыре, между порядками были узкіе проулки. Жилища пазы „кудо“ помѣщались въ средннѣ двора и состояли изъ пазы и сѣней, прочія же хозяйственныя постройки строились отдѣльно, съ одной стороны двора; свободныя мѣста заносились высокими заборами. Надъ воротами устраивался сарай; въ другихъ мѣстахъ двора сараевъ не было.

Доска для стропилъ употреблялись колотыя. Крыши домовъ и другихъ построекъ были большею частью соломенныя, на кровлю употребляли такъ же и „дрань“, т. е., тесь не пиленый, а драный изъ сосноваго дерева.

Глиняныя печи съ топкой по „черному“ сохранились въ пемвогихъ избахъ. Такая печь имѣетъ сравнительно широкій шестокъ „тохбамо ланга“. Противоположная сторона горнушки состояла изъ глиняной же стѣнки или просто заслонялась доской. Надъ шесткомъ укрѣплялся шестъ для сушки дровъ и лучины. Припособленій для варки пищи, не развода огня въ печи, не замѣчается. Можетъ быть шестъ надъ шесткомъ и служилъ для этой цѣли; если повѣсить котелокъ на шестъ, подъ готелкомъ на шестѣ развести огонь, то можно удобно сварить пищу. Въ настоящее время Мордва варитъ пищу на шестѣ, не развода огня въ печи, слѣдующимъ образомъ: на шестокъ кладутъ камень, на который ставятъ чугуны, а около чугуна разводятъ огонь. Подше печи по „черному“ устраивались съ кожухомъ, для того, чтобы пыль изъ печи при топкѣ не выходила наружу. Съ боковой части печи, устраивалась „гаська ланго“—широкая лавка въ аршинъ в болѣе ширины, подъ ней была западня въ подполъ „гаськае совсема варя“.

.Лавка кругомъ до полу забивалась досками и представляла изъ себя ящикъ или ларь; съ узкой стороны отъ печи устраивалась дверца. „Гаська ланго“ служила для помѣщенія ягнитъ: верхъ служилъ для снажья. Высота „гаська ланго“ была въ половину печи⁴.

Изъ разсмотрѣнія плановъ г. Лукппа читатель убѣдится, что въ старыхъ эрзянскихъ избахъ, какъ и въ мокшанскихъ, печь помѣщалась въ одномъ изъ противоположныхъ двери угловъ и была обращена устьемъ или къ двери (№ 2) или къ окну противоположной стѣны (№ 3). Перемѣстившись въ одинъ изъ угловъ у двери, она на первыхъ порахъ обращена была устьемъ къ противоположной боковой стѣнѣ, а не къ стѣнѣ противъ двери. Въ углу по ту или другую сторону двери, противъ устья печи, помѣщались столъ и божница. Въ повѣдшей литературѣ относительно Мордвы мы встрѣчаемъ извѣстия, что и въ эрзянскихъ избахъ окна большею частію выходятъ во внутрь двора⁴).

Избу съ расположеніемъ, соответствующимъ плану № 3, мы встрѣтили въ эрзянскомъ селѣ Тешнаръ Горолиценскаго уѣзда Пензенской губерніи. Эрзянскими—судя по присутствію на дворѣ кардась-сарпо—слѣдуетъ признать и тѣ избы, планы которыхъ далъ г. Гейкелю мордвинъ Уфимской губерніи.

Какую форму имѣли стѣны старой мордовской куды, можно догадываться изъ ихъ названія—к уд - п е л ь к с, к уд - м п е г е л ь (передъ дома). Тождественный по названію черемисскій к уд - о п д ж ы л представляетъ собою пространство, открытое съ лицевой стороны и защищенное выступомъ крыши сверху, выступами стѣнъ съ боковъ. Открытое преддверіе такого рода сохранилось при бабахъ у Пермяковъ и имѣло мѣсто въ старыхъ чувашскихъ и башкирскихъ избахъ.

Въ какой степени возстановленный выше типъ дома слѣдуетъ признать мордовскимъ, сказать опредѣленно въ

⁴) Мордовское село Лобаски (Ниж. губ. Сергач. у.). Ниж. Еп. Вѣд. 1887, стр. 735.

настоящее время нельзя. Старая мордовская изба отличается, конечно, от современной русской, но сохранится ли это различие, когда мы поставимъ вмѣсто современной русской избы старинную, это еще вопросъ, который разрѣшится только тогда, когда мы будемъ хорошо знать устройство и исторію развитія старинной русской избы. Къ сожалѣнію мы мало до сихъ поръ занимаемся вѣшнимъ бытомъ русскаго народа и имѣемъ смутныя представленія не только объ исторіи русскаго дома, но даже о его современныхъ вариантахъ. Г. Гейкелю, впрочемъ, не безызвѣстно, что избы съ печью, обращенной устьемъ къ двери. Мельничковъ встрѣчалъ и въ русскихъ селеніяхъ Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерній ¹⁾.

Рядомъ съ кудой Мордва съ давнихъ поръ имѣла различныя виды кѣтѣй и другихъ хозяйственныхъ построекъ и у палъ—кѣтъ съ окнами, соответствующую русской горлицѣ, у томо собственно кѣтъ и лато—саран и навѣсы. Въ настоящее время формы всѣхъ этихъ построекъ не отличаются отъ русскихъ, но въ пѣсняхъ упоминаются кѣтѣи съ балконами, подобныя тѣмъ, которыя до настоящаго времени встрѣчаются у черемисъ. Картина стараго мордовскаго жилья будетъ закончена, если мы прибавимъ, что домъ и хозяйственные постройки ограждались у Мордвы заборомъ.

Вѣсковое сожительство съ русскими отразилось на мордовскомъ домѣ помимо извѣстнаго уже намъ измѣненія плана внесены въ архитектуру художественнаго элемента—рѣзныхъ украшеній, которыми тѣмъ обильнѣе покрывается фасадъ мордовскаго дома, чѣмъ ближе мордовскія селенія къ тому русскому краю, въ которомъ русская народная архитектура достигла высшей ступени своего развитія—верхнему Поволжью. Наибольшую роскошь орнамента мы встрѣтили въ деревняхъ, расположенныхъ по почтовому тракту изъ Нижняго въ Арзамасъ.

¹⁾ Г. с. стр. 26. Прим. 2.

Оставляя по необходимости въ сторону вопросъ объ отношеніи старо-мордовской избы къ старо-русской, мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что избы одинаковаго устройства самыя г. Гейкель находилъ у Татаръ, а путешественники прошлаго вѣка указываютъ у Чувашъ. Описанный г. Гейкелемъ типъ жилья, стало быть, является общимъ для народностей Поволжья и его можно было-бы пока назвать волжско-булгарскими.

Меблировка старой мордовской избы была несложна. Ее составляли лавки, столъ и скамьи, сдѣланныя изъ цѣльнаго бруска дерева съ подрубленными сучьями въѣсто ножекъ (морга-вземъ).

Необходимую утварь и посуду мордвинъ въ былое время выдѣлывалъ самъ. Искусство дѣлать горшки (шакшъ) было извѣстно Мордвѣ съ давнихъ поръ. Горшки грубой работы составляютъ необходимую принадлежность старыхъ мордовскихъ моголъ. Деревянную посуду—чашки, ковши разнообразныхъ размѣровъ и формъ для личнаго употребленія и для жертвоприношеній Мордва приготавливала также сажа, но той потребности украшать деревянными подѣлками рѣзьбой, которая даетъ такую своеобразную физиономію черемисскимъ и чувашскимъ издѣліямъ, у нея мы не видимъ.

Къ числу издѣлій, которыя мордвинъ съ давнихъ поръ приготавливалъ самъ, относятся простѣйшія орудія передвиженія, охоты и земледѣльческаго труда. Подобно всемъ своимъ восточнымъ родичамъ мордвинъ на первыхъ порахъ зналъ одно только орудіе передвиженія на сушѣ—сани (шурда(т)—ср. перм. варт).

Вспоминаніе о томъ, что сани когда то употреблялись для перевозки тяжестей на сушѣ безъ различія времени года сохранилось въ языкѣ: слово и урт значить одновременно сани и возъ. Для передвиженія по водѣ мордвинъ умѣлъ приготавливать нѣсколько сортовъ лодокъ. Самъ онъ, конечно, выдѣлывалъ и лукъ со стрѣлами, съ употребленіемъ которыхъ онъ познакомился еще въ пору совмѣстной жизни съ осталь-

ными родичами. Переименованными здѣсь немногими численными видами издѣлій ограничивалась у Мордвы до XVIII в. обработка лѣсныхъ продуктовъ.

Съ XVIII в. Мордва познакомилась съ изготовленіемъ поташа. Базенные поташные заводы принесли не мало огорченій предкамъ нынѣшняго поселенія Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерній, но за то Мордва пресмотрѣлась къ дѣлу и въ настоящее время взяла его въ свои руки. Въ настоящее время въ Пензенской губерніи есть села, въ которыхъ оказывается до 20 владельцевъ поташныхъ заводовъ; таково напр. Новое Пшенино Инсарскаго у. ¹⁾

Изъ техническихъ растений Мордва обрабатываетъ преимущественно коноплю. Сѣмя идетъ на изготовленіе масла, которое въ Нижегородской и Пензенской губерніи стало почти спеціальностью Мордвы, а волокна на производство необходимыхъ тканей. Обработка продуктовъ скотоводства сдѣлала въ послѣднее время у Мордвы нѣкоторые успѣхи. Въ Пензенской губерніи между Мордвой развиты валайный и шерстобитный промыслы ²⁾. Производство сукна представляетъ собою старинный мордовскій промыселъ. Подобно Чувашамъ и Черемисамъ, Мордва чаще всего употребляетъ бѣлое сукно.

Обработка металловъ остановилась у Мордвы на зачаточной ступени развитія. Ножи, топоры, стрѣлы, копья, огнива до XVIII вѣка, нужно думать, выдѣлывались мѣстными работниками, но въ XVIII в. инородцамъ было запрещено изъ политическихъ видовъ заниматься кузнечнымъ ремесломъ и Мордва отвыкла отъ него.

Область женскаго обрабатывающаго труда распространяется главнымъ образомъ на производство и окрашивание тканей и изготовленіе изъ нихъ различныхъ принадлежностей костюма.

Мордовки до настоящаго времени, изготовивъ пряжу, сами ее красятъ. Знакомство съ красящими веществами онѣ

¹⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1893, №

²⁾ *ibid.*

упаслѣдовали, по всей вѣроятности, еще отъ своихъ прабабокъ. Путешественники XVIII в. указываютъ растенія, которыми мордовскія жепщины пользовались для окрашиванія пряжи—чертополохъ (пикелаома тикшедь) для окраски въ зеленый цвѣтъ, дрокъ въ желтый, марёпа—въ малиновый, душица—въ алый.

Женскій костюмъ Мордвы—вѣнецъ творчества мордовскихъ женщинъ—представляетъ весьма значительное разнообразіе формъ и можетъ сдѣлаться предметомъ самостоятельнаго этнографическаго этюда. До сихъ поръ не помѣчены еще ни варианты его, которые имѣютъ мѣсто на роднѣ Мордвы въ предѣлахъ одной и той-же племенной группы, ни границы ихъ распространенія. Наши собственныя наблюденія и данныя, найденныя нами въ литературѣ, позволяютъ установить, что даже въ предѣлахъ одной племенной группы у Мордвы, какъ и у Черемисъ, есть районы, различающіеся одиной отъ другаго формами костюма—преимущественно головныхъ уборовъ.

Начиная нашъ обзоръ съ сѣвера, мы должны отмѣтить прежде всего „вѣнецъ“ обрусѣвшей терюханской Мордвы—уборъ, который сохранился у очень немногихъ мордвокъ и дается на прокатъ при вѣчаніи. Его русское названіе вполне соответствуетъ формѣ. „Вѣнецъ“ состоитъ изъ проволочной діадемы, отъ которой на спину спускаются нитяныя вѣсти, унизаны ужевками. Спереди къ вѣнцу пришивается широкая лента изъ толстаго холста, унизанная серебряными монетами. Отъ ушей до пояса и ниже спускаются такіе-же ленты или ремни, унизанные деньгами—это такъ называемые *п л е т н ы*. Шея терюханки украшается обычными борками и сустугомъ—круглой фибулой, отъ которой на грудь спускаются нити, унизанныя бисеромъ и теньками.

Лѣтній повседневный костюмъ терюханки состоитъ изъ длинной рубашки и распашнаго широкаго кафтана, тождественнаго съ западно-черемисскимъ шушпаномъ по формѣ и по

названію. Шуппанъ имѣть на рукавахъ широкую—вершковъ до 5—вышивку, узоры которой не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, что мы наблюдаемъ у остальной Мордвы. Рубашка имѣть видъ примаго мѣшка съ разрѣзомъ посрединѣ груди; подоль ея украшаются небольшою вышивкой. Мордва извѣстной намъ Борисовской волости скупа на вышивки, по А. Д. Смирновъ, наблюдавшій ее въ селахъ, сосѣднихъ съ Терюшевымъ, отмѣчаетъ расшитые красной и черной шерстью рубахи и головные уборы¹⁾. Для болѣе холодной погоды у терюханокъ имѣется с е р м я г а—узкій до пояса и расширяющійся къ низу кафтанъ изъ бѣлаго самотѣльнаго сукна, украшенный по подолу узорами изъ шнура и раковинъ.

За Терюханами на В. и на Ю. идетъ Эрзя. Широко раскинувшая свои поселенія, Эрзя по формамъ костюма можетъ быть раздѣлена на три группы, границы которыхъ мы намѣчаемъ только самымъ приблизительнымъ образомъ.

Первая группа охватываетъ на коренной территоріи Арзамасской и Ардатовской уѣзды Нижегородской губерніи, а на повыхъ, заводскихъ мѣстахъ Ставропольской уѣздъ Самарской губерніи (вѣроятно, и другіе смежные съ ними), Стерлитамакской Уфимской. Характерными принадлежностями костюма этой группы являются: 1) круглый вышитый оксеромъ кокошникъ въ видѣ полуцилиндра съ спускающейся на спину широкой унизанной блестящими лопастью, 2) сдѣланные изъ толстой ткани и украшенные рядами ужевокъ, бубенчиковъ и бусъ передникъ и назадникъ.

Слѣдующую крупную группу, которую по мѣсту ея на коренныхъ мордовскихъ земляхъ можно назвать восточной, образуютъ уѣзды Лукояновской и Сергачской Нижегородской губерніи, Саранской Пензенской и примыкающіе уѣзды Симбирской губерніи. Эту группу характеризуютъ высокій, узкій, поднимающійся надъ лбомъ въ видѣ рога кокошникъ и тагъ

¹⁾ «Извѣстія» т. XI, вып. 3, стр. 286.

называемый пулагай—толстый бисерный, украшенный длинной черной бахромой назадникъ.

Третью маленькую группу образуетъ Эрзя Тамбовской губерніи. Кокосникъ этой группы по своей основной формѣ приближается къ кокоснику первой группы, но отличается отъ него характерными придатками по бокамъ, надъ ушами. Въ видѣ свитыхъ изъ красныхъ нитокъ или шерсти мачей. Задняя часть кокосника отличается тѣмъ, что тулья его, если здѣсь идетъ это названіе, сверху сплошь унизана особаго рода мелкими мѣдными пуговицами и производитъ впечатлѣніе чувашской тохы. Мѣсто пулагая и длиннаго назадника здѣсь занимаетъ прикрѣпленная сзади къ поясу бисерная накладка. Неизвѣстную въ другихъ мѣстахъ принадлежность костюма этой группы составляетъ такъ называемая шубейка. Это сшитая изъ кумачу на легкой подкладкѣ и отороченная мѣхомъ безрукавка съ мѣховымъ воротникомъ. Несмотря на свое названіе, шубейка представляетъ собою принадлежность лѣтняго костюма и замѣняетъ собой шушпанъ.

Эрзянки носятъ тѣ-же по формамъ, но гораздо болѣе распитые, чѣмъ у терюханокъ, шушпанъ и рубашку. Шушпанъ въ XVIII в. имѣлъ желтый цвѣтъ и широкіе (до полуаршина) рукава, въ настоящее время онъ дѣлается бѣлый и особенно богато расшивается на груди. Вышивка эта, когда полы сведены на груди, представляетъ широкій четырехугольникъ.

Въ костюмѣ Мокши мы замѣтили—по отношенію къ головномъ убору—три группы: сѣверозападную, которая захватываетъ сѣверную половину Краснослободскаго уѣзда (на С. отъ уѣзнаго города) и смежныя мокшанскія селенія Тамбовской губерніи, юго-западную, въ составъ которой входятъ южная часть Краснослободскаго уѣзда, и восточную, охватывающую собою Инсарскій уѣздъ. Первая группа употребляетъ панго, имѣющую видъ нѣскольکو срѣзаннаго черемисскаго тюрика (ш м а - ш о б ы ч), у второй еще не давно была въ употребленіи панго въ видѣ лопатообразныхъ черемисскихъ сорокъ;

третья группа употребляет панго, очень близкую по формѣ къ изображенной у Паласа и Георги ¹⁾).

Группы, намѣченные нами, различаются и по другимъ особенностямъ костюма. Одинаковый по основной формѣ панаръ имѣетъ напр. у восточной группы широкую вышивку во всю длину рукава, которой мы не встрѣчаемъ на западѣ. Сравнительное изученіе покажетъ не мало другихъ мелкихъ варьянтовъ въ формахъ пояса, поясныхъ, грудныхъ и шейныхъ украшеній, но отмѣчать эти варьянты, не имѣя возможности сослаться на сопровождающіе текстъ рисунки, мы считаемъ почти бесполезнымъ и заключаемъ наши замѣчанія о мордовскомъ костюмѣ нѣсколькими общими замѣчаніями относительно его исторіи.

Въ томъ видѣ, какой панаръ имѣетъ у эрзянокъ, онъ чрезвычайно близокъ къ византійскому мужскому одѣянію, которое называется далматикомъ, дивитисіемъ или савкосомъ ²⁾. Мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на эту близость въ виду того, что она бросается въ глаза: нижній разрѣзъ эрзянскаго панара представляетъ совершенную тождественность съ разрѣзомъ и украшеніемъ дивитисія. Съ другой стороны боковья, сдѣланныя полуovalомъ вышивки мокшанскаго панара чрезвычайно близки къ таковымъ-же на туникахъ, которыя изображены на фрескахъ, открытыхъ въ новѣйшее время въ Кіевѣ и фигурировавшихъ въ копіи на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что это сходство не случайность, а пережитокъ того вліянія, которое имѣла Византія, а можетъ быть еще и греческія колоніи, на костюмъ пародностей, населявшихъ южную и среднюю Россію. Что формы былой мужской одежды уцѣлѣли въ женской—этому не приходится удивляться. Сустугъ является въ настоящее время принадлежностью женскаго мордовскаго костюма, между тѣмъ въ XII в. онъ украшалъ вмѣстѣ съ грив-

¹⁾ Георги. Опис. вѣстхъ народ. ч. I, стр. 44.

²⁾ См. изображеніе дивитисія въ «Byzantina» Д. О. Бѣляса. II, таб. I.

нами и браслетами мужчин¹⁾; бисерное оплечье (цифксы), которое мы встрѣчаем у молдавановъ, когда-то фигурировало также въ качествѣ принадлежности мужскаго костюма. Вопросъ о пути, которымъ попали къ Мордвѣ эти принадлежности южнаго, греческаго костюма, можетъ быть рѣшенъ на почвѣ тѣхъ данныхъ, которыя предлагаетъ намъ археологія. Бассейнъ Цна-Мокша-Ока съ первыхъ вѣковъ нашей эры находился въ торговыхъ сношеніяхъ съ греческимъ югомъ: монеты римскихъ императоровъ, въ качествѣ случайныхъ находокъ, встрѣчались здѣсь уже давно. Въ 1892 г. членъ Императорской Археологической Комиссіи А. А. Сипцынъ нашелъ византийскія монеты VIII—IX вѣка въ могильникѣ, который по характеру содержавшихся въ немъ вещей онъ признаетъ за мордовскій. Кое-что изъ принадлежностей своего костюма Мордва могла получить такимъ образомъ прямо отъ торговцевъ-грековъ. Вѣроятное другое предположеніе: греки передали свой костюмъ русскимъ племенамъ днѣпровскаго бассейна; отъ нихъ его заимствовала Мордва и по свойственному финнскимъ племенамъ консерватизму сохранила до нашего времени. Роль этихъ племенъ, какъ хранителей древне-русскихъ формъ костюма, жилья и многихъ другихъ сторонъ быта еще недостаточно оцѣнена, хотя матеріалъ для этого уже имѣется.

Обзоръ творчества Мордвы въ области вѣшняго быта мы закончимъ тѣми зародышами искусства, которыя представляютъ собою вышивки, украшающія мордовскія одежды. Носительницей и выразительницей эстетическихъ потребностей является у Мордвы женщина. Мордвинъ равнодушенъ къ изящному; во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ преслѣдуетъ практическую цѣль. Сдѣлавши вещь пригодную для того или другаго употребленія, онъ не чувствуетъ потребности украсить ее. Побужденія, которыя заставляютъ чувашина и черемисна покрывать рѣзбой солопицы и постазцы, украшать изображеніями птицъ и животныхъ ручки своихъ ковшей, ему совер-

¹⁾ Угаровъ. Меря.

ленно чужды. Женщина проявляетъ сравнительно съ нимъ большую широту потребностей. Она не меньше чувашки и черемиски работаетъ надъ украшеніемъ своего костюма и проявляетъ въ этой области нѣкоторую долю оригинальности. Сравненіе эрзянскихъ и мокшанскихъ вышивокъ съ черемисскими и чувашскими показываетъ, что оригинальность эту въ болѣе степеніи обнаруживаетъ Эрзя, въ меньшей Мокша.

Эрзянскія вышивки рѣзко отличаются отъ черемисскихъ по своимъ мотивамъ. Холстъ зашивается почти сплошь нитками одного какого-нибудь цвѣта, чаще всего такъ называемымъ „бордо“. На этомъ основномъ фонѣ выступаютъ звѣзочки или квадратики какого-нибудь другого цвѣта, чаще чернаго. Такого-же рода вышивка, широкой полосой спускается на рубашкѣ отъ пояса къ подолу, гдѣ около небольшого разрѣза она расширяется.

Вышивки мокшанскихъ рубашекъ и панго обнаруживаютъ своими мотивами значительную близость къ чувашскимъ и черемисскимъ. На тюрикообразныхъ панго Краснослободскаго уѣзда, на рукавахъ, плечахъ, обшлагахъ и подолахъ рубашекъ Краснослободскаго и Писарскаго уѣзда мы встрѣчаемъ обычные у Черемисъ и Чувашъ стилизованные розетку и крестъ. Эта однородность узоровъ обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе мы углубляемся въ прошлое. Старинная рубашка Писарскаго уѣзда и по узорамъ вышивокъ и по общему стилю гораздо ближе къ черемисскимъ, чѣмъ позднѣйшія. Въ то время, какъ на широкихъ рукавныхъ вышивкахъ старыхъ рубашекъ встрѣчаются крестъ и розетка, рукава новѣйшихъ рубашекъ, какъ и въ Краснослободскомъ уѣздѣ, зашиваются сплошнымъ узоромъ, который чаще всего имѣетъ видъ переплетающихся лентъ двухъ цвѣтовъ.

Это родство мокшанскихъ и черемисскихъ вышивокъ представляетъ любопытный матеріалъ для выясненія былыхъ отношеній Мордвы къ народностямъ Поволжья. Въ настоящее время въ сосѣдствѣ съ Чувашинами и Черемисами живетъ Эрзя

Симбирской и Нижегородской губерній, сосѣдями же Мокши являются, кромѣ Эрзя, Русскіе и Татары. То же взаимное положеніе народностей мы должны будемъ констатировать, если обратимся къ свидѣтельствамъ исторіи. Эрзя и Терюхане были сосѣдями Черемисъ въ XVIII, XVII и XVI вв. Исходя изъ этихъ фактовъ, мы должны были-бы ожидать, что не Мокша, а Эрзя обнаружитъ болѣшую близость къ Черемисамъ и Чувашиамъ. Объяснить кажущееся несоотвѣтствіе фактовъ мы можемъ только при помощи двухъ предположеній: или Мокша когда-то, раньше, чѣмъ Эрзя, жила рядомъ съ Черемисами или черемисско-чувашскія формы орнамента ей переданы какою-нибудь другою народностью—напр. Буртасами, которыхъ, какъ мы уже видѣли, можно считать родичами Чувашъ. Въ виду скудости нашихъ свидѣній о Буртасахъ мы охотнѣе склоняемся въ пользу перваго предположенія. За него говорить кое-какіе факты. Въ брошюрѣ „Этнографія по Казанской научно-промышленной выставкѣ“ мы отмѣтили тотъ фактъ, что родственныя съ мордовскими и преимущественно мокшанскими формы головного убора оказываются у Черемисъ Вятской губерніи, несомнѣнно ранѣе своихъ приволжскихъ родичей выступавшихъ изъ своей первоначальной родины—съ береговъ Оки ¹⁾).

Къ этому-то періоду, когда Черемисы жили по нижнему теченію Оки, а Мокша прямикала къ нимъ, занимая бассейнъ рѣки того-же названія, и можно отнести съ извѣстной вѣроятностью, общія формы орнамента рядомъ съ нѣкоторыми общими формами костюма.

¹⁾ Стр. 15.

ГЛАВА III

Семейныя и общественныя отношенія.

Въ очеркахъ „Черемисы“, „Вотляки“ и „Пермяки“ мы на-
мѣтили тѣ ступени, которыя прешла въ своемъ развитіи вос-
точно-финская семья. Исторія мордовской семьи въ общихъ
чертахъ шла тѣмъ-же путемъ. И здѣсь современнымъ фор-
мамъ, которыя созданы христіанствомъ, дѣйствующимъ кано-
ническимъ правомъ и выработавшимся на этой почвѣ поня-
тіями, предшествовали иныя, архаическія формы. Первые на-
меки на эти формы мы находимъ въ мордовской терминологи-
и общественныхъ отношеній. Читатель легко нахѣтитъ ихъ
самъ, всматрѣвшись въ приводимые ниже термины.

Мокша.

Эрзя.

А ля мужчина, отецъ старшій

(эрз. хужинь); од-а. вотчимъ

оцю-ала дѣдъ (М.)

ата дѣдъ, самецъ (эрз. ста-
рикъ, хозяинъ)

атай дядя по отцу или ма-
тери.

дэда мать

оцю-дэтай бабка

дѳра сынъ, парень, юноша

стпрь дочь, дѣвушка

тетей

покш-тей, бода

—

авай

бабай.

—

техтерь

п у к о в п у к ъ
п у т ь к а в н у ч к а .

О т ц а й д а д я с т а р ш е о т ц ъ п о к ш а й
п а т я д а д я м о л о ж е о т ц а , с т а р - п а т а ' й т е т к а . с т а р ш а с е с т -
ш и й б р а т ь , д в о ю р о д н ы й б р а т ь р а , д в о ю р о д н а я . с е с т р а (—
(о т ь д я д и) . р я ш ь) .

л е л я й с т а р ш и й б р а т ь , д я д я
п о о т ц у .

а л а ' й с т а р ш и й б р а т ь (М .) ; а л а а л ' к а й
к а й

я л а к с ь м л а д ш и й б р а т ь ¹⁾ б а ч к а м л а д ш и й б р а т ь и п л е -
м я н н и ц а

щ а к а й т е т к а

а к а й ж е н щ и н а с т а р ш е д а н -
п а г о л и ц а — с е с т р а , т е т к а ,
п л е м я н н и ц а , с е с т р а м а т е р и

с а з о р м л а д ш а я с е с т р а , н е в ѣ с т -
к а , с в о я ч е н н и ц а , п л е м я н н и ц а

а в а , ж е н а , з а м у ж н я я ж е н щ и - а в а , н и
н а , м а т ь , с а м к а

э р ь в е ж е н а ; с р . о д и р ь в а — у р ь в а , у р а ш (н е в ѣ с т к а)
н е в ѣ с т к а , м о л о д у ш к а , в т о -
р а я ж е н а .

э р ь в е н е н е в ѣ с т а о д - е р ь в а н е в ѣ с т а

с о д а м о ж е н и х ь

м и р ' д э м у ж ь

м и р ' д э , п о л а й , в а с т а (с р .
в а с т о м с — с х о д и т ь с я)

о в з а т ь , п а с ы н о в ь

с о д а м о

¹⁾ Изъ слова пельмерва — младшая сношевица, жена младшего брата можно, кажется, еще извлечь слово для обозначения младшего брата — пельне, пель. Ср. лопар. велль, чер. шумбель.

Свѣдѣнїе по фемтѣ.

Атя - виз тещь	Ватась
ава - виз теща	
палда с младшая свояченица,	ба г'дуз
база, бажай шуринъ	ба г'за', г'агай
	бачка младшїй шуринъ.

Свѣдѣнїе фемтѣ по мужѣ.

атай свекоръ, ата виз	атавт, низапа (?)
авай свекоръ (баба), ававиз	ававт
кефта деверь	алай, пармедь
алге старшїй дегерь (Майп-атай)	шитце (Майн.)
мазие, полма-атай младшїй деверь	парачъ
ва ж'пе самїй младшїй	кїялюнь
улманъ, впньдерная золовка	
акгай, йслмастирь (Майн.) золовка старше мужа, старшая сношенница.	авне
стыржай младшая золовка	парья
бастыржай самая младшая	
кел-ага, кїялю — сношенница.	

Изъ разсмотрѣнїя предложенной таблицы читатель можетъ убѣдиться, что Мордва, подобно остальнымъ финскимъ племенамъ волжско-камскаго бассейна, не выработала специальныхъ терминовъ для обозначенїя кровныхъ отношенїй, соединяющихъ мальчика или дѣвочку съ кѣмъ либо изъ взрослыхъ: сынъ обозначается тѣмъ-же словомъ, что и всякій молодой человекъ вообще, дочь тѣмъ-же словомъ, что и всякая дѣвушка¹⁾. Какъ Вотьяки и Черемисы, Мордва различаетъ, дагѣ,

¹⁾ Ср. наши «Черем.» стр. 99 («Пав.» т. VII), «Вог.» стр. 130—131.

не степени родства, а отношенія возраста; словъ, соотвѣствующихъ русскимъ: дѣдъ, бабба, дядя, тетка, племянникъ, братъ, сестра, внукъ, внучка въ мордовскомъ языкѣ пѣтѣ, по за то мы встрѣчаемъ у Эрзи и Мокши рядъ словъ, которыя служатъ для обозначенія лицъ старше и моложе даннаго лица: покштей э., оцю аля дѣдъ, оцай м., покшай э. — дядя старше отца. патай, алай м. л'алай, алькай э. — дядя моложе отца, старшій братъ двоюродный братъ, акай м., патай э. тетка, старшая сестра, двоюродная сестра, сáюр э. м. — младшая сестра. племянница. Мы не разъ уже имѣли случаи разъяснить значеніе этой своеобразной терминологіи. Она является памятникомъ пережитыхъ семейно-общественныхъ отношеній.

На самой ранней ступени своего развитія мордовская семья, судя по терминологіи, представляла собою союзъ лицъ, связанныхъ между собою тѣмъ, что они жили подъ одной кровлей. Обладаніе женщиной въ этомъ союзѣ еще не было индивидуализировано: а в а м., в и э. означаетъ не жену въ смыслѣ супруги даннаго лица, а вообще зрѣлую женщину; э р ь в е м., у р ь в а э. — вообще женщину; взятую въ извѣстную семью: жену, сноху. Вслѣдствіе того, что пары особей, которыя находились бы въ постоянныхъ отношеніяхъ, въ кемъ еще не выдѣлились ясно, отдѣльный членъ ея не въ состояніи былъ выдѣлить свое потомство, точно опредѣлить степень близости, въ которой онъ находился къ окружающимъ и дѣлил ихъ на группы по возрасту: женщинъ и мужчинъ старше себя, женщинъ и мужчинъ моложе себя. На этомъ уровнѣ отношеній не могло быть, понятно, мѣста для какихъ бы то ни было ограниченій полового инстинкта: представленіе о томъ, что данная особь не должна вступать въ половыя сношенія съ тѣмъ-то и тѣмъ-то изъ окружающихъ, не зарождалось еще и не имѣло для себя почвы. Границы инстинкту ставилъ только возрастъ.

Отголосками этого порядка вещей до сихъ поръ служатъ вѣтробрачныя отношенія молодежи. Теоретически, въ лицѣ своихъ

наиболѣе обуславливающихъ представителей. Мордва признаетъ, что половая жизнь женщины должна начинаться съ момента вступленія въ бракъ, но практика массы далеко не соответствуетъ этому идеалу. Дѣвушка начинаетъ вступать въ сношенія съ молодыми людьми съ момента наступленія половой зрѣлости — лѣтъ съ 14. До брака, который наступаетъ лѣтъ въ 20—25, она успѣваетъ ознакомиться съ многими изъ своихъ молодыхъ однодеревенцевъ. Если результатомъ вѣбращаго сожителства является рожденіе ребенка, это обстоятельство не шокируетъ родителей дѣвушки. Майновъ въ своихъ „Очеркахъ юридическаго быта Мордвы“ приводитъ рядъ пословицъ, изъ которыхъ сказывается снисходительное отношеніе Мордвы къ дѣвичьимъ грѣхамъ. Подобно другимъ восточно-финскимъ мордвинъ прощаетъ вѣбращае рожденіе ребенка въ виду того, что онъ является приращеніемъ семьи¹⁾. Рожденіе не служитъ препятствіемъ для установленія этихъ кратковременныхъ отношеній. Двоюродные братья и сестра зачастую оказываются въ вѣбращаго связи. Въ Инсарскомъ уѣздѣ намъ указывали на случаи, когда родственная связь жившихъ такимъ образомъ паръ оказывалась болѣе тѣсными: въ двухъ деревняхъ вѣбращаго отношенія соединяли брата и сестру. Связь съ женой брата здѣсь также считается довольно обычнымъ явленіемъ.

Отсутствіе ограниченій, которыя могла бы ставить пестипити мысль объ общемъ происхожденіи, характеризующее эти вѣбращаго отношенія, переживаетъ эпоху гетеризма; его можно прослѣдить и въ начальной исторіи брачнаго союза. Предпринимая индивидуализировать обладаніе женщиной при помощи извѣстныхъ обрядовъ, мордвинъ былой, языческой поры не считалъ близкаго рожденія препятствіемъ для заключенія союза. У Эрза Сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи сохранилось преданіе, что въ старину братья могли жениться на сестрѣ²⁾. У Эрза Симбирской губерніи также сохранились преда-

¹⁾ Майновъ I. с. 22.

²⁾ «Ниж. Еп. Вѣд.» 1887, стр. 677.

ніа, что въ старину возможна была женитьба брата на родной сестрѣ. Учитель села Дубенокъ сообщаетъ намъ слѣдующій разсказъ мѣстной Мордвы. Въ одномъ семействѣ была очень красивая дѣвушка, смиренная, работающая. Родителямъ жалко было съ ней разстаться, отдать въ чужую семью замужъ; они отослали ее погостить къ родственникамъ, а когда она возвратилась, припаяли ее, какъ чужую, и принудили съ этого времени считать родного брата мужемъ.

Мотивъ о брачномъ союзѣ сестры съ братомъ слышится и въ слѣдующей мордовской пѣснѣ.

Уля, Уля, красивая Улюшка!
 Въ день Коляды она мытія замочила,
 Въ день Рождества она мыть ходила.
 Пришла Уля домой съ мытыя.
 Отцевскія ворота заперты.
 «И отопри, и отопри, воспитавшая меня матушка,
 И озябли, и озябли рученьки мои,
 Еще сильнѣе озябли ноженьки мои».
 —«Если назовешь невоспитавшей матушкой,
 Тогда отопру, тогда тебя впущу.
 И отопри, и отопри воспитавшій меня батюшка.
 И озябли и т. д.»
 —«Если назовешь меня своимъ свекромъ,
 Тогда отопру, тогда тебя впущу».
 «И отопри, и отопри, кормилецъ мой старшой братецъ?
 И озябли и т. д.»
 —«Если назовешь меня своимъ старшимъ дзверемъ,
 Тогда отопру, тогда тебя впущу».
 «И отопри, и отопри, невѣстушка матушка!»

 —«Если назовешь меня снощенницей,
 Тогда отопру, тогда тебя впущу».
 «И отопри, и отопри кусочекъ моего сердца,
 Впусти ка меня сердечный жирушка!»

 —«Если назовешь меня и я л и м ѣ муженькомъ,
 Тогда отопру, тогда тебя впущу».

Дѣвушка пазываетъ всѣхъ этихъ лицъ такъ, какъ они требуютъ:

И отперъ ей ея милый мужъ,
Кусочекъ отъ ея сердца
И выпустилъ ее въ теплую избу.
Войди-ка, милая душечка, войди-ка!
Войди-ка, Уля, войди-ка!
Вошла Уля въ теплую избу,
Сѣла Уля на край печки.
«Печка-матушка, кормилица,
Печка-матушка, родимая!
Расколись ты на двое
Пусти-ка меня въ полземелье!»
Расколоса печка на двое,
Пошла Уля въ полземелье
Выполнила она рубашку кусочку своего сердца ¹⁾

Свойство также не служило препятствіемъ для заключенія брачнаго союза въ ту пору, когда обладаніе женщиной индивидуализировалось. Лепехинъ говоритъ, что мордва въ языческую пору не считала грѣхомъ брать въ жены двухъ родныхъ сестеръ одну за другой. Воспоминанія объ этомъ обычаѣ сохранилось и въ пѣсняхъ.

Богатъ, богатъ дн Захарій!

.

Померла, сгнбла жена его.

Гдѣ ходитъ—онъ плачетъ,

Гдѣ ходитъ—онъ сокрушается.

Кто увидѣлъ его, какъ онъ плачетъ,

Кто услышалъ его, какъ онъ сокрушается?

Его увидѣла свояченица его Матря.

«Куда вздумалъ, Захарій мой, ты такъ?»

—«Вздумалъ я, Матря свояченица, себѣ жену искать.»

«Почему ты, мой Захарь, ходишь по далькости:

Айда возьми меня самое, Захарь ты мой».

.

«Взялъ Захарина свою свояченицу Матрю.

.

¹⁾ Произведенія морд. народной словеси.—Пѣсни. Стр. 213—219.

Такой-же бракъ рисуется въ пѣснѣ о старомъ Гобаѣ, но здѣсь онъ готовится уже противъ воли свояченицы.

«Возьму, возьму, Окся свояченица, тебя за себя».
 «Не пойду, не пойду, старый Губай!
 До единаго постѣдѣли волосы головамъ твоимъ,
 До рта постѣдѣла борода твоя.
 Отъ какой нужды постѣдѣли они?»
 Возьму, возьму въ караульщицы,
 Возьму тебя въ домовники!»

Въ прошломъ столѣтїи обычай жепитьи на свояченицѣ былъ въ полной силѣ. О немъ свидѣтельствуютъ Лешехинъ и Мильковичъ. По словамъ Лешехина овдовѣвшій мордвинъ, если у него была свояченица, являлся къ тестю и требовалъ выдачи свояченицы. Если тесть отказывалъ, зять старался незамѣтно вынуть изъ подъ пола коровай хлѣба и положить его на столъ. Совершивши съ успѣхомъ эту операцію, зять спѣшилъ убраться, крикнувъ тестю: „вотъ хлѣбъ соль, береги мою знай“. Съ этой минуты тесть уже не могъ отказать ему въ руки свояченицы (1, 173). Тоже самое, по словамъ Мильковича, дѣлалось въ Симбирской губерніи (М. 46).

Переходъ отъ связей, основанныхъ на сожителствѣ къ связямъ, основаннымъ на происхожденїи, представляетъ такъ называемый матриархатъ. Первымъ сочетанїемъ, которое почитается на всѣмъ признаваемой гепетической связи, является группа, состоящая изъ матери и ея дѣтей. Мордва не сохранила ни въ своихъ обрадахъ, ни въ своихъ пѣсняхъ такихъ воспоминанїй объ эпохѣ преобладающаго значенїя матери, какія мы встрѣчаемъ у Вотяковъ, но отголоски этой эпохи до насъ все-же дошли — въ особенностяхъ религіозныхъ воззрѣнїй на природу, въ терминологїи родства и въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ чертахъ.

Представленїя объ отношенїяхъ духовъ (боговъ) къ явленїямъ природы прошли у Мордвы, какъ и у другихъ восточныхъ финновъ, двѣ стадїи развитїя: на первой, болѣе древней

стадіи, слѣды которой сохранились наиболѣе у Мокши, явленія оказываются связанными съ божествами отношеніями рожденія, на второй отношеніями власти, обладанія. При этомъ замѣчается, что Мокша, зная духовъ—отцовъ и матерей, съ большимъ почтеніемъ относится къ матерямъ: имена юртавы, куд-авы, ыррь-авы, ведь-авы мы слышимъ на каждомъ шагу, между тѣмъ, какъ юрт-атя, куд-атя, ыррь-атя и д. т. упоминаются рядомъ съ авами лишь въ наиболѣе полныхъ молитвенныхъ формулахъ.

Воспоминаніемъ о быломъ материнствѣ является далѣе особая терминологія для родства по матери.

щатый дѣдъ по матери
щаканъ жена дяди
щенанъ двоюродный братъ, сынъ брата матери.

Къ числу признаковъ былаго материнства мы относимъ, слѣдую Тайлору ¹⁾ и тотъ фактъ, что Мордза знала, судя по смѣшенію понатій пасеника и зятя, время, когда мужъ входилъ въ родъ своей жены.

Къ фактамъ, зарожденіе которыхъ восходитъ къ эпохѣ матриархата, принадлежитъ наконецъ въ прошломъ выдающаяся роль брата—какъ покровителя женщины и до извѣстной степени хозяйка ея судьбы. Въ мордовскомъ свадебномъ обрядѣ сохранилось не мало намековъ на такую роль братьевъ.

У Эрзи Бугульминскаго уѣзда, прощаніе невесты съ родственниками обставлено такъ, какъ будто братья насильственно принуждаютъ ее къ этому: братья вносятъ ее въ пѣзу и выносятъ, невеста-же держитъ руки скрещенными на груди въ знакъ того, что она подчиняется только силѣ ²⁾. Въ причтаніяхъ Эрзи Саратовской губерніи сквозитъ мысль, что братъ былъ кормильцемъ невесты въ пору ея дѣвчества ³⁾.

¹⁾ «Этногр. Обзоръ», V, 7—8.

²⁾ Майновъ. I. с. 62, 72.

³⁾ *ibid.* 64, 92.

Первыя видозмѣненія матриархальнаго порядка возникли на почвѣ захвата женщины чужаго рода. Отраженіе того, что происходило въ далекомъ прошломъ, можно наблюдать въ современныхъ брачныхъ обрядахъ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыми сопровождается увозъ невесты изъ дома отца. Этотъ моментъ наполненъ переживаніями изъ эпохи умыканія невесты.

Въ настоящее время группа лицъ, которая составляетъ отправляющійся за невестой поѣздъ состоитъ изъ урведей и такъ называемыхъ буда съ пош-куда коглаѣ. Въ литературѣ эти термины обыкновенно переводятся словами дружка, поѣзжане, но этотъ переводъ только приблизительный. Той идея, которая заключается въ русскомъ словѣ „дружка“, урведей въ себѣ не заключаетъ. Корень этого слова одинъ и тотъ же, что и у слова урва, уривъ. Намъ кажется, его можно передать словами добыватель рабыни (спохи). Что касается буда, то въ виду невыработанности въ мордовской грамматикѣ ученія о суффиксахъ, трудно сказать, имѣетъ-ли онъ отношеніе къ слову куд (куда), означающему избу, и можно ли его переводить словомъ домашній.

Урведей съ своими кудат въ Симбирской губерніи съ вечера приѣзжаетъ за невестой, а дѣтѣмъ останавливается таборомъ около обочицы—какъ дѣлалось это въ старину, когда невесту дѣйствительно похищали. Въ домъ невесты они являютъ уже не ночью, а раннимъ утромъ и проныкаютъ изъ него только послѣ подачи. Здѣсь ихъ угощаютъ, невеста скоро прощается съ родными, поѣзжане подхватываютъ ее, тащатъ въ кибитку и везутъ—въ настоящее время въ перковь, въ языческую пору, конечно, прямо въ домъ жениха.

Преданія и рассказы стариковъ показываютъ, что современные обряды являютъ отголоскомъ того, что происходило при дѣйствительномъ похищеніи. Въ районѣ села Великаго Врага Арзамасскаго у. на краю дѣснаго урочища Моргуша стояло нѣкогда два болгана, выдѣланныхъ на подобіе мужчины и

женщины изъ стоявшихъ на корню древесныхъ стволовъ въ память совершеннаго тутъ убійства жениха и невѣсты. Мордвинъ деревни Коряна похитилъ для своего сына дѣвushку въ Великомъ Врагѣ. Родные пагнали ихъ въ Моргушѣ; завязалась драка, которая кончилась тѣмъ, что женихъ и невѣста оказались убитыми ¹⁾. О дракахъ и убійствахъ, которыя происходили при похищеніи, помнятъ и въ селѣ Лобаскахъ Лукоповскаго уѣзда Нижегород. губ. ²⁾. Въ Инсарскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи помнятъ время, когда дѣвushекъ хватали на улицахъ и тащили въ себѣ домой.

Источники, которыми мы располагаемъ, не даютъ намъ возможности пахѣтить условія, создавшія захватъ: возникъ ли онъ на почвѣ пужды въ женщинахъ, въ которой могли оказываться отдѣльными рода, или явился однимъ изъ послѣдствій борьбы родовъ вообще. Только языкъ позволяетъ сдѣлать догадку, что чужеродная женщина первоначально входила въ домъ рабочей силой, *рабыней*. Терминъ, которымъ въ мордовскомъ языкѣ обозначается сноха, стоитъ повидному, въ родствѣ съ терминами, означающими рабыню: *сноха э урѣва*, замужняя женщина, *рабыня урѣнь*, *рабъ ура* ³⁾. Въ эрзянскихъ сказочныхъ пѣсняхъ, опубликованныхъ М. Е. Евсевьевымъ мы встрѣчаемъ для замужества терминъ *вардовсши*, который можно перевести словами дни рабства въ виду того, что въ эрзянскомъ нарѣчій слово *варданка* означать служанку, невѣсту.

По отношенію къ рабынѣ возможенъ уже былъ вопросъ о томъ, кому она должна принадлежать, всѣмъ мужчинамъ рода или кому нибудь одному. То или другое рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилось похищеніе, всѣ ли мужчины дома отправлялись на охоту за женщиной или одинъ.

¹⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1886, № 10, стр. 9.

²⁾ *ibid.* 1887, № 14, стр. 727.

³⁾ Въ рукописномъ словарѣ г. Евсевьева мы встрѣчаемъ слово *урѣ-работникъ*, замужняя женщина.

У Черемшанской Мордвы въ прошломъ столѣтїи похищали самъ женихъ, подговоривши нѣсколько товарищей и выслѣдивши дѣвушку на базарѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ (Лепех. I, 174). Въ тѣхъ случаяхъ, когда похищеніе только симулировалось, дѣятелими являлись друзья и поѣзжане (175). Во главѣ поѣзда находились отецъ или братъ жениха. Избу и находящихся въ ней родственниковъ невѣсты при этомъ запирали спаружи.

Въ настоящее время фиктивное похищеніе совершается при самыхъ равнообразныхъ условїяхъ. Въ однихъ случаяхъ умываетъ дѣвушку глава семьи съ своими домочадцами¹⁾, въ другихъ женихъ съ подобранными товарищами²⁾, въ третьихъ болѣе рѣдкихъ случаяхъ женихъ единолично³⁾. У Эрзи Симбирской губерніи похитителями невѣсты являются совершенно постороннія лица, опытные въ этомъ дѣлѣ⁴⁾. И современный ритуалъ и кое-какія данныя исторїи позволяютъ однако констатировать, что обладаніе похищенной индивидуализировалось не сразу, что даже похищенная женщина была нѣкоторое время если не общимъ достояніемъ всего рода, то по крайней мѣрѣ главы его наравнѣ съ тѣмъ изъ членовъ рода, въ чье исключительное пользованіе она назначалась номинально.

Въ свадебномъ мордовскомъ ритуалѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что жертвами символическаго насилія является не одна сторона, а обѣ. Если невѣста всачески отбивается отъ поѣзжанъ, покидая отцовскій домъ, то женихъ, завидя брачный поѣздъ, бѣжитъ опрометью на дворъ и прячется гдѣ нибудь въ клѣткѣ, на сѣновалѣ или въ другомъ какомъ укромномъ мѣстѣ и съ полнымъ безучастіемъ относится къ появленію въ домъ его будущей жены⁵⁾. Въ с. Кузоватовѣ Сѣнгилеевскаго уѣзда и Савкинѣ Хвалынскаго у. Са-

¹⁾ Майн. I. с. 81.

²⁾ *ibid.* 87, 92.

³⁾ Ниж. Еп. Вѣд.

⁴⁾ Сообщ. г. Луккинымъ.

⁵⁾ Ниж. Г. В. 1865, № 24.

ратовской губерніи женихъ лежитъ во время появленія невѣсты на палатахъ спокойно. Это безучастіе женихъ сохраняетъ до самаго отъѣзда въ церковь: пока идутъ приготовленія къ отъѣзду, онъ спокойно занимается домашними дѣлами. Въ нужный моментъ его отыскиваютъ и везутъ въ церковь. Когда обрядъ оканчивается, женихъ снова возвращается къ тому дѣлу, отъ котораго его оторвали ¹⁾.

Съ наибольшей рельефностью сказывается стремленіе жениха спрятаться къ моменту привода невѣсты въ его домъ у Нижегородской Мордвы. Мельничкозъ рассказываетъ, что едва только оканчивался обрядъ вѣнчанія, женихъ уходилъ въ сторону, украдкой выходилъ изъ церкви и сѣвши на первую попавшуюся телегу мчался во всю прыть по деревнѣ и прятался у кого нибудь изъ сосѣдей—зарывался въ сѣно или садился въ уголь курятника, а зимой на печь, или на полати въ самый уголъ. Пока происходилъ брачный пиръ, молодой не вѣвши не бѣвши продолжать скрываться у сосѣдей. Когда вечеромъ гости разошлись, его начинали искать, отыскивали и вели въ амбаръ, гдѣ его уже ждала молодая ²⁾. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невѣста является въ домъ жениха съ дарами еще наканунѣ свадьбы, женихъ также уходитъ къ сосѣду или въ баню ³⁾.

Объяснить такое необычное поведеніе жениха можно только при предположеніи, что было время, когда и онъ вступалъ въ бракъ противъ воли—и такое время, дѣйствительно, было.

Въ преданіяхъ и пѣсняхъ Мордвы обоихъ колѣнъ сохраняются живыя воспоминанія о временахъ, когда съ похищенной или купленной взрослой дѣвушкой соединяли формальными узами брака мальчика лѣтъ 6—10 ⁴⁾.

¹⁾ Ниж. Г. В. 1865, № 24.

²⁾ Сообщено В. В. Фитингофова.

³⁾ Сиб. Г. В. 1851, № 25.

⁴⁾ Порядокъ этотъ имѣлъ мѣсто, по свидѣтельству Паласа, еще въ XVIII в. (I, 111). Ср. И. И. Дубасовъ. Очер. изъ ист. Тамб. кр. I, 126.

Въ сборникѣ Паазонена приведена пѣсня, живо рису-
ющая положеніе обѣихъ противоположно и насильственно сое-
диненныхъ сторонъ.

Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Пусть колдунъ, милая подружка, испортитъ маленькаго мужа.
Я стараюсь изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и не выхо-
дить
ничего,
Я стараюсь, милая подружка, самыми лучшими образомъ ухаживать за нимъ и не достигаю ничего.
Семья садится за ужинъ, милая подружка.
А онъ, подружка, садится въ уголъ у двери,
Онъ садится на лѣво отъ двери.
Семья спать ложится, милая подружка,
А онъ садится ужинать, милая подружка.
И всегда, безперечь, милая подружка, проситъ онъ мягкаго
хлѣба,
Безперечь, милая подружка, проситъ онъ ложечку.
Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Я стараюсь изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и ничего не вы-
ходить.

Наконецъ, милая подружка, захочетъ и онъ спать.
Я пытаюсь убавкать его и ничего не выхо-
дить.
Положу его къ стѣнѣ, милая подружка,
И боюсь, боюсь, милая подружка, что его клопъ укуситъ.
Положу его къ своему животу, милая подружка,
И боюсь, боюсь, милая подружка, что блоха его укуситъ.
Положу его къ себѣ на руки, милая подружка,
И боюсь, боюсь, что раздаваю его.
Положу его на край лавки, милая подружка,
И боюсь, боюсь, что онъ упадетъ.
Я пытаюсь всячески ухаживать за нимъ и не выхо-
дить ничего.
Пусть колдунъ испортитъ маленькаго мужа.
Какъ привяжу я, милая подружка, его къ качалкѣ.
Положила я его въ качалку, милая подружка,
Около моей ноги, подружка, положила ее веревочку.
Я качаю, качаю, милая подружка, маленькаго мужа.
Какъ возьму я, милая подружка, лѣдную свистульку,
Я свистала, свистала у его головы,
Какъ взяла я, милая подружка, ремень изъ телячьей кожи,
Какъ привязала я его на ремень изъ телячьей кожи,
Какъ положила я его себѣ на спину.
Въ темный лѣсъ увела я его милая подружка.

Какъ возьму я его милая подружка за обѣ ноги,
 Какъ метну я его на крѣпкій дубъ,
 Какъ вырву я милая подружка, маленькую мотылку
 На мокрое мѣсто положу я его, подружка,
 Луговнымъ дерномъ я его накрою подружка.
 Какъ пойду теперь домой я, милая подружка?
 Пока иду я, все плачу, милая подружка.
 Встрѣчь меня, милая подружка, молодой парень.
 Онъ спросилъ, онъ спросилъ меня, гдѣ ты была?
 Я ходила, молодой паренекъ, убить моего мужа,
 Я ходила, дружокъ, уничтожить своего мужа.
 Зачѣмъ ты, молодая баба, убилъ маленькаго мужа?
 Затѣмъ я убилъ своего маленькаго мужа, паренекъ:
 Я старалась изо всѣхъ силъ ухаживать за нимъ и ничего не

выходило,

Я хлопотала и не достигала этикъ ничего.
 Гдѣ спрятала ты твоего маленькаго мужа?
 На болотистомъ мѣстѣ я его полжила;
 Луговнымъ дерномъ его я накрыла,
 Въ березовый лѣсокъ я его положила,
 Березовыми вѣтвями его я накрыла.
 Иду я, паренекъ, и оплакиваю себя (а).
 Какъ приду я, паренекъ, теперь ко свекру,
 Что буду я, паренекъ, отвѣчать свекру?

Картина отношеній, раскрывающаяся въ этой пѣснѣ, вполне объясняетъ поведеніе ребенка-женixa въ былое время. Убѣжать, избариться отъ грозившей участи было тогда его естественной потребностью. Съ переменной порядковъ на этой почвѣ созданъ простой обрядъ.

Другая пѣсня подобнаго-же содержанія помѣщена въ „Образцахъ мордовской народной словесности“, изданныхъ Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ.

Молодой парень маленькій женился,
 Взялъ жену очень хорошу;
 Черны, черны глаза ея,
 Еще чернѣ ея брови
 Выходитъ, входитъ молодуха взадъ-впередъ въ ворота...
 Кто увидѣлъ ее влодженемъ, выходящей въ ворота?
 Увидала ее старшая золовка,
 Замѣтила ее старшая золовка.

Затѣмъ ты не разбудила, невестка, своего мужа?
 Онъ давно ушелъ на охоту.
 Отчего, невестка, борзѣго дома?
 Отчего, невестка, у тебя лапти въ крови?
 Пѣтухи, курочки раздразились—я разнимала...
 Она свою исподнюю пояску развязывала:
 Исподней пояской своего мужа удавила.
 Она его въ большую уряму отнесла,
 Въ текучую воду его бросила.

Вариантъ.

«Знала, звала молодушка
 Своего мужа спать, не дозволяла его
 За конецъ пальчика поймала его.
 Въ березахъ взяла его,
 На свою постель принесла,
 На мягкую постель кинула его.
 Долго, недолго молодушка спала, до полуночи.
 Не хороший сонъ молодушка видела:
 Молодушка свою исподнюю пояску развязала,
 Мужу своему на шею закинула,
 Къ большой рѣкѣ приволокла его,
 Въ глубокую воду кинула его.

Насильственно введенная въ домъ, связанная помывально съ ребенкомъ, молодая женщина была фактически достояніемъ взрослыхъ членовъ семьи и ближайшимъ образомъ главы домо-отца. Снохачество было естественнымъ результатомъ условій, при которыхъ дѣвушка входила въ домъ, и въ мордовскомъ быту еще въ XVIII в. оно представляло широко-распространенное явленіе.

Въ архивѣ Пензенской духовной консисторіи сохранились документы, доказывающіе, что духовенство за приличное вознагражденіе съвозъ пальцы смотрѣло и на снохачество и на обуславливающіе его фиктивные браки малолѣтнихъ. Указы Правительствующаго Сената, адресованные духовенству Пензенской епархіи въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, констатируютъ, что Мордва—повобрещены „малолѣтнихъ своихъ сыновей лѣтъ 8, 10 и до 12 женять и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ 20 и

богѣ, съ которыми свекры впадаютъ во многое кровосмѣшеніе¹⁾. Не взирая на неоднократныя предписанія не допускать такихъ браковъ они имѣли мѣсто до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда наименьшій возрастъ жениха былъ установленъ въ 15 лѣтъ²⁾. Съ того времени, какъ законъ опредѣлилъ предѣльный возрастъ мужа, спохачество утратило свою почву, но оно продолжаетъ существовать по инерціи въ особенности у Мокши и до сихъ поръ.

Въ дѣлахъ Карсаевскаго волостнаго правленія мы имѣли случаи найти рядъ указаній на его существованіе, хотя общественное мнѣніе относится уже къ нему отрицательно. Лицо, названное публично спохачемъ, считаетъ себя обиженнымъ и привлекаетъ оскорбителя къ отвѣтственности. Почвой, на которой до сихъ поръ удерживается спохачество, является солдатство. Въ ряду лицъ, которыя предъявляютъ притязанія, на молодую женщину, оставшуюся безъ мужа, фигурируетъ на первомъ планѣ свекоръ. Пользуясь своимъ положеніемъ въ домѣ, онъ прибѣгаетъ къ побоямъ и насилію въ томъ случаѣ, если встрѣчаетъ сопротивленіе своимъ.

Представленіе объ исключительномъ правѣ мужчины на гуленную или похищенную женщину развивалось у Мордвы медленно. Рубруквисъ, писавшій въ XIII в., говоритъ относительно современной ему Мордвы: „они не ревнивы и мало безпокоятся если узнаютъ, что кто нибудь спалъ съ ихъ женами“³⁾. Нельзя сказать, чтобы отъ этой былой спсходительности къ грѣхамъ жены не осталось слѣдовъ и въ настоящее время. Мужъ, находящійся въ долгомъ отсутствіи, напр. солдатъ, не претендуетъ на вѣрность жены⁴⁾. Свои воззрѣнія на счетъ правъ мужа мордовецъ-мокшанинъ съ откровеннымъ цинизмомъ обнаруживали на такъ называемыхъ бабьихъ праздникахъ („аванъ боца“). Въ Вечканѣ (Вочкишипѣ) Наровчат-

¹⁾ Песа. En. Вѣд. 1874, стр. 764.

²⁾ Recueil des voyag. faits en Asie I.

³⁾ Ср. М. Смирновъ. стр. 122, 124.

скаго уѣзда въ поведѣльникъ послѣ Оумна воскресенья происходятъ образъ перенесенія священныхъ свѣчей, съ которыми совершаются моляны, изъ одного дома въ другой. Въ образѣ участвуютъ одвѣ женщины. Собравшись къ дому, гдѣ хранились до этого момента свѣчи, женщины сначала молятъ. Моляны совершаютъ старухи, которыя просятъ бога, чтобы рыбаки не тонули въ теченіе наступающаго лѣта, чтобы больше родилось дѣтей, чтобы богъ далъ здоровья пахарямъ, чтобы не было порчи. Попивши и поѣвши, несутъ свѣчи къ сосѣду. Во главѣ процессіи идутъ три бабы съ такъ называемыми „алашатъ“ — палочками, концы которыхъ обдѣланы въ видѣ конскихъ головъ. Одна изъ нихъ — та, въ домъ которой переносятся свѣчи, — несетъ эти послѣднія, другія двѣ хлѣбъ, говадну, пшеничный пирогъ, вино, брагу. За ними еще три бабы ѣдутъ верхомъ на палкахъ аршина въ 2—2¹/₂ длиною. Вся компанія распѣваетъ грубо-эротическія пѣсни. Оставивши штатолъ у того лица, на которое приходится очередь, пьяныя бабы ѣдутъ верхомъ на палкахъ по улицамъ. Мужчины старательно избѣгаютъ встрѣчи съ ними въ виду того, что попавшій въ руки къ бабамъ дѣлается жертвой безобразныхъ издѣвательствъ. Несчастнаго раздѣваютъ до нага, поднимаютъ на плечи и несутъ по улицамъ, высказывая весьма откровенныя соображенія на счетъ физическихъ ресурсовъ своей жертвы. По поводу слабо развитаго человѣка откровенно заявляютъ, что его жена должна ходить къ другимъ мужикамъ; по адресу здороваго также откровенно высказывается, что къ нему, несомнѣнно, ходятъ чужія бабы.

Съ возникновеніемъ индивидуальныхъ правъ мужчинъ на женщину измѣняется и отношеніе дѣтей къ родителямъ. Преобладающее вліяніе переходитъ къ отцу — владыкѣ матери. Майновъ приводитъ мѣсто, изъ котораго можно заключить, что въ былое время Мордва допускала для отца право на жизнь и смерть своихъ дѣтей. Пургине-пазъ, родившійся уродомъ по этому мѣсту, былъ сброшенъ родителями на землю (134).

Представленіе о правѣ отца на жизнь своего дѣтяти слышится въ слѣдующихъ словахъ свадебнаго причитанія, записаннаго г. Паазоновомъ:

Подними твои руки вверхъ,
Обѣдай меня вышнему богу,
Опусти твои руки внизъ
Обѣдай меня земляному богу,
Распрости свои руки,
Обѣдай меня черной смерти¹⁾.

Къ періоду развивающагося патриархата относится купля дѣвушки, замѣнившая, главнымъ образомъ у Эрзи, ея похищеніе. Отецъ продаетъ дочь, какъ свою собственность, женихъ или его родъ покупаютъ ее, какъ вещь, которой можетъ распорядиться по усмотрѣнію. Какъ широко въ былое время понимались права на купленную женщину, можно видѣть изъ того, что еще въ XVIII были живы воспоминанія о томъ, что въ старину мужъ могъ продать жену съ прижитыми отъ нея дѣтьми въ томъ случаѣ, если она перестала ему нравиться²⁾. Значительная часть обрядовъ, сопровождающихъ мордовскую свадьбу, находится въ связи съ физической или фактивной продажей невѣсты. Въ формѣ пропой продажа невѣсты является до послѣдняго времени рѣшающимъ моментомъ брака. Съ момента пропой женихъ вступаетъ у Мокши въ фактическое обладаніе невѣстой и ходитъ къ ней спать, не дожидаясь церковнаго или иного освященія своихъ правъ.

Естественнымъ результатомъ купли-продажи невѣсты является роль, которую въ дѣлѣ выбора ея играетъ родители и родственники. Въ виду того, что деньги за невѣсту — „цптва“ — выплачиваетъ отецъ, выборъ является уже его дѣломъ: покупается та дѣвушка, дѣна которой по силамъ дому и приобрѣтеніе которой представляется для него выгодной. Ни продаваемая, ни тотъ, для кого она покупается, не имѣютъ рѣшающа-

¹⁾ I. с. 181.

²⁾ Лепех. Зап. I, 173.

го голоса. Въ прошломъ столѣтїи женихъ купленной невѣсты только въ тотъ моментъ, когда ее приводили въ домъ, видѣлъ ее впервые. ¹⁾ Деньги, вырученные за продажу невѣсты идутъ у Эрзи отцу и роду (въ формѣ прощол), у Мокши—невѣсты и приобрѣтаютъ значеніе средневѣковаго „morgengabe“.

Съ наступленіемъ момента, когда женщина становится предметомъ купли-продажи, создается почва, на которой могло если не возникнуть, то развиться многоженство—новый періодъ въ эволюціи мордовской семьи. Зародыши полигинїи, какъ и полиандрїи заключаются въ коммунальномъ бракѣ. Полиандрїя въ формѣ снохачества и левирата выдѣляется рабѣ, въ періодъ умышканїя женщинъ. Совмѣстное пользованіе женщиной опредѣляется ея совмѣстнымъ похищеніемъ. Многоженство (полигинїя) становится возможнымъ тогда, когда благодаря измѣнившимся условїямъ приобрѣтенїя женщиной содѣйствїе другихъ становится ненужнымъ и человекъ получаетъ возможность удовлетворять своей прихоти въ мѣру своихъ покупательныхъ способностей.

Воспоминанїя объ эпохѣ, когда было въ обычаѣ многоженство, сохранились до сихъ поръ въ народной поэзіи Мордвы.

Въ сборникѣ Миссіонерскаго Общества помѣщено три пѣсни, въ которыхъ упоминается о многоженствѣ.

Старикъ Букментїй хорошъ,
Молодецъ Букментїй добръ:
Сыновьевъ у него семеро,
Снохъ у него четырнадцать. (149)

Мурза, мурза, богатый мурза!
Три законныхъ жены у него,
Тридцать у него дѣтей. (163)

Богатъ, богатъ,
Богатый мордвинъ,
Мокша изъ Коам.

¹⁾ Майн. 48, 56.

У него семь законныхъ женъ,
У него семеро дѣтей синовейъ...

(171)

Въ этихъ пѣсняхъ отражается порядокъ, который наблюдали еще путешественники прошлаго столѣтія: Лепехинъ, Палласъ, Георги. Лепехинъ говоритъ, что въ языческую пору каждый мордвинъ могъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи былъ прокормить (I, 173).

Сохраняя до настоящаго времени остатки своего права на личность дѣтей, отецъ естественно является для нихъ авторитетомъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вопросы о границахъ отеческой власти у Мордыкъ довольно обстоятельно разработаны въ известной книгѣ Майнова „юридическомъ бытѣ Мордыкъ“.—Отецъ является безапелляціоннымъ судьей въ домашнихъ дѣлахъ, безконтрольнымъ распорядителемъ семейнаго имущества. Непочтительнаго сына отецъ можетъ лишитъ наследства и выгнать изъ дому по первому оскорбительному слову¹⁾. Мокна лишаетъ такого сына даже падыа. Даже у отдѣленнаго сына отецъ за непочтительность можетъ отобрать паи. Отсылая читателя за подробностями къ этой книгѣ, мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что въ первоначальной мордовской семьѣ авторитетъ отца имѣлъ исключительно матеріальную основу. Отецъ имѣлъ значеніе, пока былъ способенъ къ работѣ. Стѣлавшись неспособнымъ къ труду, онъ терялъ не только свое преобладающее положеніе въ семьѣ, но и самое право на существованіе. Въ с. Шадымѣ Инсарскаго у. намъ привелось слышать любопытное преданіе о практиковавшемся въ старину обычаѣ избивать неспособныхъ къ труду стариковъ. Въ определенное время устраивался особый праздникъ „покишт-(ай)поза“ (пиво дѣловъ). Варилось пюре и закившася старика усердно угощали, затѣмъ сажали на лубокъ предъ вырытой ямой, забивали до смерти дубинками и на этомъ же лубкѣ зарывали въ яму. Въ виду важности заключающагося

¹⁾ Майн. I. с. 179.

въ этомъ преданіи факта считаемъ нужнымъ замѣтить, что разсказчикъ сообщилъ намъ его самъ, безъ всякаго вопроса съ нашей стороны. Въ послѣдующіе періоды развитія семьи власть отца приобрѣла нравственное основаніе. Даже ослабѣвшій старикъ, бабъ посредникъ между семьей и богами, сохранялъ свое значеніе, но въ эконолической сферѣ его власти поставили границы поэма условія жизни. Сынъ работавшій на отцовскихъ поляхъ, въ отцовскихъ убожкахъ не имѣлъ отдѣльнаго заработка и считалъ совершенно естественнымъ эконолическія права отца: сынъ, зарабатывающій деньги на отхожихъ промыслахъ, смотритъ на семейное достояніе уже плаче: если отецъ вздумаетъ по своему усмотрѣнію распорядиться подобными заработками дѣтей, противъ него уже протестуютъ и обращаются къ міру, который даетъ семьѣ право избрать новаго домовладыку¹⁾.

На почвѣ установившейся отеческой власти складывалась у древней Мордвы родовая организація. Союзъ лицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ, представлялъ, кажется, единственную общественную форму, извѣстную древней Мордвѣ. Путешественники XIII в. говорятъ, что Мордва не имѣла большихъ населенныхъ мѣстъ и жила разбѣяно въ дѣсахъ. Названія населенныхъ мѣстъ, составленныя изъ словъ лей (рѣчка), бужа (поляна) и веле (деревня, поле) соединенныхъ съ личными именами, показываютъ, что по крайней мѣрѣ значительная часть поселеній возникла изъ урочищъ, находившихся во владѣніи одного хозяина. Акты XVII в. даютъ намъ возможность составить представленіе о составѣ древней мордовской большой семьи или рода. Въ извѣстномъ уже намъ дѣлѣ о моленьи на кладбищѣ въ д. Чувалахъ содержится положительныя указанія на то, что въ первой половинѣ XVII в. были деревни, служившія поселеніями отдѣльныхъ родовъ. Мордвинъ деревни Старыхъ Чувалъ показывалъ, что „была де у нихъ молба у пяти деревень по своей вѣрѣ, а была на той молбѣ Алаторскаго уѣзда..

¹⁾ Майновъ I. с. 141, 160.

д. Старого Ожердѣва Баюшъ Учаевъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею, дер. Андреевки Чуба Бошаевъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею, дер. Ермурзини Старо Ермензинъ своимъ родомъ и со племенемъ всею деревнею¹⁾). Въ деревняхъ, служившихъ мѣстомъ жительства нѣсколькихъ родовъ, население группировалось по этимъ родамъ. Для разложенія родовъ и слиянія ихъ въ общину въ XVII в. не было почвы въ виду характера владѣнія землей. Общинное владѣніе въ современномъ смыслѣ составляетъ у Мордвы результатъ русскаго, по всей вѣроятности, правительственнаго вліянія. Въ XVII в. мордовскіе роды владѣли землей—пашнями и ухожеями—на вотчинномъ правѣ и распоряжались ими на правыхъ поляныхъ собственниковъ—продавали, дарили и т. д. Предметомъ нераздѣльнаго владѣнія были земли, находившіяся вѣдь какого-бы то ни было пользования жителей селенія.

Въ настоящее время подъ вліяніемъ раздѣловъ родовой бытъ уже разложился, но воспоминанія о немъ выступаютъ въ языкѣ и въ бытѣ въ важнѣйшіе моменты жизни Мордвы—при моляняхъ и брактѣ. Мордва сохранила нѣсколько словъ, служащихъ для обозначенія родоваго союза. Сюда отнесется чаще употребляемое малавикс въ значеніи параллельномъ вотяпкому б о л а к, затѣмъ р а с ъ к а и удѣлѣвшее въ мѣстныхъ названіяхъ б у э (Ориань-буэ=Ардатовъ). Можетъ быть самое названіе деревни веле икѣтъ тоже значеніе: въ неизданномъ еще словарѣ г. Евсеева мы встрѣчаемъ его между прочимъ въ значеніи р о й. Родъ въ смыслѣ союза лицъ, объединенныхъ общими обязанностями по отношенію къ предкамъ и богамъ, выступаетъ въ особенноти при моляняхъ. Въ Пензенской губерніи Мордва въ 60 годахъ текущаго столѣтія группировалась на общихъ деревенскихъ транезахъ, слѣдовавшихъ за моленіемъ, породно. Въ составъ формировавшихся при этомъ родовыхъ группъ входили такіа лица, которыа не могли пред-

¹⁾ Акты Госуд. Росс. I, 297.

ставить соединяющихъ ихъ связей и только по преданію считали себя членами одного рода ¹⁾.

Въ брачныхъ обрядахъ сохранились также воспоминанія о томъ, что въ былое время дѣвушка продавалась и покупалась дѣлнымъ родомъ. Архимандритъ Макарій (нынѣ архіепископъ Новочеркасскій) говоритъ относительно Эрзи Нижегородской губерніи, что отецъ жениха отправлялся въ домъ невесты съ виномъ для проноса ея въ сопровожденіи всей своей родни и съ „озоритыми пирогами“. Пироги эти принимали родственники невесты и этотъ фактъ служилъ доказательствомъ состоявшагося соглашенія ²⁾. У Эрзи Самарской губерніи мать жениха передъ отвозомъ невесты обязана обойти всѣхъ ея родныхъ и оставить въ каждомъ домѣ по ковригѣ хлѣба ³⁾. У Эрзи Симбирской губерніи невеста утромъ въ день отъѣзда изъ родительскаго дома ходитъ по родственникамъ и ищетъ у нихъ защиты противъ чужихъ людей, которымъ продать ее отецъ ⁴⁾. Члены рода, защищающіе ее даже послѣ продажи отцемъ, являются съ титуломъ у р ъ в (а) - а з я т (невестини мужики, родичи) непремѣнными дѣятелями сватъбы въ моментъ увоза ея въ домъ жениха. Къ нимъ обращается невеста съ просьбой не отдавать ее чужому отцу матери.

Не отдавайте меня незнакому человеку.

Не отдавайте чужому отцу-матери,

Я за вами жила и ѣжась бабуя ⁵⁾.

У Мокши Нижегородской губ. по свидѣтельству того-же Макарія дѣву невесты назначали „пятыя“ и „нибаба“—старикъ и старуха, выполнявшіе жреческія функціи во время моляповъ и воплощавшіе въ себѣ идею рода ⁶⁾.

¹⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1868, стр. 24.

²⁾ Майн. 56.

³⁾ ibid. 75.

⁴⁾ Майн. 90.

⁵⁾ Пѣсни. Стр. 91. Ср. Майновъ. I. с. 90.

⁶⁾ Майновъ. I. с. 58.

Случаи, подобные тому, который изложенъ въ дѣлѣ о моленіи въ Чукалахъ, показываютъ, что въ позднѣйшемъ мордовскомъ быту извѣстны были общественныя группы и большія, чѣмъ родъ.—сочетанія родовъ, связанные общимъ культомъ на почвѣ существующаго или бываго сожительства. Родъ или группа родовъ, жившая на опредѣленной территоріи, выдѣляла опредѣленный участокъ ея для кладбища и моляны въ честь усопшихъ, происходившія на немъ, соединяли, какъ мы видимъ изъ Чукальскаго моленія, всѣхъ, чьи предки были погребены на этомъ кладбищѣ. Роды, переселившіеся далеко на сторону, на время этихъ моляновъ являлись на общее кладбище предковъ. Иногда такими сборными пунктами служили давно покнутыя и перешедшія уже въ личное владѣніе полянки въ лѣсу. Изъ бумагъ, относящихся къ такъ называемому Терюшевскому бунту, происходившему въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 40-хъ годахъ XVIII в., видно, что у Терюханъ Нижегородской губерніи существовали также общія для нѣсколькихъ деревень кладбища, на которыя они собирались для совместныхъ моленій. На почвѣ сожительства родовъ, несвязанныхъ между собою происхожденіемъ, возникали и общія молявенныя роци („бережети“), собиравшія въ своихъ предѣлахъ населеніе нѣсколькихъ деревень. Въ чемъ выражалась въ дорусской періодъ гражданская связь этихъ объединенныхъ общимъ культомъ группъ, за скудостью данныхъ, трудно сказать опредѣленно. Языкъ показываетъ, что Мордва различала по крайней мѣрѣ двѣ категоріи носителей власти—азы р'овъ—будь-азыра или главу отдѣльнаго дома, семейной общины и отцю-азыра, великаго хозяина. Въ настоящее время этимъ именемъ мордва зоветъ царя, въ былое время, вѣроятно, она такъ называла своихъ князей, пока не усвоила татарскаго титула мурза¹⁾. Истописки и акты позволяютъ намъ констатировать, что такихъ князьковъ на мордовской территоріи было значительное коли-

¹⁾ У Эрзи существуетъ въ значеніи господина еще слово иишке.

чество и власть каждаго изъ нихъ въ отдѣльности простира-
лась на незначительное количество родовъ.

На основаніи данныхъ языка можно установить, что груп-
пы совместно жившихъ родовъ вырабатывали для себя общія
нормы поведенія—п л я, к о ѵ (обычай), имѣли органы для рѣ-
шенія общихъ дѣлъ—сходы, собранія (п у р п а м о, п р о ж к с,
т а р б а, м. о р а м, к у ж а—сходба, п о л е) и начальниковъ,
въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть (п р я в к с).
Термины юридическіе и соціально-экономическіе вводятъ насъ
въ кругъ тѣхъ отношеній, которыя слагались на почвѣ благо-
сознательства родовъ. Различая съ давнихъ поръ богатыхъ и
бѣдныхъ людей, Мордва создала рядъ словъ для обозначенія
отношеній, въ которыхъ они могли оказываться: у р е—рабъ,
в а р д а н к а—служанка, т с ю м о—должный, виновный, в а ж о—
работникъ. Майновъ приводитъ термины п р е а с ь с з г а для
обозначенія обязательства, въ которомъ одна изъ сторонъ ру-
чается головой, п р е а с ь п и т п е—цѣна головы—для обозна-
ченія отступного.

Воспомянемъ о тѣхъ обязательствахъ, которыя лежали
на общинѣ: по отношенію къ ея главѣ служить оригинальный
терминъ для обозначенія подати—к а я в к с—сброшенное.

Далѣе тѣхъ отношеній, которыя имѣли мѣсто въ общинѣ,
какъ союзѣ родовъ, творчество Мордвы въ сферѣ соціальной не
пошло. Борьба съ татарами и русскими временно соединила
отдѣльныя общины, но эти сочетанія не имѣли устойчивости
и не могли отлиться въ опредѣленные нормы. Ввести эти
общины въ составъ болѣе сложной организаціи выпало на до-
лю русскаго народа.

Л. Смирновъ.

ХРОНИКА.

Экскурсія на мѣсто древняго Сувара.

Местарско-чувашское названіе села Кузнечихи Спасскаго уѣзда совершенно созвучно съ именемъ Булгарскаго города «Суваръ», упоминаемаго у Арабскихъ писателей X столѣтія.

Татары называютъ это село Искесуар, чуваши Кивесвар (старый Сварь) въ отличіе отъ сѣдней дер. Новой Кузнечихи (тат. Ягъ-суар, чув. Ченесвар).

Отъ татаръ я узналъ, что около села Кузнечихи есть мѣсто большаго древняго города, гдѣ очень часто находятъ разныя старинныя вещи. Объ этомъ я заявилъ секретарю Общества И. Н. Смирнову, по предложенію котораго и поѣхалъ самъ осматривать эту мѣстность лично и справиться о находкахъ. Съ этой цѣлью 23-го мая я пріѣхалъ въ с. Кузнечиху, которое находится на рѣкѣ Уткѣ въ 40 верстахъ къ югу отъ г. Спасска. Сравнившись предварительно въ мѣстномъ Волостномъ Правленіи о Суварскомъ городищѣ и о его находкахъ, я взялъ себѣ въ проводники мѣстнаго старожилла Емельяна Кузнецова, который мнѣ между прочимъ разъяснилъ, что село носитъ такое инородческое названіе (Свар) потому, что здѣсь былъ очень большой турецкій городъ Сваръ (какъ они обыкновенно называютъ и всѣ находки турецкіи); здѣсь была ихъ столица, разрушившаяся послѣ какой-то войны.

Мѣстные жители именемъ «свар» называютъ не большую горку, находящуюся въ полуверстѣ отъ села, гдѣ тоже есть слѣды человеческого жилья. Объ этомъ городѣ подробно рассказывалъ мнѣ бывшій въ дер. Старомъ Баранѣ 80-лѣтній мулла, у котораго были старинныя книги. Русскіе поселились сюда уже на разоренное мѣсто изъ разныхъ губерній (разныи сбородъ — какъ они называютъ). Особенно древними поселеніями у нихъ считаются сѣднія татарскія селенія: Старый Баранъ (Иске-Разябъ), Старые Юрткулаш, Кутельбево и Старые Салманш.

Названіе «Кузнечиха» извѣстно только русскимъ, а всѣ инородцы (даже въ уѣздахъ Чистопольскомъ, Лаишевскомъ, Мамалишскомъ и въ Самарской губерніи) называютъ это село именемъ древняго города Свар или Суар. Самое городище находится въ двухъ верстахъ къ югу отъ села на томъ

же берегу Утки и въ 1 верстѣ отъ дер. Даниловки, находящейся на противоположной сторонѣ рѣки, около 50 верстѣ на юго-востокъ отъ с. Болгаръ и въ 3-хъ верстахъ отъ сѣверной границы Самарской губерніи, около трехъ часовъ трѣхъ притоковъ Волги: Бездны, Утки и Майны. Городище съ трехъ сторонъ окружено рвами и валами (съ южной—однуъ валъ и ровъ, съ сѣверной и восточной двумя параллельными валами и рвами), а съ западной стороны окружено рѣкою Уткой, берега которой, по рассказамъ крестьянъ, дѣтъ 20 тому назадъ составляли непроходимыя болота. Глубина рововъ отъ 2 до 3 сажень, разстояніе между двумя валами около 5 сажень. Съ сѣвера и востока на срединѣ (внутренней) вала есть какія то ямы; проводники мой назвалъ ихъ западинами, съ которыхъ турецкіе солдаты охраняли свою столицу.

Съ восточной стороны есть два узкихъ хода въ городище, старинныя называли ихъ воротами. Огромность протяженія этихъ валовъ и рововъ и замѣчательная глубина ихъ заставляютъ предпологать, что древнѣйшее поселеніе здѣсь принадлежало къ числу важнѣйшихъ городовъ Булгарскаго царства.

Кромѣ валовъ и рововъ признаками такого обширнаго города служатъ также обиліе различнаго рода находокъ на значительномъ пространствѣ. Площадь его занимала около 6 верстѣ въ окружности; признами человеческого жилья есть и выѣ валовъ почти на протяженіи 2-хъ верстѣ отъ самаго городища въ направленіи къ с. Кузнецихѣ.

Я исходилъ все городище и его окрестности, но кромѣ черепковъ ничего не нашелъ, впрочемъ этому препятствовало отчасти то, что въ настоящее время площадь городища застѣна рожью. Остатковъ каменныхъ зданій нигдѣ не сохранилось и старожилы о нихъ не помнятъ. Основываясь на соч. Арабскаго писателя X столѣтія Эль-Балхи можно предпологать, что каменныхъ зданій въ Суварѣ совсѣмъ не было.

Пришедши обратно въ село, я разспрашивалъ у мѣстныхъ крестьянъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо старинныхъ вещей и монетъ, находимыхъ въ сѣдлѣмъ городкѣ и въ его окрестностяхъ, и они отвѣчали, что и здѣсь не рѣдко выпахиваютъ турецкія деньги, да ихъ отдають ребятишкамъ играть въ орлянку, а желѣзные топоры старинной формы отдають кузнецу передѣлывать въ сошники, топоры и другія домашнія вещи. Въ самомъ городкѣ и въ окрестностяхъ, на пашнѣ, находилъ прежде весьма много и нынѣ часто находятъ древнія татарскія вещи. Нѣкоторые говорятъ, что они прежде цѣлыми корзинами нѣсли такихъ старинныхъ вещей съ этого городка. Внутренность городка начали распакивать подъ постьвъ еще не очень давно. Разныхъ черепковъ и костей прежде было очень много, отъ изобилія ихъ въ некоторыхъ мѣстахъ городка совсѣмъ невозможно было распакивать. И нынѣ иногда на нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются какія-то ямы, такъ что лошади тонуть, почему рабочіе мѣстнаго помещика Давченко ихъ заваливаютъ. Между остатками древнихъ глиняныхъ издѣлій очень часто попадаются сдѣланные изъ красной глины разной величины обожженные шарики съ дырочкой, совершенно похожіе на наши счетные шарики. Подобныхъ шариковъ было много найдено и въ Булгарскомъ городищѣ, какъ мы видимъ изъ описанія Паласа

(Древние города Шпилевского, стр. 254). Я приобрѣлъ нѣсколько такихъ шариковъ у татаръ сѣвѣней дер. Новаго Барана.

Мѣстные крестьяне рассказываютъ, что дѣды ихъ, какъ бывшіе крѣпостные, отлавали дорогія находки своимъ господамъ, особенно князю Дадьяну, такъ какъ городище находилось и находится на помѣщичьей землѣ. Также много покупалъ у нихъ такихъ находокъ князь Баратаевъ, вѣроятно тотъ, на котораго есть указаніе въ объяснительной запискѣ къ археологическомъ картѣ Казанской губерніи И. А. Ивановска («Находки въ с. Кузнечихѣ—кн. Н. П. Баратаева»—стр. 3).

Одинъ крестьянинъ нашелъ старинную серебряную тарелку, другой—цѣлымъ кувшиномъ татарскихъ монетъ, третій—бо кусковъ серебра, положивъ на бороновыи зубъ, и всѣ находки отбирали у нихъ владельцы селенія. Мѣстный помѣщикъ г. Данченко показалъ мнѣ изъ найденныхъ въ этомъ городкѣ вещей имѣющіяся у него русскій серебрянный рубль—кусокъ продолговатой формы серебра безъ всякаго клейма околѣ 1¹/₂ фунта. Онъ же Данченко говорилъ, что кто-то у нихъ нашелъ до 30 штукъ татарскихъ монетъ, но ему ни одной не удалось достать.

Кромѣ того мѣстные крестьяне рассказываютъ, что на городкѣ распахиваютъ много человѣческихъ костей и череповъ, и теперь тамъ валяются нѣсколько совершенно бѣлыхъ череповъ, но ихъ сожалѣнію мнѣ не удалось видѣть ни одного черепа; одинъ крестьянинъ было и обѣщался принести одинъ цѣлымъ черепъ, но я его не дождался—уѣхалъ.

Въ одной верстѣ къ сѣверу отъ села на правомъ берегу р. Утки, гдѣ нынѣ стоятъ кирпичные сараи, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, находилось какое то древнее кладбище. Въ настоящее время никакихъ слѣдовъ его не сохранилось, такъ какъ мѣсто это съ давнихъ временъ распахивали и землю в зили на плотину.

На сѣверномъ концѣ села мѣстнымъ крестьянинъ Н. Худяковъ при разрытіи погреба вырылъ человѣческія кости и одинъ черепъ. Узнавъ объ этомъ, я отправился на это мѣсто удостовѣриться и въ только что разрытомъ погребу мы обнаружили четыре не глубокихъ могилы. Положеніе полусгнившихъ костей указываетъ, что погребеніе было въ сидячемъ положеніи. Съ этого могильника я привезъ съ собою 1 черепъ безъ нижней челюсти и переднюю часть верхней челюсти съ другого черепа, остальные кости всѣ сгнилы. Всѣ 4 могилы глубиною не болѣе 1¹/₂ аршина.

Переночевавъ въ с. Кузнечихѣ и собравъ тамъ нѣсколько матеріаловъ, на другой день я отправился въ ближайшую татарскую деревню Новыи Баранъ (Яга разябъ) для собиранія тѣхъ же матеріаловъ, такъ какъ крестьяне этой деревни работаютъ (пашутъ, жнутъ и пр.) помѣщику Данченко, на землѣ котораго находится Сварское городище. Въ этой деревнѣ находокъ оказалось также очень много, но я приобрѣлъ лишь нѣсколько старинныхъ вещей по той причинѣ, что татары, какъ любители старинныхъ вещей, дорожатъ этими находками, купишь у нихъ по дорогой цѣнѣ мнѣ не хотѣлось. Въ этой дер. одинъ татаринъ нашелъ большой серебрянный браслетъ старинной формы; другой нашелъ мѣдный молоточекъ, одинъ конецъ котораго слу-

жилъ печатью (съ надписью), у третьяго хранится какое то женское украше-
ніе съ надписью, у одного хранится мѣдный кистень съ шпичками и пр.

Изъ находимыхъ здѣсь древнихъ вещей можно бы было составить цѣ-
лмя коллекціи Суварскихъ древностей, если не пожалѣть небольшую сумму
денегъ на ихъ пріобрѣтеніе у мѣстныхъ жителей и сосѣднихъ татаръ, кото-
рые любятъ ихъ собирать. Археологическія же изслѣдованія и значительныя
раскопки открыли бы цѣлую исторію этого города, такъ какъ до сихъ поръ
еще никакихъ научныхъ изслѣдованій по этой мѣстности не было и никто
никакихъ раскопокъ не производилъ, а вещи находятъ лишь при распахи-
ваніи полъ поствѣ.

Въ заключеніе вправѣ считать себя счастливымъ, что для науки открыто
теперь мѣстонахожденіе другаго обширнаго Булгарскаго города Сувар, имя
котораго до сихъ поръ еще не исчезло въ памяти народа.

Лителъ Байнитдинъ Ахмаровъ.

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Археологическія раскопки въ Оренбургской губерніи и Тургайской области.

Въ недавно изданномъ отчетѣ Императорской Археологической Комиссіи за 1889 г. напечатана между прочимъ статья о произведенныхъ профессоромъ Петербургскаго университета Э. Ю. Петри раскопкахъ, для производства археологическихъ изслѣдованій.

Особенное вниманіе проф. Петри обратилъ на древнія развалины на берегу озера Кисляя, въ 1 $\frac{1}{2}$ верст. отъ станціи Варнинской, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ.

Во время проѣзда проф. Петри развалины представляли собой четырехугольное зданіе, съ надломленнымъ верхомъ, до 8 саж. въ вышину, съ двѣнадцатигранной пирамидальной башней. (Ср. Болгарскія развалины).

Внутренность зданія—квадратъ до 8 шаговъ; потолокъ—куполообразный; въ центрѣ купола, въ деревянной втулкѣ, металлическое черное кольцо; въ каждомъ углу зданія—ниша съ красивымъ потолокомъ; отъ одной ниши къ другой проведенъ, въ основаніи, жолобъ съ отдушниками; дверь зданія обращена на югъ; одно окно обращено на востокъ, другое на западъ; полъ залитъ слоемъ извести; въ центрѣ развалины находится яма, видимо—могила: входъ въ башню былъ черезъ окно, сзади бруствера зданія, части фронтона. (Ср. Болгарскія развалины).

Внѣшній и внутренній осмотръ развалинъ выяснилъ проф. Петри, что въ развалинахъ хозяйничали кладонскителы, а равно и лица, которымъ нуженъ былъ даровой кирпичъ и камень. Тѣмъ же проф. Петри приступилъ къ раскопкамъ и нашелъ слѣдующее: теменную кость человѣческаго черепа, множество бараньихъ и лошадиныхъ костей, помѣченныхъ красной краской; небольшое количество угольевъ и обожженныхъ, но не человѣческихъ костей; лубокъ и доски, обрисовавшіе человѣческую фигуру, съ отверстиями для глазъ и для рта въ лубкѣ; женскій скелетъ длиной въ 2 арш. 6 вершковъ; на шеѣ скелета—куски шелковой ткани, при черепѣ скелета двѣ

золотыя серьги съ двумя жемчужинами и однимъ яхонтомъ; изъ ручныхъ пальцахъ—два золотые перстня съ украшениями изъ золота же и небольшихъ камней, похожихъ на бирюзу; недалеко отъ скелета найденъ еще черепъ и обломокъ небольшой деревянной палицы, окрашенный малиновой краской.

Проф. Петри предполагаетъ, что множество бараньихъ и лошадиныхъ костей, окрашенныхъ красной краской—это приношенія киргизовъ къ могилѣ святаго, которой, будто бы, погребенъ въ развалинахъ; подобными приношеніями киргизы отводятъ отъ себя болѣзнь на животныхъ; черепа—по признакамъ принадлежать къ монгольскому типу; деревянная палица напоминаетъ существующія нынѣ и употребляемая при охотѣ на волковъ; серьги, по сообщенію мѣстныхъ жителей, напоминаютъ калмыцкія, изъ высоко цѣнимыхъ этими инородцами.

По рисунку, приложенному къ статьѣ, серьги напоминаютъ большой звѣкъ вопроса, обращенный вправо, а перстень большой мужской перстень съ печатью.

Найденныя проф. Петри вещи переданы въ Россійскій Историческій музей.

Занимаясь изслѣдованіями въ Тургайской области, проф. Петри обратилъ вниманіе на возвышенную мѣстность, покрытую курганами, близъ озера Убалы-куль, въ Николаевскомъ уѣздѣ. Проф. Петри изслѣдовалъ только три кургана и въ каждомъ нашелъ слѣды, что у обитавшаго здѣсь народа былъ обычай сжигать трупы. Слои древеснаго угля найденъ посрединѣ кажлаго кургана. Въ одномъ изъ разрытыхъ кургановъ найдена каменная баба очень грубой отлѣвки. Крохѣ бабы, не смотря на тщательные поиски, ничего не найдено. Мелкіе курганы засыпаны камнями разнообразныхъ величинъ. Среди нихъ найдена другая каменная баба, лежащая лицомъ внизъ, такой же грубой работы, какъ и первая баба. Проф. Петри находить, что лица бабы—съ характерными монгольскими чертами и длинными усами.

II. ИСТОРИЧЕСКІЕ

Апокрифическая кладовая выпись ¹⁾.

Вотъ же коренномъ нашемъ амшеникѣ ле на столу впередникъ вгзе три круга чистаго ярого воску вкаждомъ вѣсу по десяти нудъ впервомъ кругу алиты вкрѣпкомъ сосудѣ на многе вразныхъ мѣстахъ кладовая жъ

¹⁾ Печатаемая здѣсь «выпись» доставлена обществу почетнымъ членомъ его В. Г. Мешерниновымъ, который отыскалъ ее въ фамильныхъ бумагахъ. Языкъ «выписи», способъ датированія (отъ Рождества Христова), анахронизмы дѣлаютъ несомнѣннымъ, что она сфабрикована была не ранѣе XVIII в. и даже конца его, когда въ народное обращеніе проникли словечки въ родѣ «куратно» и т. п. По словамъ В. Н. Витевского, любезно предложившаго редакціи копію съ выписи, рукопись представляетъ собою свитокъ, имѣющій до пяти четвертей въ длину и немного болѣе четверти въ ширину. Почеркъ рукописи, напоминаетъ собокъ почеркъ конца XVII или начала XVIII вѣка,

поклажи поллинья выписи писанная рукою самая славная пореклу в варам по отечеству Извнишной а по прослытию желѣзного лоба бабы разбойницы кудяровой родной большой сестры и брата ея кудяра разбойника тутъ же есть три выписи бышняго главнаго ихъ осаула степана разяна о второмъ кругу всѣхъ поклажъ отъ кладовыхъ амшениковъ отъ ларцевъ и сундуковъ пять сотъ семьдесятъ четыре ключа и всякъя кыскакой и кривной шадобности такожь и замочныя травы свещиа тутъ-же вкрѣпкомъ сосуде сильная и могучая вода которая ваята кудяромъ разбойникомъ выидейскомъ царстве и та вода велики пристоина всякимъ людемъ да и всякимъ челоѣческимъ скорбемъ и недугомъ тако же впутяхъ издорогихъ ивогсякихъ нужныхъ случаяхъ целесна и кьчести и кьрочему ковсему пристоина а втретьемъ кругу залиты вкрѣпкомъ же сосуде заговорныя и отговорныя книги и подлинныя по всѣмъ поклажамъ выписи и доводи а буде учинитца всѣмъ намъ отъ кого какая гибель или смертныи часъ или же чакое другое главное несчастье то сля выписи уже все конечно отъ положеннаго сего мѣста нами обратно невозметься а положена сля подлинная выпись вжестянке простымъ дѣломъ рукою слякой бабы разбойницы желѣзного лоба на той же поляне еремной адубе кряковисте да образъ ангела ея варвары Христовой мученицы и будетъ молитвамъ той христовой мученицы варвары сию выписи кого влюбля Богъ дарствуетъ тому искать во первыхъ тотъ главный нашъ коренной кладовой утѣлкой амшеникъ на той поляни еремной балаз желѣзатаго вяза по правую сторону куратно отхѣреть на востокъ ровно семь сажень три шага рыть вглубину да потоло ку два аршина четвертью и придетъ бѣлой тесанный камень то собрать весь тотъ камень смотреть выхода подъ землю который выходъ выкадены самородныиъ красныиъ и велемыиъ камнемъ ктѣмъ выходомъ пришедъ ко дверемъ съ ярмиа зажженами свещиа спростымъ серцемъ и притомъ же была бы тутъ сныи неот-

съ преобладающимъ употребленіемъ омеги, или двойнаго ѿ, предъ простымъ е; встрѣчаются неупотребительныя теперь формы творительнаго падежа именъ существительныхъ муж. рода на омь, напр. «дѣломъ», окончанія глаголовъ въ 3 л. единств. и множ. числа на ть, напр. «будеть, дарствуетъ, придетъ, погибнетъ» и т. п.; знаковь препинанія въ рукописи вовсе не встрѣчается; съ боковь рукописи проведены двѣ параллельныя черты: черная и красная; оборотная сторона рукописи пуста. Рукопись сохранилась не вполне: верхній лѣвый уголъ ея оторванъ по гипотенузѣ треугольника до начала строки 26 сверху. Чернила особенно въ началѣ рукописи, отъ времени значительно поблекли. Изъ того, что уцѣлѣло отъ начала свитка, видно, что здѣсь говорится о богатыхъ сокровищахъ, которыя были посланы отъ какого то Крымскаго хана въ Москву, къ царю Ивану Васильевичу (Грозному). Сокровища эти состояли изъ тринадцати бочекъ съ золотомъ; каждая бочка вѣсью 4 аршина въ длину и 2 аршина въ ширину; на каждой бочкѣ по тридцати желѣзныхъ обручей. Кромѣ «золотей казны», въ большихъ дубовыхъ сундукахъ, окованныхъ желѣзомъ, много царской пошлы, платья, жемчугу и другихъ «преудивительныхъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ, да тутъ же въ золотыхъ ларцѣ залиты чистымъ ярмиа воскомъ самосвѣтныя камни».

иѣнно баба по имени варвара а у тѣхъ у дверейъ внутри амшеника стоитъ превеликая пушка заряжена аминь дѣломъ и по приходе до дверейъ троическую Іисусову молитву а потомъ и всѣмъ рядомъ кто тутъ бывъ прилучится говорить единогласно во имя отца и сына и святого духа аминь аминь аминь да той же бабѣ варварѣ тѣ двери троскратно окропить святою водою непитою и говорить ей и сею всѣмъ единогласно благодать святого духа да будетъ со всѣми нами и наднами всегда имне и присно іовѣки вѣковъ аминь аминь аминь и потомъ же говорить тако заклинаемъ ты диявола люцифера тмъ князя града ада геенскаго и всѣхъ стобомъ аминь нечистыхъ дьявольскихъ духовъ живыхъ своимъ истиннымъ Богомъ Господомъ Іисусомъ Христомъ сыномъ Божиимъ и сыномъ Маріинимъ ажею а ажею отъ сего часа и минуты да изыди отъ сего мѣста и со всѣми своимъ нечистымъ духи невидимо нами рабами божіими (имрѣкамъ) на сухъ лѣсъ на желтые пески синяго моря акына аминь аминь и потомъ всѣмъ вдрукъ смолотвою дунуть адвери то воть же честь и минутою благодатию тою святого духа растворяются и потомъ явить всѣмъ сѣло амшеникъ за бабою варварою безобскаго сумнительства со іисусовою жъ молитвою честно тихо и кротко безробыти и брать втой добрый часъ все то положенное сокровище а безбабы варвары того сокровища отнюдь никому не найтитъ и никакими нескытъ ізвять то безчисленное и безцѣнное сокровище чтобъ вѣкъ незабытно поминать многогрѣшныхъ рабовъ божіихъ варвару кудеяра и степана и потомъ уже гдѣнисть протчая поклажи то всѣ сами почестъ тѣмъ людямъ подлинныи виды и доводы покажутъ а знающихъ хитрыхъ людей кроже просто сердечныхъ при ізвятье той поклажи чтобъ отнюдь не было а сжели хоша при томъ таковымъ гуть быть случитца то всѣ вскоре изгбнутъ конечно злою смертію писана отъ рождества Христова 1673 года мѣсяца декавря во 3 день при семь же втой вѣрности своеручно подписуюсь я многогрѣшная раба разбойница варвара желѣзнымъ лобъ

III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

Изъ быта мордвы села Живайкина Жадовской волости, Карсунскаго у. Сибирской губ.

Мордва изслѣдскаго села называетъ себя «эрзя». Село это по мордовски называется: «Живай-веле». Отдѣльные узины, концы или куряшки, изъ которыхъ состоитъ оно, по мордовски называются: ташто-веле, оль-веле, рузань-пе и вешконь-пе.

Отдѣльные части женскаго костюма по мордовски назыв.: рутса, котола паварь, а отдѣльные узоры, которыми вышиваются женскія рубашки, назыв.: зангартъ, судякнетъ, суркскетъ, крестнетъ и кувалюгъ. Въ селѣ Живайкинѣ, кромѣ мордвы, есть и другіе мнородцы—чуваши: но другъ у дружки ничего не заимствуютъ изъ женскихъ принадлежностей одежды и украшенія, а заимствуютъ, какъ мордва, такъ и чуваши у русскихъ.

Воспоминанія о времени, когда мальчики дѣтъ 8—12 женили на взрослой дѣвѣцѣ, сохранилось и донынѣ; но пѣсель на этотъ счетъ не сохранилось и не держится обычай, чтобы невеста была старше жениха, а напротивъ по-моложе. Дѣвочки начинаютъ водить игрища и посидѣнки и заводятъ себѣ «дружковъ» съ 16 лѣтъ. Когда сходятся парень и дѣвушка, обращается строгое вниманіе и на 4-ю степень родства. Дѣти, прижитыя дочерью какого нибудь человѣка до замужества, называются: «питисъ плааксъ цотмонь». Зять, принятой въ домъ называется: кудось совавтонъ содамо, фамилію своего тещи не принимаетъ.

Когда больной начинаетъ умирать, то подушки и постель его убираютъ; мѣсто, гдѣ лежалъ умершій посыпаютъ золою; въ то мѣсто, гдѣ лежалъ умершій, втыкаютъ косарь или ножъ; чертятъ около умершаго ножемъ, водятъ по шее, груди и по ногамъ умершаго. Когда выносятъ покойнаго изъ дома, окропляютъ съ вѣника набу и пресеяг его, чтобы онъ далъ оставшияся долгу жизнь; алѣкъ за воротами останавливаются съ гробомъ и зовутъ раньше умершихъ родственниковъ встрѣчать покойника. Въ старину рыли могилами такой же глубины, какъ въ настоящее время роютъ, и бросали туда деньги: оборачиваютъ и оборачивали головой покойника на западъ. Могильная яма и насыпь назыв. по мордовски: калмо и калмоанго. Скоропостижно умершимъ и опойшамъ мордва приписываетъ безплодіе. Въ старину кладбища устраивались на ровномъ мѣстѣ и на этихъ кладбищахъ стояли молебныя березы. Въ старину были общія поминальныя моленія и устраивались передъ Троицей Казанской и масляницей. Во время моленій съ поминавшихъ брали кольца, бисеръ и вѣшали ихъ на проволоку или на нитку на молебныя березы. Кладбище по мордовски называется калмазырь. Нѣкоторые болѣзни и несчастья мордва приписываетъ гнѣву покойниковъ, а умилостивляютъ ихъ такъ: ходятъ ночью къ могилу старики и старухи на поминки. Приглашающіе приносятъ съ собою пиши, браги и откладываютъ умершему отъ каждаго приношенія. Если кто-нибудь нечаянно дотронется до щепъ отъ гроба умершаго, то молятся, чтобы избавить того человѣка отъ притки. Разказовъ о томъ, кто видалъ Вель-аву много; говорятъ, въ каждой рѣчкѣ есть своя Вель-ава и Вель-ага, и многіе были у нихъ въ гостяхъ. Мельники, когда устраиваютъ мельницу, бросаютъ въ воду животныхъ и общаютъ Вель-авѣ человѣческую голову; потомъ въ рѣкѣ будто-бы оказывается утопленникъ, а также бросаютъ въ воду чью-нибудь украденную шапку и говорятъ: «вогъ тебѣ чело-вѣческая голова». Бабы, которыя не родятъ, ходятъ на рѣчку прощатъ ся и говорятъ: «Вель-ава, матушка, прости меня, быть можетъ и тебя обидѣла и поэтому не рожу дѣтей». Мѣстная мордва говоритъ, что Вель-ава воруетъ новорожденныхъ дѣтей; бьются отъ Вель-авы «спригки» и ходятъ къ ней болыне съ подарками прощатся. Въ старину Вель-авѣ бывали особые моленія, куда собирались мужчины и женщины, молодые и старые. На этихъ моленіяхъ молились Вель-авѣ и просили еѣ послать дождикъ, ростъ хлѣбу, дать людямъ дѣтей (это дѣлалось ночью). Дѣвушки, желающія выйти замужъ, или парни, желающіе жениться, бросали въ воду вѣнокъ. Въ каждомъ большомъ дѣсу живутъ своя Вирь-ава и Вирь-ага. У Вирь-авы есть дѣти и многіе ви-

дѣла ихъ, а живутъ они всадѣ. Въ старину Вирь-авы людей, которые попадались къ нимъ, щеголили и даже съѣдали; также рассказываютъ, что Вирь-авы приходили къ бабамъ повитухой; носили ей въ дѣсь яица, блинны, чтобы она не хватала ихъ ребятъ, когда придутъ за грибами, за ягодами. Бабы, у которыхъ не родились дѣти, посылали въ дѣсь Вирь-авѣ поларковъ. Она ловила въ дѣсу лошадей и ѣдила на ихъ. Варь-ава есть вѣтряная старушка. Когда начинается сильный вихрь, то просятъ Варь-аву, чтобы она остановила его. Когда въ вихрь, который крутить пыль, бросаютъ ножа, вихрь перестаетъ. Когда вѣтеръ дуетъ тихо и слышится тихій свистъ, говорятъ: Варь-ава дѣтей зоветъ. Бросаютъ въ вѣтеръ яйцо болтуна и просятъ Варь-аву побережь ихъ отъ огня; а во время пожара Варь-авѣ бросаютъ первое яблоко, сорванное въ Преображенье, чтобы она ворожилась. Рассказываютъ, что вихрь захватываетъ и уноситъ людей, особенно женщинъ; говорятъ, что не хорошо кормить скотину сѣномъ, которое разметаетъ вихрь, шить рубашки изъ холста, который приподняло вѣтромъ (хворь будетъ). Мѣстная мордава поминаетъ Пакся-аву (полевую старуху) и говорятъ, что у каждой деревни въ полѣ живетъ своя; рассказываютъ также, что Пакся-ава бережетъ поле отъ чужой Пакся-авы, и бывають между ними драки; когда чужая одолеваетъ, въ полѣ бывають неурожай. Жнецы передъ началомъ жатвы и когда садятся обѣдать, зовутъ съ собой дѣсь Кузьму-Девьяна. Когда начинаютъ пахать, зарывають въ землю яйцо и фосфору.

Хозяева пчельниковъ поминають: «Нешке-пазы». Въ каждомъ пчельникѣ есть свой Нешке-пазы и живетъ онъ въ одномъ изъ ульевъ. Когда ломаютъ медъ, наливають чашечку смолы, ставятъ около пчельковъ и зовутъ его попить. Домового и домовую называютъ Юртонь-кирды, а живетъ онъ подъ печкой. При переходѣ въ новый домъ хозяинъ ходитъ ночью на старое жилье и зоветъ Юртонь-кирды съ собой въ новый домъ, сложи «юртонь-кирды юрт-ава, юртонь-кирды юртъ-атя, поидемъ съ нами въ новый домъ». Есть повѣрье, когда на крышѣ дерутся кошки что это не кошки дерутся, а свой домовый съ чужимъ. Сыны, который отходитъ, отдѣляется отъ отца и заводитъ свое хозяйство, зоветъ этого же домового. Человекъ, который отдѣляется, призывая въ свой новый домъ домового, говоритъ: «дѣдушка домовый, не оставь насъ, поидемъ съ нами жить: хочешь на лошади, хочешь пѣшкомъ». Были моляны (у чувашъ и въ настоящее время) поля названіемъ кереметь, на которыхъ молились Мастыр-пазу. Моляны такой устраивался въ дѣсу; посреди него стоялъ столъ. Въ старину были особыя молявенныя рощи, загороженныя заборами. Велень-пазы есть что-то въ родѣ домового.

Въ селѣ Живайкинѣ три нагодности: русскіе, мордва и чувашы—съ инородческимъ большинствомъ. Между этими жителями русскій языкъ распространенъ въ хорошей степени и говорятъ на немъ всѣ и мужчины, и женщины, даже семилѣтніе ребятнишки. Говорятъ довольно хорошо—правильно и охотно. На своемъ родномъ языкѣ говорятъ очень рѣдко и пришлаось только встрѣтить нѣсколько женщинъ, остальные совсѣмъ обрусѣли. Старухи напр. говорятъ: отецъ—тетяи, мать—авай, помоложе—тятѣкъ, маюкъ и т. д. Учениковъ я никогда не слыживалъ, чтобы говорили на своемъ родномъ языкѣ.

Нимішнія дівушки и женщины не знаютъ даже, какъ поются мордовскія пѣсни. Вышеупомянутыя женщины, во время бесѣдъ съ нами, говорили, что нимішній народъ все болѣе и болѣе рустѣетъ и замѣчается это въ томъ, что всѣ одѣваются по русски, говорятъ по русски и старинныхъ обрядовъ не исполняютъ. Иностранцы съ русскими въ хорошихъ отношеніяхъ. Правники, какъ у инородцевъ, такъ и у русскихъ бываютъ въ одно время, и гуляютъ вмѣстѣ. Русская молодежь допускается на инородческія игрища и наоборотъ инородческіе парни на русскія. Мордва берутъ невѣсты у русскихъ и русскіе у мордвовъ. А у чувашъ ни мордва, ни русскіе не берутъ и не отдають. Въ волостныхъ сходахъ въ смѣшанныхъ волостяхъ—рѣшаются дѣла вообще по числу голосовъ (при этомъ бываетъ, что нѣкоторые мордва и русскіе заодно на остальную сторону). Въ волостные судьи и старшины избираются безразлично и мордва, и русскіе, и чуваша. Живетъ каждая народность особо, занимаетъ особый конецъ. Дѣти и молодежь обѣихъ сторонъ собираются на общія игры и говорятъ на русскомъ языкѣ. А равно и на посидѣнкахъ господствуетъ русскій языкъ и русскія пѣсни. Переговоры на мирскихъ сходахъ идутъ на русскомъ языкѣ. Языкъ обрусѣвшихъ инородцевъ отъ языка чисто-русскаго населенія отличается; грубѣе говорятъ. Изъ костюма мордвы выдѣляются особые мордовскіе лапти.

Ф. Бумуцель.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письма изъ Гельсингфорса.

II.

Сегодня на годичномъ собраніи Финно-Угорскаго общества должно, что извѣстный датскій ученый проф. В. Томсенъ дешифрировалъ бывшія до сихъ поръ загадкой Орхонскія и Енисейскія надписи и установилъ, что они сдѣланы на языкѣ тюркской группы. Въ «Mémoires» Финно-Угорскаго общества будетъ помѣщенъ доставленный Томсеномъ переводъ надписей. Подробности относительно своего открытія проф. Томсенъ предполагаетъ сообщить въ засѣданіи датскаго научнаго общества 15 декабря. Постараюсь познакомить съ ними читателей «Извѣстій», какъ только у насъ будутъ получены свѣдѣнія изъ Копенгагена.

Гельсингфорсъ. 2 дек. 1893.

Т. Вилхельмъ.

Письмо изъ Красноярска. (Архивный вопросъ).

Слишкомъ годъ тому назадъ въ Красноярскѣ въ Енисейск. губерн. статистическомъ комитетѣ возникъ вопросъ объ учрежденіи Енисейск. архивной комиссіи. Возникъ этотъ вопросъ послѣ того, какъ въ комитетъ поступило изъ архивовъ мѣстныхъ правительственныхъ учреждений нѣсколько описей дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію. Ближайшее разсмотрѣніе этихъ описей и нѣкоторыхъ дѣлъ членами комитета вызвало у послѣднихъ желаніе возбудить ходатайство объ открытіи въ Красноярскѣ архивной комиссіи. Желаніе это, какъ нельзя болѣе, совпадало съ интересами исторической науки. Дѣло въ томъ, что беспощадное уничтоженіе архивныхъ дѣлъ въ Сибири то пожарами, то путемъ продажи торговцамъ, слишкомъ опустошило мѣстные архивы и, конечно, лишило историческую науку цѣнныхъ данныхъ. Достаточно напомнить, что еще въ 1880 году сохранялся въ Красноярскѣ весьма важный архивъ съ документами XVII вѣка, но, благодаря небрежности при выборѣ помѣщенія для этого архива, онъ былъ совершенно уничтоженъ пожаромъ въ 1881 г. А между тѣмъ здѣсь были документы, написанные на березовой корѣ, что практиковалось въ Сибири въ XVII вѣкѣ нѣрѣдко за

неисчислима бумага. И до настоящего времени еще сохранялись документы въ нѣсколькихъ архивахъ Енисейской губерніи со второй половины XVIII вѣка, а съ начала XIX в. матеріаломъ сохранилось весьма много.

Такимъ образомъ, всѣ данныя говорили за необходимость учрежденія въ Красноярскѣ архивной комиссіи. Вотъ почему, послѣ обсужденія этого вопроса въ январѣ прошлаго года на засѣданіи Енисейск. Губерн. Стат. Комитета г. начальникъ губерніи Л. К. Теляковскій выразилъ свое согласіе ходатайствовать въ Петербургѣ о разрѣшеніи открыть въ Красноярскѣ архивную комиссію.

Послано было ходатайство въ Археологическій Институтъ. Отвѣтъ былъ полученъ въ сентябрѣ прошлаго года. Директоръ Археологическаго Института кн. А. Н. Трубецкой изъявилъ согласіе на открытіе Енисейской Архивной Комиссіи, но съ условіемъ, что открытіе ея можетъ послѣдовать не прежде, чѣмъ будетъ найдено въ Красноярскѣ подходящее помѣщеніе для архива и историческаго музея, а также средства для перевозки архивныхъ дѣлъ, изданія трудовъ архивной комиссіи и для другихъ ея потребностей. Въ виду этого въ статистическомъ комитетѣ было постановлено обратиться въ городскія думы Енисейской губерніи съ просьбою дать средства архивной комиссіи.

Пока получился отвѣтъ изъ Енисейска; отвѣтъ отрицательный. По всей вѣроятности, и отъ другихъ городскихъ думъ получатся такіе-же отвѣты. Рѣсчитывать на матеріальную поддержку архивной комиссіи со стороны частныхъ лицъ трудно. Правда въ Красноярскѣ есть не мало людей очень богатыхъ, но о желаніи ихъ помочь средствами архивной комиссіи ничего не слышно.

Между тѣмъ количество архивныхъ дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, въ архивахъ мѣстныхъ правительственныхъ учреждений увеличивается очень быстро. Въ засѣданіи Енис. Губ. Стат. Комитета 17 февраля т. г. было сообщено, что въ комитетъ снова поступили описи съ перечисленіемъ 50,000 дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію. Положимъ, что за немногими исключениями, дѣла эти относятся къ XIX вѣку. Но и эти дѣла, если своевременно не позаботиться о тщательной разборкѣ и сохраненіи ихъ, могутъ быстро погибнуть. Вотъ почему до открытія архивной комиссіи нѣкоторые изъ членовъ Енисейск. губ. стат. комитета пожелали взять описи архивныхъ дѣлъ, чтобы по этимъ описямъ отмѣтить дѣла, интересныя въ научномъ отношеніи и потому заслуживающія сохраненія. Конечно, при подобномъ просмотрѣ описей весьма возможно ожидать многихъ ошибокъ. архивныя описи составлены писарями крайне не точно, и узнать по описи—нужно-ли извѣстное дѣло оставить или итѣтъ—очень трудно; самыя-же дѣла разбросаны въ разныхъ пунктахъ, отстоящихъ отъ Красноярска на 300 и болѣе верстъ.

Позаботиться о перевозкѣ этихъ дѣлъ въ Красноярскъ и научной, согласной съ теоріей архивовѣднія, разборкѣ ихъ могла-бы Енисейская архивная комиссія. Но на открытіе этой комиссіи, кажется, мало надежды. А жаль: нашлось-бы въ Красноярскѣ и вполнѣ подходящее помѣщеніе для историческаго архива, были-бы и работники въ комиссію.

Красноярскъ. 1893 г. мая 20-го.

Н. Такай.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Матеріалы по археологiи Россiи, издаваемые Императорской Археологической Коммиссiей. № 11. Лядинскiй и Тонниковскiй могильники Тамбовской губерніи. В. Н. Ястребова. Спб. 1893.

Лядинскiй могильникъ былъ обнаруженъ въ 1869 г. Первая свѣдѣнія о немъ сообщилъ Асценитъ въ своихъ «Antiquités du Nord Finno-ougrien». Г. Ястребовъ произвелъ въ 1887 г. по порученію И. А. Коммисіи его раскопку и въ названномъ выпускѣ «Матеріаловъ» выкомитъ насъ съ результатами своего изслѣдованія. Основными задачами этого послѣдняго онъ поставилъ опредѣленіе времени и народности, къ которымъ относится могильникъ; въ соображенія по существу — объ образѣ жизни оставившей могильникъ народности, объ ея торговыхъ отношеніяхъ она не входитъ; потому-ли, что считаетъ эти вопросы лишними въ археологическомъ изслѣдованіи, потому-ли, что за недостаткомъ данныхъ не рѣшается на рискованныя заключенія — это остается невясненнымъ. Оцѣнивая трудъ г. Ястребова, мы, конечно, будемъ имѣть въ виду только то, что онъ намъ предлагаетъ и не будемъ упрекать его за то, что онъ поставилъ себя въ узкія рамки.

Наше первое замѣчаніе будетъ касаться внѣшней стороны надгробнаго — отношенія атласа къ тексту. Читать изслѣдованіе г. Ястребова, обращаясь постоянно къ таблицамъ, дѣло не легкое. Таблицы были составлены и, повидному, ответаны раньше текста; въ распредѣленіи предметовъ нѣтъ никакой системы; изслѣдователь, очевидно, руководствовался однимъ стремленіемъ — расположить предметы покрассиве и посимметричнѣ; предметы извѣстной категоріи, напр. бляшки, фигурируютъ на таблицахъ III, VI VII, VIII, IX въ перемежку съ другими. Текстъ составлялся, видимо, попутнѣ и его расположеніе совершенно не зависитъ отъ таблицъ да и не могло зависѣть, потому что описывая предметы въ томъ порядкѣ, въ которомъ они изображены на таблицахъ, авторъ не могъ дать ничего даже отдаленнымъ образомъ похожаго на «изслѣдованіе».

Это несоотвѣтствіе между текстомъ и таблицами не выгодно и для читателя и для автора: читатель вынужденъ каждую минуту безжалостно вертѣть таблицы прекрасно наданнаго атласа, авторъ не имѣетъ возможности

закрѣпить въ сознаніи читателя тѣ основанія, въ силу которыхъ онъ говоритъ о предметахъ, напр. о тѣхъ-же бляшкахъ—въ известномъ порядкѣ. Чтобы уяснить себѣ его систему, приходится вырвать изъ книги всѣ таблицы, разложить ихъ передъ собой и постоянно перебѣгать глазами съ одной на другую.—Обращаясь къ содержанію труда г. Ястребова. Стр. 1—18 посвященъ изложенію обстоятельствъ, при которыхъ были обнаружены изслѣдуемая вещи. Авторъ отмѣчаетъ два обнаруженныхъ его раскопками типа погребенія—собственно погребеніе и трупосоженіе. Первое было обнаружено въ 127 могилахъ изъ 143, послѣднее въ 16. Въ наиболѣе сохранившихся могилахъ перваго рода ($\frac{1}{2}$ всего количества) скелеты лежали на спинѣ съ вытянутыми ногами, по большей части головой къ Ю., ногами къ С., на вискѣ (чаще лѣвомъ), съ вытянутыми или пригнутыми къ груди руками; во многихъ могилахъ обнаружены слѣды дубка иногда съ березовой корой (въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ всѣмъ скелетомъ и сверхъ него нѣкими длинными полосами); однажды былъ найденъ въ могилѣ скелетъ небольшой лошади. Въ 12 могилахъ съ полнымъ трупосоженіемъ жженыя кости въ видѣ мелкихъ кусковъ вмѣстѣ съ пепломъ лежали слоемъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 вершка толщиной; вмѣстѣ съ ними замѣчались черепки глиняной посуды и—въ безпорядочной обыкновенно кучѣ—разныя вещи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сверхъ костей или подъ ними замѣчались довольно большіе остатки ткани; на металлическихъ вещахъ никакихъ случаевъ порчи отъ огня не замѣчалось. Въ виду почти полного отсутствія въ могилахъ угля и дерева г. Ястребовъ предполагаетъ, что умершій сжигался въ могилы.

Отношеніе одного погребальнаго обряда къ другому авторъ представляетъ несомнѣнно ясно: «наряду съ совершеннымъ сожженіемъ покойника догускалось и не полное и это обстоятельство намекаетъ на то, что обрядъ трупосоженія въ эпоху существованія могильника не былъ устоячивъ и самостоятеленъ». Текстъ г. Ястребова не даетъ намъ возможности понять, что хотѣлъ онъ сказать: считается ли онъ могилы съ трупосоженіемъ памятникомъ особой народности или видитъ въ трупосоженіи обрядъ, практиковавшійся однимъ и тѣмъ-же народомъ на ряду съ погребеніемъ. Существенное значеніе въ этомъ вопросѣ можетъ имѣть обстоятельство, отмѣчаемое авторомъ нѣсколько ниже: по характеру находимыхъ въ нихъ вещей могилы съ трупосоженіемъ не отличаются отъ могилъ съ погребеніемъ.

Самый обширный отдѣлъ книги г. Ястребова посвященъ «обозрѣнію древностей со стороны формы». Указывая «болѣе или менѣе сходные типы въ древностяхъ другихъ мѣстъ Россіи и отчасти 3. Европы», авторъ думаетъ «прийти къ опредѣленію мѣста, которое принадлежитъ лядинскимъ древностямъ среди другихъ, ставшихъ ранѣе ихъ известными».

Внимательно и не разъ перечитавши этотъ отдѣлъ и слѣдующія за нимъ заключенія, мы не нашли тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело г. Ястребова сопоставленіе лядинскихъ древностей съ другими.

Аналогій оказывается масса; ихъ можно искать и на востокѣ Россіи—въ древностяхъ Сирая и Булгаріи, въ Вятской и Пермской губерніяхъ—и въ

средней Россіи—въ губерніяхъ Рязанской, Владимірской, Костромской, Ярославской—и на западъ—въ губерніяхъ Смоленской, Витебской, Прибалтійскомъ краѣ, въ Финляндіи—и на Ю. В. на Кавказѣ и наконецъ за предѣлами Россіи въ Даніи, Швейцаріи, Греціи, Египтѣ. На разысканіе этихъ аналогій авторъ потратилъ не мало труда, но онъ остановился на головнѣхъ дорогахъ: чтобы опредѣлить мѣсто лядинскихъ древностей, нужно было продолжать еще одну работу: 1) выдѣлить районы наибольшаго тяготѣнія лядинскихъ древностей; такимъ образомъ авторъ могъ-бы подойти къ опредѣленію группъ, въ составъ которой входила народность, оставившая лядинскій могильникъ.

На выполненіе этой работы потребовалось-бы уже не много времени и труда: стоитъ раза два—три пересмотрѣть ат рои отдѣлъ книги г. Ястребова, чтобы намѣтить тѣ районы, къ которымъ тяготеютъ лядинскія древности. Въ ближайшемъ родствѣ онѣ оказываются съ древностями Моршанскаго и Шичкаго у.у. Тамбовской губ., Казимовскаго Рязанской и Муромскаго Владимірской (лѣвѣ Цна-Мокша-Ска): на всея этомъ протяженіи встрѣчаются одинаковыя гривны и шейныя кольца, ажурныя пражки въ видѣ кольца, фибулы съ разомкнутыми концами (т. VIII, р. 1, 3, 4, 8), пражки въ видѣ бляхи (т. V, р. 1, 2, 4, 7), бронзовыя трубочки (т. I, р. 5, 7; т. IV, р. 8), спиральныя привѣски (т. III, р. 27—29), пластинки, расширяющіяся къ низу, съ ушками и цилиндрическими привѣсками (т. I, р. 9, 10, 12, 13), бронзовыя спиральныя браслеты (т. IV, р. 6, 9), браслеты въ видѣ обручиковъ (т. II, р. 1, 3, 6)—т. е. всѣ главнѣйшія принадлежности женскаго костюма. За этимъ райономъ тѣснѣйшаго соприкосновенія лядинскихъ древностей съ древностями остальной Россіи слѣдуетъ болѣе широкій, въ который входятъ болѣе или менѣе сходныя древности западныхъ губерній Россіи: Витебской и Лифляндской (головныя вѣшечки, гривны и спиральныя браслеты и кольца браслеты изъ бронзоваго обода съ петлей, кольца въ видѣ кокошника, четырехъугольныя бляшки съ крестомъ, ткани; таб. XI, р. 7), Курляндской (гривны, спиральныя браслеты и кольца), Могилевской (шейное кольцо), Смоленской (литыя бронзовыя украшенія съ конскими головками и привѣски въ видѣ полумѣсяца, бляшки съ крестомъ), С.-Петербургской (тоже бляшки съ продолговатыми четырехъугольными привѣсками, бронзовыя ведра и грушевидныя бубенчики), Эстляндіи (бронзовыя шарообразныя бубенчики, кольца въ видѣ кокошника), Новгородской (грушевидныя бубенчики), Финляндіи (спиральныя браслеты и кольца, кольца въ видѣ кокошника, бронзовыя ведра), Гродненской (спиральныя кольца). За предѣлами этого района аналогіи оказываются—хотя въ меньшемъ количествѣ—на Кавказѣ въ могильникахъ Осетин и въ Волжской Булгаріи.

Сопоставляя эти результаты г. Ястребовъ могъ-бы прийти къ заключенію, что Лядинскій могильникъ принадлежитъ народу, стоявшему въ ближайшемъ родствѣ съ древнимъ населеніемъ Рязанской и частью Владимірской губерній и находившемуся въ сферѣ торговаго вліянія племени, которое населяло губерніи Витебскую, Гродненскую, Лифляндію, Курляндію,—т. е. древнихъ Литовцевъ. Племенемъ, которое въ своемъ прошломъ болѣе подходитъ къ этимъ признакамъ, является та самая Мордва, къ правымъ

которой на Лядинский могильник так скептически относится г. Ястребовъ, Мордва изъ вѣтъ народовъ волжскаго бассейна выдѣляется своимъ культурнымъ тяготѣніемъ къ литовскому племени: въ то время, какъ черемисы и вотяки подчинялись влиянію тюрко-болгарь, она отъ литовцевъ заимствовала важнѣйшіе элементы своей культуры. Въ пользу мордовскаго происхожденія древностей Лядинскаго могильника говорятъ и родство нѣкоторыхъ формъ и приемовъ ихъ фабрикаціи съ формами до сихъ поръ употребляемыхъ мордвою украшеній и приемами ихъ фабрикаціи. Укажемъ для примѣра на грудное украшеніе, представленное на таб. III, фиг. 32 и на фибулу таб. VIII (1, 2, 3 и др.). Тожественное по формѣ моршанское грудное украшеніе находится въ мѣстномъ Музеѣ Отечества въ г. Саранскѣ; что касается фибулы, то она несомнѣнно является прототипами нѣмнѣйшихъ мордовскихъ «шурька». Обычное въ лядинскихъ древностяхъ прикрѣпленіе различныхъ подвѣсокъ при помощи завитой спирали проволоки до сихъ поръ имѣетъ мѣсто на мордовскихъ «шурькахъ», «салыгахъ» и «сустугахъ».

Вопросъ о времени, къ которому принадлежитъ могильникъ, разработанъ г. Ястребовымъ гораздо тщательнѣе. Тутъ онъ допускаетъ даже нѣкоторыя измѣненія. Не довольствуясь такими ясными показаніями, какъ арабская надпись XI—XIV в. на бронзовомъ ведрѣ, имитациіи арабскихъ диргемовъ VIII и IX в.в., тождество нѣкоторыхъ предметовъ съ предметами найденными въ другихъ губерніяхъ совмѣстно съ монетами X в., г. Ястребовъ обращается къ показаніямъ, которыя могутъ дать формы предметовъ и мотивы орнамента, хотя самъ сознаетъ, что въ данномъ случаѣ это примѣръ ненадежный. «Мы указали для предметовъ лядинскаго могильника рядъ болѣе или менѣе близкихъ аналогій изъ самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная съ классической и кончая современной намъ и пытались по возможности указать смысловое соотношеніе формъ, указать формы первичныя и производныя. Но логическая послѣдовательность не всегда совпадаетъ съ послѣдовательностью времени; намъ приходилось отмѣчать формы первичныя и производныя вмѣстѣ, бокъ о бокъ; такое одновременное ихъ существованіе обуславливалось съ одной стороны чрезвычайной живучестью художественно-промышленныхъ формъ, съ другой — особенностями употребленія вещей и различіемъ въ матеріальномъ достаткѣ потребителей. Такимъ образомъ для хронологіи могильника не могутъ годиться аналогіи съ вещами, которыя не представляютъ полного сходства или тождества съ изучаемыми... Въ этой тирадѣ вполне ясно только послѣднее положеніе: аналогіи не только не годятся для опредѣленія времени, къ которому относятся извѣстныя древности. Совершенно соглашаясь съ авторомъ на этогъ счетъ, мы можемъ прибавить, что прибѣгать къ ихъ помощи и надобности нѣтъ; къ чему осложнять дѣло приемами, которые умѣстны въ изслѣдованіи памятниковъ палеолитической эпохи, когда имѣются совершенно ясныя хронологическія указанія.

Н. Смирновъ.

Ридъ Земл. свѣтлыя ср. родъ.
Риж Крок. красота; рижтама не-
 красивый; рижля пригожй во вѣхъ
 отношеніяхъ; рижлемяш смаранды,
 опрятнымъ сѣзлатъ.

Рипшаш г.чер. Земл. см. рюпшм;
 рипшиктѣш заставлятъ качать.

Роалтш, Земл. подопласка у ру-
 бахи.

Рогожъ рогожа.

Родъ Земл. г.чер. лонкій.

Родантш Вас. см. риднше.

Родо родственникъ.

Рож дыра, отверстіе.

Рок земля (персть).

Рон сопля; рон-возном насморкъ.

Ронгос (г.чер. лент) ухабы.

Ронгос ронжа-сойка.

Ронж Крок. сѣдой.

Ронгѣдм рыгаю.

Рончѣм развиваю, расплетаю, раз-
 бросаваю.

Рредаш Крок. чистить, полпро-
 вать, общипывать.

Рридаш г.чер. Земл. см. рредаш.

Рру дрожжи.

Руакш (г.чер. нунчук) кислое тѣ-
 сто.

Руалаш надрубить, зарубить; ру-
 алктѣш заставить зарубить.

Руалмо-полдш крочки для за-
 стегиванья платя; руалмо-полдш-омо
 петелька.

Руалтѣш схватать.

Рудалтѣш развязываться, выва-
 живаться.

Рудѣм развязываю, разубаю ланги;
 рутнѣн-каѣн развязался.

Ружге Земл. слишкомъ, неистово,
 вѣтрено, безобразно.

Рум Земл. см. рон.

Румбукѣм мутный.

Румдуктѣш Земл. (румбуктѣш?)
 мутить.

Рум Вас. см. рон.

Рунс Смири. роса.

Руш русский; рушал по-русски; ру-
 шалъ - капка русскія, тесовыя ворота;
 руш-арій воскресенья; руш-арій-куго-
 юмо великій богъ воскресенья; руш-
 арій-куго-пуйропио создатель воскре-
 сенья; руш-арій-юмон-авѣжо мать бо-
 га воскресенья.

Руштѣм пльиствуо, пльѣш; рушт-
 шо пльница; руштѣктѣм опьяню.

Рушта коробъ изъ дуба со дномъ
 изъ палокъ, — для процѣживанья су-
 сы: отъ барамъ.

Рудѣм рубаю.

Ривѣж лисца.

Рѣгагелъ Крок. см. риднше.

Рѣдагелъ Земл. ср. рѣдгелъ,
 см. риднше.

Рѣварш г.чер. Земл. огрязивать,
 стряхивать; рѣвалш трести; рѣвалтѣш
 встряхиваться.

Рималдѣш Земл. см. рюмблгѣм.

Рыктѣлѣш г.чер. Земл. подогрѣ-
 вать; ррыктѣш см. Крѣктѣш.

Рудо сердцевина; лампа-рудо свѣ-
 тлыя.

Руднше ржавчина: руднштѣш
 ржавѣтъ; рудншдѣрѣм покрываю ржав-
 чиною.

Рудѣм вытягиваю веревку посред-
 ствомъ передергиванья черезъ крочекъ.

Ружгѣм шумлю; ружгѣш-шолѣ-
 мѣш шумъ.

Ружд Смири. адругъ.

Ружѣм киваю, машу, трясю; рю-
 жалтѣрѣм встряхиваю; рюжалтѣш тря-
 суся.

Рюм Крок. мракъ, темнота; рюмѣ-
 гѣш смеркаться.

Рюмбалгѣ сумерка; рюмблгѣш
 смерклося; рюмла Земл. мрачно, —шй.

Рюм г.чер. Земл. изморось; рюм
 влаѣш моросить, каворось илеть.

Рюпш Земл. см. шепкѣ; рюпшѣш
 качаю, машу; рюпшалтѣш качаюся.

Рючка опахивается хвостомъ.
Рюшт Земл. см. шлат, рашт.

С.

Саба г.чер. Земл. ладонь.
Сабаш Земл. косить (трава), ударить по щекѣ, посыпать (мукой ит.своѣ) сабалтш ударить по щекѣ.
Сабикалаш г.чер. Земл. похлопывать въ ладоши; сабиктэм выставляю хлопать въ ладоши.
Савâ (г.чер. ся, чув. сая) коса (орудіе).
Савâр заборъ изъ досокъ или бревень.
Савалâ (чув. спала) ложка; мар-д-совалâ, куго савалâ уполовинкъ.
Савут Земл. лицо, наблюдающее за поѣздомъ на черемисской савдѣт.
Савйраламъ верчу, оборачиваю.
Савйрэмъ заворачиваю.
Савйриэмъ (чув. сярин) оборачивлюсь, верчусь, заворачиваюсь, возвращаюсь; кече савйртиш подсолнухъ.
Сагâ Земл. возлѣ, подлѣ, мимо, около, при; сагэмдш г.чер. приближать, придвигать; сагэмш приближаться.
Сагала Земл. см. сагале.
Сагарâк Земл. поближе.
Сагâт (чув. сагат, тат. сагат) честь.
Сагале (чув. секле) крюкъ; турь-юлк-сагале крюкъ, употребляемый для утверждения нижней стрѣхи.
Сагәлâ вонь туда.
Сад (г.чер. саловиче) садъ; сад-ола садовое яблоко.
Садâк Земл. точно также.
Садэ вонь тотъ.
Сле (г.чер. яжо) хороший, исправный.
Сайлâш Земл. украшать.
Сайрёмъ Иср. см. серём.
Сакалаэмъ Сярн. завѣшляю.

Сакалтэм (чув. сяк) вѣшан, зацѣпляю.

Саклатъ закладъ.

Саклякъ (чув. сапла) заплата.

Сакмакъ (тат. сукмак) тропа.

Сақтарâш Земл. см. чақтарэм.

Сакэм (чув. сяк) вѣшан, зацѣпляю.

Сала, салым (тат. сілим) поклонъ, почтение.

Салалтэмъ Земл. г.чер. косится.

Салат (чув. и тат. салат) солодь.

Салко Земл. помело; ср. солго; салалтш метлою сплывать.

Салымемдш г.чер. Земл. воспламенятъ; салымемш воспламеняться.

Салма (г.чер. сельмя) сковорода; салма-киндэ лепешка изъ кислаго тѣста, печеная на сковородѣ.

Салю (тат. сал) онеморядный плоть.

Салтâк солдаты; салтâк-ушмемъ бушма.

Самôкъ замокъ.

Самынъ г.чер. Земл. неладно, не годится, ошибочно.

Самйрйкъ (чув. сярник) молодой.

Сагдâ (чув. сяга, г.чер. лепкâ) лобъ; сагд-ончол-уль пихоть на лбу; чолка.

Санлâлйкъ (чув. сянлалых) мръ, вселенная; атмосфера.

Сандымъ сумдукъ.

Сап-керёмъ вѣжи.

Сап-воло, сапондо цѣпъ.

Саплâ см. кердо.

Саплькъ Сярн. см. саклькъ.

Сапналатш Земл. раскатываться (о саняхъ); сапналтш раскатъ (на дорогѣ вьюю).

Сар соловой, буланый, близжевый (цвѣтъ, похожій на тѣлесный); тат. сары желтый; чув. сара желтый, русый, рыжій.

Сар, саркâлйкъ (чув. сара) войско.

Сарасі г.чер. Земл. прилично, по-
лсно.

Сарлагэм (чув. сьврах, тат.
зыаракым) милую, щажу.

Сарсй (чув. сьран, г.чер. оравн)
воробей.

Сасй Вас. см. сарсй.

Саскй завязь плода и его цвѣ-
токъ; саскй-куго юмо, пуйрошо вели-
кій богъ и создатель плодовъ.

Саслэш г.чер. Земл. кричать, во-
пить, громко требовать.

Сат г.чер. Земл. игра въ чижь.

Сатъ (тат. сатму торговля, прода-
жа) товаръ, покушка.

Сахче ангель хранитель, (тат. сак-
че хранитель).

Сацаш г.чер. Земл. покушаться,
наѣзрваться.

Сайк Земл. пришлецъ, странникъ,
шатуны, незаконнорожденный.

Себёмь-шуаш Крок. заглушать,
оглушать.

Себяш, себляш Земл. см. сабаш.

Сеге, сегелъ вогъ такъ.

Седеран г.чер. Земл. см. серетан.

Седашак г.чер. Земл. здѣсь.

Седэ вогъ этого.

Седряубаа (тат. сундара) по-
лати.

Семелялташ г.чер. Земл. утѣ-
шаться; семеляш утѣшать.

Семёнк Земл. подобно.

Семйк Земл. семикъ (черемисскіе
помяки).

Семйн подобно, наподобіе; по;
точь въ точь; тѣни шомакэт семйн
лиже да будетъ по слову твоему.

Семь-семь г.чер. Земл. постепенно.

Семѣм (тат. зынтам, чув. сны)
поѣжзав.

Семгя время цвѣтенія хлѣбовъ, —
время, въ которое черемисы не про-
изводятъ ни какихъ земляныхъ ра-
ботъ—земля иняннища.

Се-павда Крок. см. сап-воно.

Серьгаш (тат. сьрга сьрга) Вас.
перстень, кольцо у Сиври. сьрга; ни-
мй сьргаш Сиври. бубенчикъ.

Сердешкй сердечникъ.

Серем (г.чер. сирем, чув. сьран,
сьран, тат. чьрам), лугъ, дерня.

Серлагэм см. сарлагэм.

Сермеи г.чер. Земл. узда.

Серетан (чув. сьрлэ, тат. сьрлэ
г.чер. сьрлэ) смилъ, подагричникъ; се-
ретан кйк овсянка.

Серь (чув. сьр, г.чер. сирь, тат.
зыр ярь, крутой берегъ) берегъ, на-
терникъ.

Сепиъ г.чер. Земл. палуча бо-
лѣны; сепиш страдать палучею бо-
лѣныю.

Середа г.чер. Земл. поле.

Серек г.чер. Земл. тощій; сере-
клявш тощать; сереклядараш исто-
щать, измурять.

Сесь-кертню г.чер. Земл. жеть,
бѣлое желѣзо.

Серан г.чер. Земл. (тат. вьран)
рыжая (масть) рыжій; сьрямеаш ры-
жѣть.

Серасэм Земл. сьрасэм.

Серкалаш Земл. см. сьрэм.

Серлахаш г.чер. Земл. см. сар-
лагэм.

Сертняш Зем. см. шортнялт-во-
зйм.

Сн (чув. смй) Сиври. честь, уго-
щеніе.

Снгрём кричу, визжу, гамлю.

Сильта г.чер., сьльгже лугов. чер.
Земл. премудрость.

Силэм (тат. сьйлѣм, чув. сьй-
лэ) угошав; см. сн; тошто сн-лав-тау
спасибо за прежнее угощеніе.

Силим (г.чер. кельэ) неводъ.

Симляш г.чер. Земл. благосло-
влять.

Симряш г.чер. Земл. невывдѣть.

- Сиря́ горячая сѣра.
 Сири́к таш г. чер. Земл. заста-
 влять писать.
 Сири́ш г. чер. Земл. тягостно.
 Сири́ш г. чер. писать.
 Сири́ Крок. селеніе, деревня.
 Ситя́ (тат. зыта) довольно, доста-
 точно; ситарем наполняю; ситэнам я
 насмился; ситарял таш Земл. удо-
 вольствоваться, наполняться, насм-
 щаться.
 Сити́йж Вас. незаконнорожден-
 ный, бродяга, недоносокъ.
 Сія́н (тат. зыин) уомтокъ, изьянъ.
 Сіа́н Земл. см. суйн; сіян-авди друж-
 ка, угощающій на свадьбѣ.
 Скала́ да, то-то; кази скала то-то
 ушеля; укѣ скала то-то нѣтъ; тугѣ ска-
 ла да, такъ.
 Ска́мня (тат. скамія) скамья.
 Сля́йк (чув. ислек, г. чер. ѓпшь)
 шапка.
 Снега́ Вас. см. мѣрь.
 Смя́я Крок. благословеніе, см. Земл.
 смияш.
 Смоли́т ляш Земл. смолить; смо-
 ле смола.
 Соба́ляш Земл. см. совэм.
 Сова́ лалона, въ переносномъ смы-
 слѣ пощечина; совэм, совкалэм (чув.
 сяп быт) ударить по щекѣ.
 Сово́к (тат. сауак) совокъ, лотокъ.
 Сога́ (чув. сыга, тат. зыак, г. чер.
 шѣш) воротникъ; коасога жабры.
 Сога́ Земл. см. шога; согаалш па-
 хать.
 Содо́к всетаки
 Содор Вас. см. вышкѣ.
 Сокор (чув. сокюр, тат. сукыр)
 слѣпой.
 Сома́к (тат. сукмак) см. сакмак.
 Со́л Вас. (тат. сол) плоть, см. сало.
 Со́лган Смири. (тат. жалган)
 валоръ, ложка.
 Со́ла (чув. соль, тат. салакат, чм-
 бырка) плеть, кнутъ.
 Со́ла (чув. сола) село, деревня,
 Со́лагай (чув. солагий, тат. сула-
 гай) Вас. см. шолгай.
 Со́лаятш Земл. махать.
 Со́лга Вас. см. согд.
 Со́лго (тат. чалгыч, чув. сольго)
 метла для опахиванія вороха на гумнѣ.
 Со́лкалэм (чув. солла) машу.
 Со́ло дровяной плоть; ср. сало.
 Со́лкк Вас. полотенце.
 Со́лэм (чув. солым, тат. зялкин)
 пламя, искры, жаръ (красные уголья).
 Со́лэм кошу (траву).
 Со́ля́ Земл. малая частица време-
 ни, минута.
 Со́м (чув. сьом, г. чер. сам) плевелы;
 сомэм соляэм выпалываю плевелы.
 Со́мйя (чув. сьомма) дѣло, нужда;
 сомыкалмык пособникъ, посоль.
 Со́ман Земл. неладно, валдоръ, ложка.
 Сор Земл. взрослый.
 Сорасѣ́м (чув. сорасъ) стоаари-
 ваться, мириться, сватать; сорастарэм
 примиряю, умиротворяю.
 Сорвалэм (тат. соробом) прошу
 о помилованіи, умоляю.
 Соркѣ́м (г. чер. царкэм) трехъар-
 шинная плаха дровъ.
 Со́ра́й (чув. сьорла) серпъ.
 Со́райк (чув. сьуарлык) Вас. уди-
 ла; сорайком чиктэм взнуздываю: с.
 кудакшам вынудываю.
 Со́рта (чув. сьорда) свѣча; сорта-
 кече Земл. поминки въ великій чет-
 вергъ; шмычъ-сорта эрачекъ.
 Сотара́ш Земл. радоваться чужо-
 му горю.
 Сотала́га г. чер. Земл. свѣтловатый.
 Сохтá колбаса.
 Сб́рѣ́м обѣщаю; сбремо обѣтъ.
 Сб́ся́н (чув. сьурлесень, сьури-
 чень) гавста.
 Сс́и́ряш Крок. оторачивать; ссѣ-
 раме оторочка.

Стопка́ Крок. стака́нь.
 Стѣль (чув. съгель, тат. бстѣль)
 столъ.
 Су́ап (тат. суаплык, г.чер. шуап,
 чув. суван) суаплык заслуга, спасеніе.
 Су́а райк (чув. съварайх) см. сор-
 лайк.
 Су́ас (г.чер. тодър) татаринъ; суас-
 ла по-татарски.
 Су́ат Земл. святой; суатлаиаш свя-
 титъ; суатѣи свято.
 Субу́во Земл. гаухаръ.
 Су́бѣрцѣйк болтунъ яйшо, субѣр-
 цѣйкагларѣм Крок. дѣлаа яйшо бол-
 туномъ; субѣрцѣйкагѣм дѣлааюс бол-
 туномъ (о яйцѣ).
 Субми́нь благословасе.
 Суаѣ́ (г.чер. субуво) гаухаръ са-
 мѣнь; чув. уваи тетеревъ.
 Сукъ обѣщаніе Богу или керемети;
 у Крок. порука, ручательство.
 Суксо́ см. сахче.
 Сукі́ѣм) встаю на колѣна; су-
 Сукунѣ́м) кунѣи кумаиаш кланя-
 юсь земно.
 Сукур́ (чув. сукур) коровой хлѣба.
 Сулау́клаиаш г.чер. Земл. уны-
 ватъ; см. сулак.
 Сулаќ г.чер. грѣхъ,—шно.
 Сулау́п засовъ, задвижка.
 Сула́н-дукта́и спасю, искупаю,
 свидѣтельствую въ пользу; сула́н-ма-
 ла́и беру обратно заложное (тат.
 э-блам, чув. сула спасать, искупить).
 Сула́ш Земл. суаитъ.
 Сумпу́-монасты́р (по рѣчкѣ Сум-
 кѣ) Раифская пустыня.
 Сур́ Вас. сивый, сѣдой (тат. соро
 сѣрый).
 Сурла́н-кед́ Крок. замыкается.
 Сурна́й (чув. сурнай) волюнка;
 тат. сурнай—какая то веселая, плясо-
 вая мелодія.
 Су́ро Вас. бурый; см. ну́ро.
 Сурт́ (чув. съорт) все надворное

строеніе; сурт куго ишо великій богъ
 дома; сурт куго пу́йрошо великій пре-
 допредѣлитель судьбы дома; сурт-орт
 домово́й духъ (чутьсѣ суртло кугуа́й,
 кува́й домовые дѣдушка и бабушка;
 суртѣи-ара́йшо куго ишо великій
 богъ хранитель дома; сурт у́блам
 сахче ангель-хранитель дома; у Крок.
 сурт отечество, мѣсто родины; суртѣи
 отечественный.
 Сурѣ́ (тат. соро-карт) грутеща.
 Сусқа́и Земл. см. сѣстѣи.
 Сускѣ́о рыболовныя сачекъ.
 Сусла́ѣ (тат. шѣшадк, чув. шѣшау)
 котельникъ (г.чер. шужель).
 Сусѣ́р (г.чер. шушур) язва, рана;
 сусѣртѣм равюс; сусѣртѣм раню.
 Сусѣ́ Земл. удовольствіе, радость;
 сусѣулаиаш увеселятъ.
 Сутѣ́и Смирн. голодный; сутѣи
 голодаю; см. сѣт.
 Сутка́и сутки.
 Суто́ (г.чер. сото, чув. съот) свѣтъ,
 свѣтлый; сутѣи, сутѣиартѣи освѣщанъ.
 Сѣи́ (чув. сѣи) лицо, обликъ (тат.
 сѣи статуа; сѣидѣмо малокровный; у
 Вас. сѣидѣмо безобразный; сѣиѣр Земл.
 неблаговидно, некрасиво, не учтиво
 (чув. сѣиѣыр безобразный).
 Сѣи́вѣи (чув. съпан, тат. чмузи) че-
 рея.
 Сѣи́вѣи свадебный женскій каф-
 танъ.
 Сѣи́р частица, приставляемая въ
 концѣ слова, для отрицанія.
 Сѣи́рѣ́ (чув. сыра, сра) пиво.
 Сѣи́равѣ́ч, сѣи́равѣ́чѣиш ключъ отъ
 замка.
 Сѣи́рла́ѣи зазираю.
 Сѣи́ран́ (чув. сурам) сиромытная
 кожа.
 Сѣи́ркъ́ Вас. укусъ.
 Сѣи́рнѣ́ Вас. см. салнѣ.
 Сѣи́рѣ́м сержусь, браню; сѣи́рѣ́тѣи
 сержу, валорю.

- Сѣрцѣи́ш Крок. см. шѣрцѣи́ш.
 Сѣсна́ (чув. ссна, г.чер. ссна) свинья; сѣсна́ узѣ борова; сѣгне поро-
 сенокъ.
 Сѣт-ѣи́ш обжора человѣка.
 Сѣѣ́н (чув. сси) см. сѣн.
 Сѣтрѣ́м продаю по высокой цѣ-
 нѣ, оббираю до чиста, беру безпошало-
 но, (тат. ссдрам равдираю).
 Сѣн Вас. см. сѣн.
 Сѣя́ (тат. ыѣйя) г. Свѣжскъ.
 Сѣя́н свадьба; сѣян-вуй распоря-
 дитель пѣра, голова свадьбы; сѣян-ка-
 ликъ поѣзжане.
 Сѣве древесный червь (чув. шуге
 хлѣбный червь).
 Сѣге (чув. сѣгѣ, г.чер. стеряк) стерлядь (тат. чѣгя балыкъ).
 Сѣгзѣ́м (г.чер. шигаѣм) выщелки-
 ваю, хущу орѣхи.
 Сѣгрѣ́м (чув. сѣхр) см. снгрѣ́м.
 Сѣдур-умба́л (тат. сѣнзара) см.
 седрямба́л.
 Сѣвелм Вас. см. суслѣ.
 Сѣвь ослзание; кѣд-сѣмъ наощупь.
 Сѣмъ́ Вас. см. шѣмъ.
 Сѣкъ сорь; см. кѣштра; сѣкн-
 дѣм засоряю; сѣкнѣ́м засоряюсь.
 Сѣкя́ш Земля. повергаться, падать
 въ ноги.
 Сѣкля́ш Крок. сорить.
 Сѣлюк Вас. (чув. сѣлѣх) пѣвка.
 Сѣлѣ́к Крок. супонь.
 Сѣм сѣр упрямый.
 Сѣм кѣсѣ́р Вас. сѣт-ѣи́ш.
 Сѣм крлѣ́м (тат. зымерелѣм, чув.
 сѣмѣрлѣ) разваливаю, разрушаю;
 сѣмюрѣ́м разрушаю.
 Сѣмюля́ш Земля. спотыкаться.
 Сѣня́ш г.чер. Земля. усохнуть, раз-
 сохнуться и вследствие того расще-
 ляться.
 Сѣрѣ́ (чув. сѣре) борова; сѣрѣ́м
 бороною (тат. сабан сѣрам пзугомъ па-
 шу).
 Сѣрѣ́м) правникъ языческихъ
 Сѣрѣ́нь) общественныхъ жертво-
 приношеній.
 Сѣрѣ́п (тат. сѣрат) икона, образъ.
 Сѣргѣ́м) (чув. кырле, шарла) про-
 Сѣрлѣ́м) лавожу галъ.
 Сѣрѣ́ (г.чер. такта) трутень (чув.
 сѣра дѣтка, роѣ пчель).
 Сѣря́га́ (чув. сѣреге, г.чер. пре-
 ник) бредень (тат. сѣрака головной
 уборъ женщинъ крещенныхъ татаръ
 Казанскаго края, также рачій хвостъ).
 Сѣрта́н (тат. чуртан) Кр. Яр., см.
 чуртанъ.
 Сѣрдурѣ́м ба́л см. седряпа.
 Сѣрю́м (чув. сѣрѣм) угаръ, чалъ;
 сѣрюм логалѣ́н (чалъ попалъ) угорѣлъ.
 Сѣськѣ́л Земля. гужь.
 Сѣсьпа́н (чув. сѣсьменъ, г.чер.
 амѣт) хомута; сѣсьпан-пѣ́н хомутыца;
 сѣсьпан-кѣ́л гужь; сѣсьпан-о́нѣ клеши
 у хомута.
 Сѣсьтѣ́кѣм ѣ́м запкаюсь; сѣсь-
 тѣ́ксн нѣ́мо, пришепетываю.
 Сѣсьюрѣ́м выскальзываю, отсте-
 гиваюсь.
 Сѣсьрѣ́м отстегиваю, отваливаю.
 Сѣт-ѣи́ш Вас. см. сѣт.
 Сѣ́ г.чер. Земля. коса (орудіе).
 Сѣб́ г.чер. Земля. стогъ сѣна.
 Сѣба́ г.чер. Земля. (тат. чыбык) хво-
 роста.
 Сѣкля́лтѣ́ш Крок. повѣситься;
 см. сѣкѣ́м.
 Сѣрѣ́, сѣрѣ́н г.чер. Земля. полоса
 земли, вагонъ; см. серем, сайрѣ́м.
 Сѣрѣ́ Кр. Яр. (чув. сѣра, г.чер. ша-
 ря) голый; сѣрѣ́с нагишомъ.
 Сѣрѣ́ш г.чер. Земля. вертѣ́тъ; сѣ-
 рялѣ́ш заворачивать, повертывать; сѣ-
 рялтѣ́ш завертываться, повертывать-
 ся.
 Сѣта́н (чув. сѣдан, тат. читан,
 г.чер. сѣвоѣче) плетень (изгородь).

Сятърмака́ (чув. сятра, тат. чытпр) растопка вообще, въ частности щетки, лучина, мелкій сухой хворостъ.

Т.

Та́а че (г. чер. тага́че) сегодня; та-чылъкъ предназначенный на сегодня.

Та б́а (тат. таба) Земл. см. самъа.

Та ба г. чер. Земл. охлопокъ, клокъ.

Та б́а к-шур Крок. табачная мельница.

Та б́а м г. чер. Земл. ключистый; см. таба.

Та б́к Вас., см. коловницъ, табк-ведръ бадля.

Та б́ш Вас. (тат. табш) барышъ.

Та в а л т́эм топаъ ногой.

Та в́а Кр. Яку. см. лонгълт́ш; та-в́а эм качаюсь; та в́а эм качаю на качеляхъ.

Та в у ќа м г. чер. Земл. помѣстно, мѣстамъ.

Та вэ, тавы Земл. колодезь (очепъ?).

Та в́эм (чув. тап) притопываю ногами, переминаюсь съ ноги на ногу.

Та в́я г. чер. Земл. пучить ледъ.

Та ѓа (тат. така́, чув. тага) баранъ; таѓаш барашекъ; качаќа-таѓа козель; юмон-таѓа бекасъ.

Та ѓа м (чув. таган, тат. дага) подкова; таганлэм подковываю собственноручно; таганаќтэм подковываю черезъ посредство.

Та ѓа н́а) (чув. тагана, г. чер. лом-тагн́а) бо корит́а) начевки.

Та ѓа р ш е г. чер. Земл. сегодняш-ный.

Та ѓа че г. чер. сегодня.

Та ѓи м-кебэк г. чер. Земл. неизвѣстно до конхъ поръ.

Та ж́а г. чер. Земл. см. тава.

Та в́а (тат. тава) здоровый (тув та-ва чистый); та в́а эм здоровье; та в́а эм

тушить, жирить; та в́а эм дрэм г. чер. Земл. откармливаю.

Та в́а н́а м Крок. скользкій, сляк-систый.

Та и м а н д а р́я ш г. чер. Земл. при-клонить ухо, наклонять; тайнш при-клонять, наклонять; тайнш таш па-таться, мотаться.

Та и х́а г. чер. Земл. сорочка и дѣ-вичей нарядъ, надѣваемый на голову.

Та ќи м К Земл. см. т́и н́и.

Та ќи р г. чер. Земл. (тат. такыр) дворина; такыр-такыртыша наследникъ; такыр также значить уготанный, уличный; такыр гэм утаптываюсь; та-кыр гэм утаптываю, протариваю.

Та ќэ ш г. чер. напрасно, даромъ, все.

Та л а Смирн. храбрый, талалъкъ храбрость, молодечество, удалство.

Та л́а м счастье, удача; таланш счастливымъ.

Та л а ш а г. чер. Земл. разбойникъ; талаш см. толэм.

Та л ѓи дэ еще нежеребившаяся, молодая кобыла.

Та л́к Вас. см. патыр.

Та л́мо Земл. мѣсто за поясомъ, гдѣ помѣщается топоръ при ходьбѣ въ лѣсъ; поясъ со скобой для топора.

Та л у ќ Земл. годъ; талуќш годовалый.

Та л́и ш м́а горячка.

Та м Вас. вкусъ; тамэ (тат. тамнэ) вкусный.

Та м а ќа (тат. т́и м́е) табакъ.

Та м́а м (тат. тамэ, чув. тутла, г. чер. торло) вкусный, сладкий.

То м́а Зол. (тат. тамга, чув. там-га) клеймо; у Крок. пятнышко, по-марка; тамга эм пятна; тамга эм пятнаться.

Та м́и к Вас. (чув. тамик, тат. та-мик) бедна, ала.

Тангаштарэм (чув. танаштар) уравниваю величинам.

Танг (чув. тан) равный, ровесник; тангит сокр. танг-кит употребляется при сравненіи длины и расстоянія и переводится словами: столько же; Чакко гѣч Козловкѣ тангит до Краснаго Яра столько же (верста) сколько и до Козловки (отъ с. Именцова).

Танг г.чер. Земл. доброта, красота; танган видный, красивый; тангдамо невидный, некрасивый.

Танйк (тат. танк) г.чер. Земл. свидѣтель, танйкѣш свидѣтельство, показаніе; танйштараш свидѣтельствовать.

Таплаваш г.чер. Земл. проявлять, прочахнуть провѣтриваться.

Тапнэм осмѣливаюсь.

Тапгэм купю.

Тапйрйн г.чер. Земл. временно, непостоянно.

Тар (чув. тар, дарэ) порошок; ужар-тар купоросъ; пахчѣ-тар макъ.

Тар Земл. (тат. тарэ) просо.

Тар Земл. Св. дары, причастье; тарйи юкташ причащать; тарйи юлш причащаться.

Тарава колодезный очель (чув. тарава вѣсы); таралтам перетягиваюсь; таразэм перетягиваю.

Тарақан тарақанъ, вод-тарақан плавунецъ (насъкомое).

Тарбалташ Земл. тревожить, колебать, смущать.

Тарбаш Земл. см. шанчаш.

Тарбаш Земл. откваливать, выкалывать.

Тарванэм (чув. тапран) шевелюсь, трогаюсь; тарватэм шевелю, трогаю.

Таргиктарэм удерживаю противъ желанія, odolъваю; см. талаштарэм.

Таргѣаткш Вас. см. зрѣштѣш.

Тарлэм (чув. тар тыт) нанимаю;

тарКао работнику, наймита.

Тарман Вас. сбруя, принадлежность къ какой либо работѣ.

Тарче) Земл. см. тарэм, та-Тармво) рыво.

Таря Земл. плата за трудъ.

Тасма (тат. тасма, г.чер. алъ шурѣш) тесьма.

Тата Крок. лѣнь (рыба).

Тау (тат. тау) спасибо, благодарность; таушташ благодарить, тауштѣш съ благодарностью, благодарный.

Таче см. таѣче; тачелѣкъ признаваемый на сегодня.

Ташкаш г.чер. Земл. подможіе, кусокъ холста, на который вставятъ брачушіеся.

Ташкалтам Крок. лѣзу по ступенькѣ.

Ташлаш г.чер. Земл. разливаться (о рѣкѣ).

Ташма см. тасма.

Таялаташ Крок. скрываться, прятаться.

Темьян Зол. лалонъ, финіанъ.

Темущка Вас. кулекъ.

Тегель г.чер. Земл. скамья.

Тиве Земл. см. чѣзе.

Тивек Вас. вѣсточка.

Тйокъ г.чер. Земл. дѣвушка.

Тйоралэм Силри. сукъ; см. тбря.

Тйоргошгалаш Земл. быть востыльчиву.

Тйорлокташ Земл. заровнять, заглаживать.

Тйорожмо, тйорэл-чонин востыльчивый.

Тйорешгалаш, терошташ Земл. см. торгошташ.

Тйоркѣчйиш г.чер. Земл. равноденствіе.

Тйорсирь Земл. несправедный, несправедливый; тйорсирѣкъ неправда.

Тйоря (тат. туря) см. торя.

Тйотъ г.чер. дѣла.

- Том ядро (орѣха и др.)
 Томажиктáш Земл. истошаты.
 Томáм тошйй.
 Томашá (тат. тамаша) хлопоты, забота.
 Том Крок. см. том.
 Томгáль Земл. постель; см. ваштйш; ср. тамгáль.
 Томгáтá пемь.
 Томэм (тат. таман) отрѣкаюсь отъ совершенныхъ дѣйстви́й, забираюсь.
 Топ (тат. туп) мячь, пушечное ядро; у Вас. и чув. тобá пушка.
 Топáн (тат. табан, чув. тобан, г.чер. положá) полозья.
 Топáд «муха» (игра).
 Топáот г.чер. непрестанно.
 Тор Крок. (тат. тар) тѣсный, сжатый, непространный; торэмáш утѣсняю; торэмáш утѣсняться.
 Тор-пунáм (чув. тор) см. рактш.
 Торá Земл. далеко.
 Торгáэм занимаюсь торговлей; торго торги.
 Торй г.чер. Земл. см. тўгй.
 Торйк (г.чер. тувуртйш) творогъ; торйкйй малэм квашу творогъ, торйк-вод сыворотка, (чув. торых кислое молоко).
 Тортá (тат. тартá, чув. торы) оглобля; тортá-пунчáлтйш завертки у оглобеля.
 Торэш поперекъ; торэш-товáр мотыга (орудіе); торэшйк г.чер. Земл. поперетныя нитки въ ткани, утѣкъ.
 Торáэн раздвинулся, разъединился.
 Торо г.чер. Земл. см. тур.
 Торэм раздвѣняю, раздвою.
 Тос (тат. дус, чув. тос) дружба, связанная обѣнгомъ подарковъ; тосáл по-дружески; тосáш Земл. дружиться.
 Тотó дымь.
- Тотла Земл. см. тудло, тотлам-дэриш, тотламáш подсащаты; тот-лэмáлтáш, тотлэмáш дѣлаться сладкиъ, вкусимья.
 Тотэштáш подсащаты; у Крок. отвѣдываты, вкусъ узнавать; тотж-тлэвтэм вкусъ узнается.
 Точэм желю, нахѣреваюсь, стараюсь.
 Тош (чув. туш) обухъ.
 Тошá см. тоам.
 Тошкэм тошчу, позирю; тошка-áш наступаю ногами, шагáю; тошкáлтйш (г.чер. ашкá) шагъ и лѣстница; тошкалтэм тошчусь, попираюсь.
 Тоштакáш г.чер. Земл. устарѣта.
 Тошто старый, древній, ветхій; тошто-голом въ старину.
 Тоштáм Вас. осѣдливаться.
 Тоэм прячу, также хорошо умершихъ; тоямáш Земл. см. шмайя.
 Той (чув. тоя, тат. таяк, г.чер. палá) палка; тоямъ подпираюсь; тойáмо-тоя посохъ.
 Тѣргáлтэм огнипаюсь.
 Тѣргэм прыгаю на одной ногѣ; удргештáш прыгаю, скачу.
 Тѣрзá Вас. (тат. тѣрзá) окно.
 Тѣрáятэм (тат. тѣáйтэм) исправляю, расправляю; тѣрáнэм исправляюсь, поправляюсь, расправляюсь.
 Тѣрáлэм уплачиваю.
 Тѣрь (чув. тўрь) прямой.
 Тѣря Вост. черем. вельможа, судья.
 Тѣрйк см. тѣря.
 Тѣрйтшáлэм, тѣрйтшáэм см. тѣрйтштáш.
 Тѣшáк (тат. тўшáк, чув. тўжэк) тюфякъ, веревка.
 Гранчá (чув. тремча) д;ань, друница.
 Трень Крок. см. трймъ; тривемáш искривиться.
 Треш г.чер. Земл. оконечность.

- Тредѣм жну, стригу.
Тримѣяш г.чер. Земл. кривить-ся.
Тригѣртѣр божья коровка (на-сѣкомое).
Триз Вас. (гат. тырна) см. сора;
триалѣм бороною.
Троп дробь.
Тртс круглый, см. тѣртѣс.
Трувѣ труба.
Трук влругъ.
Трукѣ пастуший рогъ (г.чер. тѣ-тѣт).
- Трѣнь Крок. вкось.
Трян Земл. дрянь, трянцишкѣ г.-чер. Земл. солошина.
Ту Земл. вямя.
Тудѣк (г.чер. такеш) такъ даромъ;
туѣк-кече будни.
Туамбѣло г.чер. Земл. тщетно,
напрасно.
Туарѣ (г.чер. тара) сырчикъ.
Туарѣм (чув. тувар, гат. туарам)
выпрягаю.
Тубулѣм Крок. равниаю, за-стѣнаю; тубулѣша развѣщикъ; ту-булѣмѣш огражденіе, ващишеніе.
Тубур Земл. см. тугур.
Тубуртѣш Земл. творожить.
Туврѣс (г.чер. потѣлок) поголокъ.
Тувулѣм см. тубулѣм.
Тувур Вас. см. тугур.
Тугѣк точно такъ, также.
Тугѣне такой какъ она.
Тугѣт и такъ; у Крок. ничуть,
внсколько.
Тугум (гат. тугин, чув. туван) родъ,
родословіе; тугумѣш родня.
Тугур рубаха.
Тугурдѣк Крок. бугоръ.
Тугурѣм матеріаль для рубах-ки.
Тугѣ такъ; тугѣ-гмь если такъ;
тугѣк, тугѣк также; тугѣл вонъ туда.
Тудо тогъ, она.
- Тудѣ Земл. см. тудѣ.
Туж беременная, стельная, супо-росая и т. п.
Тужѣк тула.
Тужѣм тысяча.
Тужѣчмн оттуда.
Туд Вас. хворый, больной.
Тудс Вас. буракъ, члякъ.
Тук, тукум см. тугум.
Тукто-лудо см. токта.
Туклар сваты; туклѣче (чув. тух-лѣч) свазн.
Тула огонь; тула мяжѣш огонь раз-горается; тулаю кремьнъ; тула-шола го-рячий, красивый уголь; тула-вондо ко-чергъ; тула-олмо пепелище; тула-солѣм пламя; тулашю Киннѣ горячая, ретивая лошадь; тула-он-куго-юмо великій богъ,
мадамка огня; тула-пуфрошо создатель огня; тула-авѣ мать огня.
Тулар Земл. сватунъ, —нья; тулар-тарѣш засватать.
Туларче Земл. см. тулар; тулар-чемо сговоренный, сосватанный.
Тулаш Земл. см. толѣм.
Туло мельница, мялка; туло-мар-дѣж буря.
Туло Земл. жестокий.
Тулак (гат. тол, чув. тѣлак) ся-рота, вдова.
Тулакѣмо Земл. скопецъ.
Тулауп тулаупъ.
Тулѣм Крок. приѣта, тулѣмѣш приѣтнѣй.
Тумѣн см. порѣм.
Тумѣнѣ (чув. тумана) сова.
Тумбѣлмо (г.чер. тахпѣлно) вла-ли; у Земл. тугъ; тумбѣко вдалъ; тум-бѣчмн издали.
Тумдѣм г.чер. учу.
Тумѣм г.чер. учусь.
Тумѣге Смири. см. тумѣгѣле
Тумо дубъ; тумѣгѣле желудъ; тумо-поно опята; тумо-шѣгѣле орѣшки,
образующіеся на листьяхъ дуба; тумо-

кол бѣшенка рыба; тумо-кля см. поркот.

Тумуш см. сакам; тумуштѣм заплываю, чиню.

Тумѣгѣле желудь.

Тумѣр, тумѣрая дубовая роша.

Тунѣ (тат. тана, чув. тина) телка.

Туналаш Земл. см. тунѣлѣм

Тунѣрѣ столько, сколько тамъ.

Туп спина; тупѣмнѣй коренная лошадь (в. парѣ); тупѣмнѣ-штѣм дѣлаю вопреки, наперекоръ; туп-рѣдо хребеть.

Тупкѣ Крок. охлопки.

Тур столбы подѣ строеніемъ.

Тур тихо, неподвижно.

Турѣ крутой; турѣнто прямо надѣ, противу.

Турѣ Крок. миръ, спокойствіе; турѣ-вшш-шудо Земл. вѣтровъ крестъ, (трава).

Тургѣдѣ гораника.

Тургѣн г.чер. Земл. щелокъ см. ков.

Тургѣч Смирн. всеблагій.

Тургу ж-човѣн Земл. всплывчивый тургуштарѣм встревожиться.

Туржѣм мну; туржалтѣм мнуса.

Туркѣ Крок. огрубѣвшій, окаменѣлый, жестокий, своеравный, упрямый.

Туркѣш Земл. молчать, сносить, терпѣть; туркѣдѣмо нетерпѣливый.

Турлѣш Земл. униматься, молчать, успокоиваться; турлѣйтѣм утишать, укрощать.

Турмалѣш (тат. тырма борова) см. тѣрмадѣм.

Турмо Земл. рысь (звѣрь).

Турнѣ Земл. непокорный, жесткий, упорный.

Туро Земл. см. тур 1-с.

Турхалѣм, турхѣм гошу, терлю; турхѣктѣм принуждаю терпѣть; турхѣмла удоботерпимый.

Турсарѣм объясняю см; у Земл.

морокуд, унѣо маленько.

Тусо тамошній.

Тусъ Земл. полчиное.

Тут см. там.

Туто полный, зрѣлый.

Тутлѣм погону.

Тутуштѣм Земл. послащаю, услаждаю.

Тутѣн-ойлѣш Земл. заикаться.

Тучѣ (г.чер. полко) туча, стая.

Тучѣм Вас. мѣчусь въ цѣль.

Тучѣш Земл. см. чучкѣм.

Ту-чѣло столько, сколько тамъ.

Туш (тат. тѣш, чув. тѣш) ядро плодовъ, зерно послѣ обдирки, — безъ чешуи.

Тушкѣш Крок. сѣплявать, заплывать; тушкалѣн-чѣкѣш Земл. заткнуть.

Тушко куда; тушѣч отгула. тусо тамошній; тушкебѣ Земл. дослѣ, до сихъ поръ (до тѣхъ поръ?) см. тѣшкебѣм.

Тушлѣш Земл. винять, вникать, изслѣдовать.

Туштѣм загадываю; тушто загадка, арифметическая задачка.

Тушто тамъ.

Туштомѣш Земл. см. туштѣм; туштом-туштомѣш двусмысленна.

Тушмѣм (чув. тушман, тат. дошман) врагъ, колдунъ.

Туѣн выѣ.

Туѣй Вас. (тат. тѣба) бугоръ, холмъ.

Тугѣлѣ четъ, четное число; см. утѣм-тугѣлѣ.

Тугѣнѣм изнашиваюсь, истощаюсь.

Тугѣ вошь изъ комнаты.

Тужѣлѣмо выѣ, снаружи; тужѣкѣ наружу, тужѣчѣм извыѣ, совѣт, снаружи.

Тужѣм тысяча.

Тукѣ заширка въ деревянномъ замкѣ, засовъ; у Вас. рогъ.

Тй д л а н н и г.чер. Земл. постоу.

Тй ж а к см. тйшта.

Тй ж а н Земл. суда, на мѣсто.

Тй ж э м Земл. см. тужем.

Тй ж е ч и н отсюда.

Тй к а г.чер. Земл. см. тѣке; тйкд-
лаш Земл. см. тѣкелблэш.

Тй к к Земл. миръ, тишина.

Тй й тм.

Тй л ь ч е луна, мѣсяцъ времени;
тйчмш тйльче полнолуние; у-тйльче
новолуние; тйльче-пуйрошо-куго-юмо
великій богъ, создатель луны; тйль-
че-он царь луны; тйльче-авл мать луны.

Тй н а р вогъ столько.

Тй н г мошь, сила; тйнгтмч каэм те-
ряю силу.

Тй н г Земл. г.чер. начало, веркъ,
естество, сущность.

Тй н а строка (наѣкомое).

Тй м ь тм; см. тйй.

Тй м э ш - пуртэм крещу водою,
привожу въ христіанство.

Тй н е Земл. см. тунѣ; ср. тунѣ.

Тй н и н твоей.

Тй н и й н и й звуки волннки.

Тк н и к т а ш Земл. см. тунѣтэм.

Тй н ч а см. тунча.

Тй р см. кой.

Тй р Земл. остріе, лезвіе, край.

Тй р б э Земл. см. тѣрвэ; тйрбйн-
цаш чихать.

Тй р г а Крок. журчить, тйргаш
Земл. рябѣть, плескаться (о водѣ).

Тй р г д э м ш а Крок. закрытьна.

Тй р г е ш т а р а ш Земл. толкнуть,
вергнуть.

Тй р л э м Смирн. (тат. гэрэлям) вы-
здоравливаю.

Тй р с ъ л у к Земл. застрѣха, см.
тѣрволак.

Тй р т э ш т а ш округлять.

Тй р т ѣ с см. тртс.

Тй с т о клеймо, мѣта.

Тй т, сокр. отъ тйла ййайн, этой
ночью.

Тй т а к вина; тѣтйкнн винновннн; у
Земл. вздорный, кривной; неладно.

Тй т р а л а т а ш г.чер. Земл. курить-
ся, дымиться, туманиться.

Тй х я л я д к г.чер. Земл. непре-
станно.

Тй ч полннмъ-полно.

Тй ш к а ш Земл. см. тушкаш.

Тй ш к е б е к г.чер. Земл. доселѣ;
ср. тушкебѣ.

Тй ш к о суда, тѣштэ здѣсь, тѣсэ
адтшній; тйшеч отсюда.

Тй ш л а ш Земл. см. тушаш.

Тэ йм.

Тэ см. дэ.

Тэ в э вогъ.

Тэ г э н е г.чер. Земл. см. тйгине.

Тэ г э т деготъ.

Тэ л е (чув. хиль) вина; тэлим ви-
ноу.

Тэ л е т л а Земл. особенный, осо-
бенно.

Тэ м б а к о поближе, по сію сто-
рону (куда?); тэмбакэ-умбкэ Земл.
туда и сюда; тэмбано повту сторону
(гдѣ?); тэмбачѣн съ этой стороны.

Тэ м д а л а м нажимаю; тэмдэштэм
ощупываю.

Тэ м э полный; тэям наполняюсь;
тэмэж наполняю.

Тэ н е Крок. тѣкъ точно.

Тэ н е р ш а Крок. нынѣшній.

Тэ н э (тат. тагкй, чув. тенэ) рубль.

Тэ н э л (чув. тэгель) скамейка.

Тэ н э с э вчерашній; тэнгече вчера.

Тэ м д а н ваща.

Тэ н э й нынѣшннмъ лѣтомъ, го-
домъ.

Тэ н ѣ с (чув. тинисъ, тат. дингезъ)
морс; тэньс-он-куго-юмо великій богъ,
владыка моря; тэньс-куго-пуйрошо
великій создатель моря; тэньс-авл
мать моря.

Тэптар толк, панатіс; у Вас пытлнмій; тудом ни мо гчтэртжат укэ въ немъ нѣтъ ни мало толку; тэптар-лэмъ исштываа.

Тэрпс (тат. тирес, чув. тирис) на-востъ.

Тэрвѣш шаяна.

Тэрлаатѣш Земл. см. тбрлатѣм.

Тэрпч, тэрпчѣн огъ.

Тэрпаш Земл. терпѣть, страдать.

Тэрштѣм Смирн. см. тбрштѣм.

Тэръ всякій земній экипажъ; тэръ кудлѣтѣмо пѣрѣмъ празникъ Благо-вѣщенія.—собственно празникъ ког-да остаются сами (ѣду на саняхъ).

Тэрке вост. чер. домоу.

Тэрке чашка, блюдо.

Тэркѣш Вас. см. тэрвѣш.

Тэтѣле стѣ, которой ловать ры-бу, плавя въ двухъ лодкахъ.

Тубаа Земл. см. тѣгаъ.

Тубвѣтѣк Земл. см. чѣт.

Тгемаа Крок. непокорный, не-послушный, противный.

Тѣжго Земл. см. тѣж.

Тѣймо Земл. толкушка.

Тѣк-манша-кек г.чер. Земл. сне-гирь.

Тѣкадѣ Земл. всячески, различно.

Тѣклѣм Смирн. задвигаю.

Тѣлюжгѣш Земл. истощаться.

Тѣлянаш Земл. стараться, при-лежать, радѣть.

Тѣмѣм Смирн. миллионъ.

Тѣмѣнь Земл. ястребъ.

Тѣменѣш г.чер. Земл. см. тѣн-дѣм.

Тѣндѣш Земл. загибать; тѣндѣш сгибѣ; тѣндуктѣш изогнуть.

Тѣнжозѣш Земл. глухнуть; тѣн-жовѣлѣк глухота.

Тѣнь-чѣдѣм Земл. начальный че-ловѣкъ.

Тѣнюк Земл. см. тѣнѣ.

Тѣрѣрѣ Земл. крайній.

Тѣстѣ Земл. зеркало.

Тѣсѣн Земл. различный, различно.

Тѣтѣм Земл. потога.

Тѣчѣ Земл. слѣдъ.

Тѣбѣм Крок. пучу; тѣбѣн шин-зѣнъ испучило.

Тѣля г.чер. Земл. покатость, от-логость.

Тѣктѣ Крок. дѣкій (кажется мелъ); см. тѣктѣ.

Тѣляш Крок. тягаться, прозаво-дить дѣло въ судѣ.

Тѣлякѣ г.чер. Земл. мелкій, не-глубокий.

Тѣжѣшѣш г.чер. Земл. соревво-вать, въ запуски работать.

Тѣжѣштѣремѣа г.чер. Земл. удобосравнимый; тѣжѣштѣраалѣш срав-ниваться, сличаться.

Тѣжѣж г.чер. Земл. см. тѣжѣс.

Тѣжѣлѣш г.чер. Земл. звѣстѣть.

Тѣктѣ Земл. дѣкій мелъ ср. тѣктѣ.

У.

У новый.

Уа (чув. хва) тальникъ.

Уакш бродъ, мелъ.

Уаа бурмѣ.

Уааа Земл. см. уа,

Уан Земл. надежно; уанѣш наѣ-ваться, уповать; уанѣлѣмѣш отчаяніе.

Увѣръ вѣстѣ, извѣстіе; увѣрѣмъ пу-ѣм, увѣрѣлѣм извѣщан.

Угѣла уголь.

Угурша г.чер. Земл. рой пчель.

Удѣа Земл. худой плохой.

Удолѣм Вас. молосъ.

Удрѣа Земл. черта.

Удѣрѣм гребу, скребу; удѣралѣм шарапну, удѣралѣм шарапаю; удѣрѣм-тѣшо чесотка.

Удѣр крота.

Удуркалѣм Крок. забочусъ, ста-равсь; удуркалѣм суета.

У дэт л я н ъ и жадичтан.
 У ж а в ѝ Вас. жава.
 У ж а л т ѝ и вжусь, я видимъ (есмиъ).
 У ж а л ѝ см. вужалѝ.
 У ж а (к) ш часть; у ж а (к) ш а ѝи дѝл.
 У ж а р г ѝ см. жѝргѝ; у ж ѝр-г а р (зеленый порошокъ) купоросъ.
 У ж ѝ и вжу.
 У ж а т ѝ и Земл. провожаю (только наъ дверей).
 У ж г ѝ шуба.
 У з а к т а р ѝ и (чув. озау, тат. оза-там) провожаю.
 У з ѝ (чув. зял) сеицеъ.
 У з ю к а ѝ и Земл. усакаю.
 У к р ѝ Вас. чеснокъ дикѝй лукъ.
 У к т а н а з а л т ѝ и Крок. спутываюсь.
 У к ш сучекъ.
 У к ш ѝ и ч ѝ и м бляю; у к ш ѝ и ч ѝ к т ѝ тошнить.
 У к ш ѝ и ц Земл. укусь.
 У к ѝ н ѝ т ѝ; у к ѝ и ничего неимѝю-щѝй; у к ѝ л ѝ к бѝдности; у к ѝ -г о д ѝ и м в ѝ отсуствие.
 У л ѝ (чув. олав, лавѝ; тат. млау; г. чер. хал) подвода улаберѝиш Земл. ямщичество.
 У л ѝ к (чув. олав, тат. аулак) уединение, скрытный; также называется сборище одной молодежи, послѝдѝнки.
 У л ѝ и я есмѝ; уло есть; у л ѝ г ѝ че ес-лябѝ, еслибѝ только.
 У л ѝ м о г о д ѝ и м в и р ѝ с у т ѝ в ѝ и м, в б ѝ т-ность.
 У л т ѝ и см. удолам, — требуетъ внимательнаго падежа.
 У л ѝ м д ѝ и ш Земл. благоволятъ.
 У м а л ѝ и см. малѝи.
 У м б ѝ к о а л, н а, в с т о р о н у, п р о ч ѝ (куда); умалѝано на, за (гдѝ); умбѝчѝи-стѝ, нѝзъ-ва.
 У м д о копье, штыкъ, жло.
 У м д ѝ л ѝ (тат. кандала, чув. хин-тла) клокъ.
 У м л ѝ (чув. хумла) хмѝль, умлѝ верѝ

хмѝльница; умлѝ-вагрѝже хмѝльския плести; умлѝ варѝ (г. чер. умлѝ равно) тичины для хмѝльскихъ плестей; умлѝ-какѝ шагленокъ; умлѝ-шукш махаонъ (наѝтѝкомое)
 У м ѝ у л ѝ и Вас. понимаю; умѝу-тарѝи вразумляю.
 У м ѝ у р Сибири. влажно.
 У м ѝ р тизая погода.
 У н ѝ (тат. ана) вогъ.
 У н ѝ (чув. хупа) гости; умалѝи гощу.
 У н ѝ л ѝ и см. умѝулѝи; умѝлаларѝи вразумляю.
 У н к а р ѝ и ш Крок. см. овгарѝи.
 У н д о см. умдо.
 У н д ѝ л ѝ (чув. хинтла) см. умлѝлѝ.
 У н д у р Вас. (чув. хундур) бобръ.
 У н д р ѝ и мучлюсь; см. азылаанда-рѝи; у н д р ѝ и т ѝ и м я п а м у ч ѝ л ѝ с я.
 У н ѝ к ѝ вукъ, — чка.
 У н к а л ѝ и ш Земл. много, проворно ѝсть, жадничать.
 У п ш г. чер. Земл. шапка; упшгѝрѝ околнѝть на шапкѝ.
 У п ш ѝ Вас. см. ушѝл, шма.
 У р б ѝ а к а, денежка; у р ѝ и -г у п ѝ и -к о-ля мышъ житникъ.
 У р ѝ и ш Земл. залить, обваливать, окапывать землею растенѝя; у р ѝ и -к е ѝ и ш Крок. провалиться (обвалиться)
 У р б ѝ л а Земл. см. урѝлто.
 У р б а л ѝ и ш Земл. мѝсить скотинѝ кормѝ; см. врѝи.
 У р б ѝ в е Земл. см. рѝвѝе.
 У р в ѝ л т о (чув. арга) пола, походъ
 У р г ѝ и м ш ѝо; у р г ѝ у з о, у р г ѝ ч о п о р т-ной; у р г ѝ у ш ѝ ш ѝо.
 У р д ѝ и м Вас. заливаю, проливаю.
 У р д ѝ и м г. чер. воспитываю; у Крок. продолжаю, промышленяю, назвирак. держу; у р д ѝ и ш Крок. промышленение.
 У р ж ѝ (тат. армыш) рожа; у р ж ѝ -а ѝ и спорнѝя.
 У р з ѝ Вас. см. қорѝйк.
 У р з ѝ и разъединился.

Ур айк (тат. орлок, чув. вурлах, г.чер. вурайк) потомство, племя, порода, стѣмена для поства.

Ур м а н счастье благополучіе.

Ур м а ш Земл. рытвина, образовавшаяся отъ волн.

Ур м ѣ ж е ш воеть (волкъ, собака).

Ур - поч-шудо хвощъ.

Урус) (г.чер. вурус) сталь.

Урсо)

Ур б м то бурундукъ, сибирская бѣлка.

Ур у к т а ш Крок. сшибить.

Ур ъ ш разрушаеть.

Ур ъ м Вас. (тат. урам) см. орѣм; урэм-пүсѣк переулочъ.

Ус л о в о (условіе, договоръ (письменный)).

Ус ѣ к а р а ш усыкать.

Ус г а (чув. уста) см. мастѣр.

Ут а р ѣ м спасю; утараатѣм спасаюсь; утараатѣмш спасеніе; утѣрѣшо спаситель.

Ут а р г а ш Земл. смущаться быть научаему; утартѣм смущать, научать.

Ут л а (чув. мтла) слишкомъ; уто дилинй; утѣм остаюсь лишнимъ.

Ут л ѣ м см. утараатѣм.

Ут ѣ м-тѣгѣль (чув. мт тигель, г.чер. уто хяль) четь или не четь?

Ус) (чув. ус, ас) умъ, разумъ;

Уш) ушѣм умный; ушѣш-ок-воч (на умъ не дожится) не припомню; ушѣш ит нѣль (не берн въ умъ) не вспомянай; ушакѣл премудрость; ушакѣлш премудрый.

Уш а н ѣ м (тат. мшанам) надѣюсь.

Уш а н а ш Земл. смучать, соскучиться.

Уш а р а ш Земл. прилаживать, соглаживать, соглашать.

Уш ѣ м прибавляю, соединяю.

Уш ѣ н д а р ѣ м вразумляю, внушаю.

Уш к а л корова.

Уш к а л ѣ м ревую.

Уш л а н а ш соединяться, соглашаться; ушландарѣш соединять, соглашать.

Уш м а см. ушѣ; ушмѣ токъмакъ нѣбо въ роту.

Уш м е м (чув. кушман) бушма; коче-ушмѣм рѣдка; йоктѣр ушмѣм свѣкла; салтѣк ушмѣм Вас. бушма.

Уш и ѣ м соединяюсь, славяюсь; ваи-ушнѣм срастаюсь.

Уш т а м повѣваю.

Уш т а ш Земл. верста.

Уш т а р ѣ м соединяю.

Уѣ м а м обновляюсь; уѣмѣм обновляю.

Уѣ ш т а м г.чер. опештѣм см. уш-тѣм.

У.

У масло (чув. сүл; җ-арнѣ масляница).

Ув ю р ѣ (чув. җпрѣ) мошка.

Уд ѣ м сѣю; см. зюдѣм.

Уд ѣ р ь дочъ, дѣвица; җдѣрѣмѣш женскій полъ; қайше җдѣрѣ невѣста; җдѣрѣ-вель падчерница; җдѣрѣ-куайн (г.чер. җдѣрѣ-гуннѣ) подруга невѣсты, исполняющая нѣкоторыя обязанности во время пировъ у мѣл.

Уд ѣ р а Вас. см. җвюрѣ.

җж а м приглашаю лично; җжѣктѣм приглашаю черезъ посредство.

җж а р кудреватый, свѣловатый.

җж а р а (тат. җѣрѣ) см. жѣрѣ.

җж г а р) сбруя, инструмента, во-
Уз ѣ г а р) обще коллекція однородныхъ орудій или принадлежностей къ работѣ.

җл ѣ низъ; җално внизу; җлѣч смѣзу; җлѣкѣ вназу.

Ум ѣ б ѣ л ѣ н ѣ (г.чер. выльно) сверху.

Ум ю л ѣ т ѣм; җумюлтѣм остѣню, лаю тѣмъ.

Умюрь (тат. умарь, гужерь, чув. умюрь, г. чер. курум) вѣкъ, вѣчность.

Умйр Якова. см. умйр; умйр-куго-юмо великій богъ тишины, ведра; умйр куго-пуыршо предопредѣлитель тишины, ведра.

Унб (чув. угэ) филинь.

Унше (г. чер. смирн) тихій, кроткій, смиренный.

Унчулак выязъ головой.

Упъ волоса на голоѣт; у Вас. искра; см. айпы; упне-пурго коса изъ волосъ.

Упш смрадъ, запахъ; упшм пахну, воняю; упшнтэм обоняю; упшнтэм душу (духъ).

Уссо помощникъ жреца.

Ускфрт упрямый.

Учмрэм (тат. очоратам) Вас. застаю дома.

Угашэм спорю, соревную; учуэо бужь.

Уш дубинка, колотушка.

Ушкѣж бмыкъ; вод. ушкѣж выпь, водяной бмыкъ.

Уштэм стираю, вытираю, мету.

Уштэлям подпоясываю; уштб поясъ; уштэйктэм поручаю подпоясать, уштблэй нараспашку, безъ пояса; у Вас. уштлэ настезь, см. выш.

Уштүрэм Вас. см. уштблям.

Уштблям мету, вытираю; уштбйр-воштбйр голицъ.

Уэ нва.

Х

Хадйр Земл. орудіе, инструментъ, посуда.

Халбк Земл. см. калбк.

Ханг г. чер. Земл. вѣтъ; ханлш рости (о вѣтвяхъ), вѣтвиться.

Ханга Земл. см. омг.

Ханг г. чер. Земл. пузырь на водѣ, на глѣ.

Хангалаш)
Хангалаш) пузыриться.

Хирь Крок. степь; совѣсть.

Хирьсй, кбргб-хирьсй кишкя.

Хирьташ Земл. бить въ барабанъ.

Хой Земл. разговоръ; хой вля семн по-наслуку.

Хой Крок. слой; кум-хошга въ трехъ начертаніяхъ.

Хойш (чув. хой) Земл. пугаться; хойш пугливый.

Хрйш Земл. гнѣдой.

Худэ худой, плохой, дурной.

Хула (чув. хула) саврасный.

Хула Земл. ямщикъ.

Хуна Земл. (тат. кунак, чув. хуна) гость; хунааш угощать.

Хутураш Земл. см. кутурэм; хутбйр Крок. бойкій.

Хыййк Земл. см. кйяк.

Хяйр Земл. см. халбйр; хяйр-аидлараш вооружать инструментомъ, присобрывать.

Хяк (чув. хак) см. ак.

Хярь Земл. совѣсть; хярьсирь безсовѣстнымъ; хярьянаш совѣститься; хярьяндараш усовѣщивать; хярьтмо безсовѣстнымъ.

Ц

Цаватар Земл. буланый.

Цагалаш Земл. поперхнуться.

Цагем Крок. доказываю, свидѣтельствоую.

Цаган Земл. см. омбк.

Цадамакташ, цадаралаш трещать; цадамакті ширга горить лицо.

Цажэ-гутъ, ц-гуч. Крок. дикая рѣчка.

Цажгата Земл. ядреный; пажбжэш отъ ядрености въ горлѣ дерева, лонить, саднить; пажтатаэм ядреный.

Ца кѣм Земл. несчастіе, злополучная доля; ца кѣм лин раззорился.

Ца к л а н д а р а ш Земл. разъяснить, выяснить; ца к л а ш заивчать; ца к л ѣ к т а ш, ца н а м к т а р а ш выяснить; ца к л э м Крок. понимаю; ца к л э н а г л а, ца к л э н к е р т э ш непостижимый, неисслѣдимый.

Ца к н ѣ м Земл. см. ца к н ѣ м; ца т а р ѣ м см. ца к т а р ѣ м.

Ца к л э м а ш Крок. таинство.

Ца л э см. чаэ; ца л а ш сѣдѣть.

Ца м а Земл. см. чо м а; ца м а - шу л о Крок. коневій шавель.

Ца н Земл. см. ча н.

Ца н а Земл. см. ча н а.

Ца н к р Земл. звукъ, трескъ.

Ца п л э Земл. мужественный; ср. ча п л э.

Ца п л я н г а Земл. цапля, чапура.

Ца р а Земл. слуга.

Ца р а Земл. см. чар н а.

Ца р а к Земл. см. чар а к; ца р а к л а ш см. чар а к л э м.

Ца р а л а ш Земл. запрещать; ца р ѣ м см. чар ѣ м.

Ца р г а л т а р а ш Крок. отпустить.

Ца р г а ш расщеплять.

Ца р г а - о к а н Земл. хрипѣй.

Ца р к ѣ м Земл. см. соркѣ м.

Ца р л а Земл. см. чар л а.

Ца р л а н г э Земл. см. чар л а н.

Ца р м а н Земл. см. убѣдительный.

Ца р н ѣ м см. чар н ѣ м; ца р н ѣ к т ѣ м заставляю перестать, обуздываю, воспрешаю.

Ца р т к ѣ Земл. по чертѣ (обтесывать).

Ца р т ѣ м Крок. поровъ.

Ца р ш а у Земл. см. чар ш а у, царшо Крок. зонть.

Ца р ь г а л ь т а ш Земл. дробиться на нѣсколько частей.

Ца р э л ѣ Земл. невозвращно.

Ца р ѣ Земл. см. чар а, цар ѣ - г е к Крок. нетопырь.

Ца с Земл. см. час.

Ца т Земл. см. ча т; ца т к ѣ л о плотный, крѣпкій, плотно, крѣпко; ца т к ѣ л а н очень сильно, прилежно; ца т к ѣ л э м ѣ м к р ѣ п л я ю, вообще усиленно извѣстное дѣйствіе.

Ца ц ѣ м Земл. испытываю, покушаюсь, наитреваюсь, ца ц е к т ѣ м возбуждаю наитрепеніе, покушеніе.

Це р ь Земл. см. черь; це р л я н ѣ м см. чер л я н ѣ м; це р л я н д а р ѣ м расстреляю болѣзнь.

Це б ѣ р Земл. см. чеверь; че бер л я н ѣ м украшлюсь; че бер л я н д а р ѣ м украшаю.

Ци б и т а н Земл. маленькіе шипчики; ци б и ш т а ш шипать, брать шепотью; ци б и ш т а л а ш шипаться.

Ци б и л ь г а ш Земл. оканчиваться; ци б и л ь т а ш оканчивать.

Цо г а ш Земл. см. чо г а ш.

Цо к Земл. см. чо к 2-е; цо к л э м см. чо к л э м; цо к л э м э - ц е Крок. идолъ.

Цо л г ѣ ж а ш Земл. см. волгыжам; цо л г ѣ ш т а р ѣ м см. волгалтарѣ м.

Цо м л ѣ м Земл. см. со м л э м.

Цо н а Земл. лепешка въ варевѣ; ср. чо н а р.

Цо ѣ Земл. см. чо я; цо ѣ самѣя козны.

Цре Земл. видъ, образъ, изображеніе лица, физиономія; цре л у к видъ, прендарѣ ш ухорашивать.

Цу в у р л а н ѣ ш Земл. волдыря воздугаются.

Цу л у к Земл. сунуль.

Цу л у в о л Земл. сверканіе, блистание.

Цу м у р к а Земл. (тат. жумуро) круглый; ср. цумур; цумурга ш, цумургалл ш округляться, собираться въ кучу, завершаться; цумурт л а ш сбирать въ кучу.

Цурат Земл. ей-ей; да-да! цурейш божится.

Цуцан Земл. общественный; цуцанлук общество.

Цибмштйш Земл. шепоть.

Цибмльташ Крок. окачивать; шибмльташ окачиваться.

Цибе Земл. см. чймэ; цибе какалы журица растутя.

Цигклаташ Земл. см. чйгклаташ.

Цигкйльтйш Крок. щекотание.

Цижгйжаш Земл. шпцть.

Цйза Земл. см. чйзе; цйзаш см. чйзйкш; цйза-вуй Крок. сосокъ.

Цйкалаш Земл. см. чйкалэм; цйкалташ всавиваться, втыкаться.

Цйкаш Крок. терять, тратить; ср. чйкэм.

Цйлай Земл. см. чйла.

Цйльт Земл. см. чйлт 2-е.

Цйлаи Земл. суконные шаровары, штаны.

Цйташ Земл. см. чйтэм.

Цйтратам Земл. см. чйтратэм; цйтратш см. чйтрэм, цйтратйтш см. чйтйратйтэм.

Цйра Земл. см. чйр.

Цйремйаш Земл. ободряться, цйремлаш ободрять.

Цйркиаш Крок. надуть.

Цйрсйнаш Земл. усиливаться, надуваться.

Цйрцйк Земл. травяная кобылка.

Цйрй Земл. бодрый, хлбрый.

Цйряяндараш Земл. см. цйремлаш.

Цйц Земл. см. тйц.

Цэшле Земл. см. чешле.

Ч

Чагаэм перекорьясь.

Чагрэмше печеночный камень.

Чай-шудо богородская трава.

Чака Земл. тйсный; чакалнш стис-

ваться, чакалнш стислять.

Чакма (тат. чакма) огниво.

Чакнэм (тат. чигян, чув. чагар) плучсь азалъ; чактарэм дингаю азалъ, савигаю; кофружу.

Чал (тат. чал, г.чер. роғош) сйдой, сивий.

Чалка Исм. синий; чалканэм сивто; чалкандарэм сивю, окрашиваю въ синий цвѣтъ.

Чалга Земл. бойкий.

Чамэ Крок. см. чомэ; чамэ бич ковемикъ (травя)

Чаманэм Вас. жалто, шажу.

Чангаш Земл. поднимать.

Чанг (тат. чанг, чув. чан) колоколъ; чангм кйрэм звоюю.

Чанга (тат. чяҫкэ чув. чанл) галка.

Чанлаш Вас. щетка.

Чанчйргэм изнемогаю, расслабляюсь.

Чап (чув. чап) слава, мола; чанлэ славный, прославнившийся; чапанларэм прославляю.

Чар Вас. перепонка, племя.

Чара Исм. (тат. шара, чув. сярэ) см. сярэ.

Чарак (чув. чарак, г.чер. тўке) подпора, подставка; чараклэм подпирало, чарэм (чув. чар, г.чер. цярэм) прекращаю обудываю, слерживаю; чараклаш подпирало; чарнэм перестаю; чарнйкларэм поручаю удержать, перестать.

Чарла г. Царевкокошайска.

Чарлан, чарланй (чув. чарлан) шала.

Чарша см. чар; чаршлу (чув. чаржав) аманатска.

Час часть, часм; также счастье, часн счистливый.

Часанник часовня, клалбше.

Чат, чаткдо туго, глотно.

Чаткйт (звукподр.) гаршиепфа.

Чашма (г.чер. сетонэ) частоколя.

Чоля (тат. чля) Вас. чуткй, бойкий.

Че в е р ь (тат. чибар, чув. чиберь) красивый, здоровый; чеверь чырйан красивый лицомъ.

Че з ё к (г.чер. цигак) ласточка.

Че м р а́ (г.чер. чемерá), чемерь (болтэнь).

Че р ё т очередь, чередъ; черёт-дэнь по-очередя.

Чер ке церковь.

Чер л я́ к Земл. (тат. чытлэк) см. четляк.

Чер ь (тат. чир, чув. чирь) болтэнь; черле больной; черяньм заболтаю; шокшо-черь горячка.

Че сл е красивый, прекрасный, честный; чеслём угощаю.

Че т л я́ к (тат. чытлэк) клѣтка.

Че ч ё н ь нарядный, щеголь, у Земл. приятный на взглядъ.

Ч і́ і краска: чілатэм окрашиваю.

Чи б э́ курица; чибекутан Смирн. см. шибйле.

Ч і́ э́ м надѣваю, обуваю.

Ч и́ в ё́ к Земл. щелчокъ.

Ч и́ в л я́ ш Земл. ударить щелчкомъ.

Ч и́ в ё́ м капаю; чивлэйтш каляя; чивлэтарэм каляю, наливаю по капля.

Ч и́ в э́ курица; чивэ-иге цыпаенокъ; чивэ-шйнча (куриные глаза) куриная слѣвота.

Ч и́ в ѝ́ з ѝ́ к трясогузка.

Ч и́ в ѝ́ т а́ н пивка, улитка; чивѣтан-кудо скорлупа, раковина улиты; олд-чѣвѣтан пестрая пивка-лошадникъ.

Ч и́ в ѝ́ ш т ё́ м (чув. чипшг) щиплю; чивѣштѣлэм видъ многокр.; чивѣштѣш щепотъ.

Ч и́ г е т Смирн. молотокъ.

Ч и́ г а́ с (г.чер. цигак, чув. чигесь) см. чезэк.

Ч и́ г ѝ́ м а́ н д а пищить (птенчикъ).

Ч и́ г ѝ́ н (г.чер. артаман) норовъ у животныхъ; чѣгѣлэм (чув. чыгмаа) упрямялюсь, сопротивляюсь.

Ч и́ г ѝ́ л а́ т э́ м щекочу.

Ч и́ г ѝ́ т (чув. чыгыт) сыръ, у Вас. мазотъ.

Ч и́ д э́ Земл. мало; чидэмлэм убавляю; чидэмйм, чидемьялтам убавляюсь.

Ч и́ д а́ р а́ ш Земл. миловать (?).

Ч и́ в е́ (чув. чичи) груди, сосцы, тятки; чивэкш рогулька, дѣтская соска.

Ч и́ к (тат. чик, чув. чыге) граница, черта.

Ч и́ к ѝ́ а́ к (чув. чикьяк) долбленне столбм для частокола.

Ч и́ к э́ м (чув. чик) всаиваю, втыкаю.

Ч и́ к т э́ м надѣваю на другого.

Ч и́ к ш колотье (болтэнь).

Ч и́ к е́ д а́ ш Земл. блудить, клеветать (с рыбѣ).

Ч и́ к т а́ л а́ ш Земл. неупотребит. гнѣваться; нт чиктала не прогнѣвайся, не обезсудь, извина на угощеніи.

Ч и́ л а́ весь; всякій; чѣлат, чѣлагэ весь безъ остатка, совсѣмъ, сполна.

Ч и́ л г ѝ́ ш е блестящій

Ч и́ л т (чув. шалт) Золотн. вдругъ; въ Кр. Яр. все безъ остатка.

Ч и́ л ѝ́ м (чув. чилим, тат. челем) трубка для куренія.

Ч и́ л ѝ́ к дудка, вставляемая въ волынку.

Ч и́ н Вас. (тат. чын, чув. чын) истина, правда, истинный; см. кере, кержак.

Ч и́ н к и́ д э́ м д а́ ш г.чер. Земл. протягивать.

Ч и́ н ч е́ какъ соболь.

Ч и́ н ч е́ Земл. жемчугъ.

Ч и́ н ь г.чер. Земл. громко.

Ч и́ н ѝ́ Крок. правдикъ Крещенія Господня.

Ч и́ п т а́ (чув. чунта) набитый кулъ; (тат. чыпта порожній кулъ; чѣпта у Вас. рогожа, у Золотн. цыновка.

Ч и́ п-чѣп звуки капселя при паденіи.

Ч и́ р старательный, работающій, бойкій.

Ч и р а́ Вас.) (тат. чыра) лучина.
 Ч и р а́)
 Ч и р к и́ э м Вас. чиркан.
 Ч и р ы́ к (тат. чирек) четвертка, четвертая часть.
 Ч и р ч и́ к Вас.) (тат. чыыр-
 Ч и р г и́ н т ы́ ш Земл.) шик) скворецъ.
 Ч и т а́ н Вас. (тат. читан) см. чашма.
 Ч и т э́ м (чув. чыт, тат. чыдым) терпач.
 Ч и т р э́ м (чув. читре) трясусь, дрожу, трепещу; чытыркытэ́ м трясусь; чыт-ралтэ́ м вздрагиваю.
 Ч и ч (ак) Вас. см. тичъ.
 Ч и ч к а л а т а́ ш г.чер. Земл. вывихнуть.
 Ч и ч к а́ ш Земл. пестовать ребенка.
 Ч и ч а́ Вас. см. чучу.
 Ч и ч е́ м Смири. пополияю.
 Ч и ш и́ й к чаша въ лѣсу.
 Ч о г а́ ш Вас. докзывать вора, раскритъ преступленіе; чогамиш донось.
 Ч о г и́ т Вас. молотъ.
 Ч о д р а́ хвойный лѣсъ.
 Ч о г б и́ чугунъ (металлъ).
 Ч о к (тат. чак) впору, въ аккуратъ.
 Ч о к (тат. чук, чув. чук) языческая жертва; чока́ э м приношу языкъ. жертву.
 Ч о к-ч о к звуки ножа, топора при рубкѣ.
 Ч о к а л т а р а́ ш Земл. чокалыш; см. чывалтарэм; чывалтыш.
 Ч о к м а́ р (тат. чукмар) колотушка для глушенія рыбы подъ льдомъ.
 Ч о к о́ н Иср. чехоня (рыба).
 Ч о к р а́ к средшій по состоянію; см. чок 1-с; у Вас. глухой.
 Ч о к а́, ч о к е м г.чер. Земл. вообще.
 Ч о л а́ к (тат. чулак. чув. ноклак. чулак) сохорукій.
 Ч о л о сколько? столько, — употребляется или съ вопросительными или съ указательными местоименіями; но

чоло шолга́ что стоять? тѣ чоло вотъ столько.
 Ч о л ы́ к Земл. хитрость.
 Ч о м а́ жеребенок; чома́ н у ж мьт (болтэ́ м).
 Ч о м а́ н (тат. чуман) лубочный ящикъ, имѣющій форму лодки съ полозьями и служащій для вывоза со двора навоза, снѣга и т. п.
 Ч о м а́ р (тат. чумар) галушки; комы тѣста, варимые, какъ лапша.
 Ч о м б а́ к глубокая колея, рывина въ колеяхъ; у Вас. бугоръ; см. чога́ л.
 Ч о м б а́ л Земл. котка; ср. чомбик.
 Ч о н (чув. чон, тат. жан, г.чер. ян) душа, чонан одушевленный; чон пудъ лодочная скоба.
 Ч о н а́ Кр. Яр. куликъ; у Вас. бугоръ; у Земл. мьсъ.
 Ч о н г а́ л котка.
 Ч о н э́ ш т а́ м лечу; чога́ ш т а́ м л е т а ю.
 Ч о н э́ м дѣлав мѣту.
 Ч о н - ч о н звуки кузнечнаго молота.
 Ч о н ы́ р т (тат. чыгыр) звуки стекла при его разбиваніи.
 Ч о н а́ л е постой-ко, погоди-ко!
 Ч о н д а́ р а́ ш, ч о н а н д а́ р а́ ш Земл. одушевлять.
 Ч о п т о́ р г э́ (тат. чыптар) игрень (масть лошадей).
 Ч о р т а́ н (тат. чуртан) Вас. шука; см. нуж-кол, ср. чуртэк.
 Ч о р ш е борзый, ретивый.
 Ч о т Вас. см. чатъ.
 Ч о т Земл. счетъ; чотлэ́ м безчисленный.
 Ч о т к а д ы́ ш Земл. крѣпость.
 Ч о ч е́ м Смири. щелканъ.
 Ч о ш т р а́ козочій, щетинистый, грубый шерсть.
 Ч о й (чув. чей, тат. шайап) лукавый, хитрый сѣтливый; см. чая.
 Ч о́ й (г.чер. айырт) тайно.
 Ч р см. чыр; чра́ э м дѣлаюсь бой-

кимъ, поправляюсь здоровьемъ; чртѣм муштруп.

Чрѣ (тат. чыра) см. чирѣ.

Чрѣмцо; чрѣмцо малокровный, блѣдный.

Чуѣм. чуанѣле см. чоанѣле.

Чу-чу (тат. чу-чу) погоды, постои, осторожнѣй!

Чувалдѣш Земл. см. чѣвѣш.

Чудѣшш Крок. удмалытѣся.

Чужгрѣшпиптѣ вода на раскален-ныхъ предметахъ.

Чуаѣк брызгалка, насосъ.

Чукаѣм чухаю,—кричу чухъ-чухъ!

Чукмѣр Земл. см. чокмѣр.

Чумдуляѣш г.чер. Земл. крестить-ся, изображать на себѣ крестное знаме-ніе.

Чуктѣм засвѣчаю (лампу, свѣчку); ипльнѣжем чуктѣм Зем. правлю триа-ну.

Чулкаѣ чулки.

Чулаѣм комната.

Чумѣм ипишо, лягаю, попираю; чу-малѣи (видъ однократный) пинаю; чу-мѣдѣлям дрягаюся.

Чумрѣш Земл. шаръ; чумуртѣш-шизчѣм сижу сложа руки; чумуркѣ круглый, круглота; чумурмѣш сходка.

Чумур (тат. чумур) виѣстѣ; чумурѣм собираю въ кучу.

Чумунѣи землеройка.

Чумуртѣм Смирн. верчу.

Чун-попѣш г.чер. Земл. ласковый.

Чунгем клюю; чунгѣлѣи (видъ одно-кратный) клюю; чѣшкѣи чунгѣлѣш виѣѣ (кавѣсть) кусаетъ; чунгѣш вост. чер. дя-тель.

Чунгулѣ Вѣс. см. ушмѣм.

Чундуляѣш Земл. см. чундуляѣш.

Чунчѣи пришники на тѣлѣ у Крок. чунче лшшѣи.

Чурѣи Вѣс. см. чри; чурѣи ончомо веркало.

Чуриѣм) страдан, прѣсрѣтѣлю

Чурлаѣиѣм) бѣду.

Чуриѣм, чуриктарѣм надѣлѣю; чу-риктарѣш надѣлѣникѣ.

Чуртѣк шурснокъ (чув. чуртан шу-ка).

Чухри Земл. коварный, дрягѣ, капризный, неуживчивый.

Чучѣ Земл. щелчокѣ.

Чучѣш Земл. закрывать, запираѣть, затворять; щелкать, даѣть щелчки; ка-зѣтѣся.

Чучѣш Земл. слики.

Чучѣлѣдѣш Земл. капать, течѣ по каплѣ; чучѣлгарѣш антѣ по каплѣ брыз-гѣть,

Чучѣлѣтѣш Земл. касѣтѣся, до-трогивѣтѣся.

Чучѣлѣтѣш Земл. капая.

Чучѣм сверлаю, долбаю; у Вѣс. щел-каю зубѣми.

Чучѣш видѣтѣся, чувствуѣтѣся; тѣче югшторѣк чучѣш сегодня, кажетѣся, холодитѣ; тѣшто ерѣшѣмѣч шудѣм чучѣш адѣтѣс кажетѣся (видѣмо) много оверѣ.

Чучѣи Земл. см. чучѣ.

Чучѣлѣтѣш просверливѣтѣся, про-дырѣтѣся.

Чучкѣлѣо частый.

Чучкѣм дѣлаю гримѣсы, кривля-юся; у Вѣс. также капаю, чучкѣлѣтѣш капаю.

Чучѣ дялѣ по матерѣ.

Чучѣ (чув. чечу), почечуѣи, ракъ (болѣзѣнѣ).

Чуѣш Земл. капать, течѣ по каплѣ.

III

Шабѣи г.чер. Земл. слабый, немощ-ный.

Шабѣлѣи г.чер. Земл. см. совѣлѣ.

Шабѣлѣи г.чер. Земл. дряхлѣсть.

Шабакш Земл. шабашъ, конецъ всякаго дѣла.

Шабар г.чер. Земл. холщевый черемисскій кафтанъ.

Шабазидиш г.чер. Земл. обезсвивать, изнурять; шабазийш обезсидѣть, терять силу.

Шабэм см. шаэм.

Шабикташ г.чер. Земл. заставлятъ брызгать, распылять.

Шабийш г.чер. Земл. мыло.

Шабич г.чер. Земл. см. шович.

Шабалыташ г.чер. Земл. разсѣиваться.

Шаврэмэ дровякъ.

Шавэм (чув. сап) посыпаю, присыпаю; шавалтэм брызглю, швыркаю.

Шага г.чер. Земл. см. шогі; шагалш пахать, вставать на ноги; шагалыктэм устанавливаю, ставлю.

Шагала (чув. сага) мало, недостаточно; шагалайтш убавлять; шагалаймъ убываю.

Шагат (тат. сагат, чув. сагат) часть.

Шагая Вас. см. сагйле.

Шагй полаты на столбахъ для столовъ; раскладникъ для капусты, ямческій жертвенникъ.

Шагйртэн г.чер. Земл. см. шогэртэн.

Шаданга г.чер. пшеница.

Шадарташ г.чер. Земл. рассыпаться; шадартш рассушать.

Шадра оспа; рябой, шероховатый (тат. шадрэ рябой); шадрэ-вошикъ слѣды оспы, — у Вас. оспенная матерія; см. вшак.

Шадыр г.чер. Земл. ядреный.

Шанк Земл. косою, косоглазый, косина (глазъ); шанька эд, наваль; шаньна позали; шаньнша задній; шайляниш бредить въ болѣзнь, говорить неясныя слова; шаньниш сзали.

Шайтан (тат. шайтан, чув. шойтан) чортъ.

Шайшташ г.чер. Земл. говорить надоръ, лгать; застѣнать, тенить.

Шак (тат. шак) жакъ (рыболовный снарялъ).

Шаклякэ Кр. Яр. см. копракъ.

Шакши дрянъ, скверна, мерзость, погнѣиш; шақшандарэм оксверняю.

Шакташ г.чер. Земл. см. шоктэм; шактэ рѣшето.

Шакш г.чер. Земл. см. шекш.

Шала г.чер. Земл. см. шало.

Шала разрозненный; см. шалатэм.

Шалалыташ г.чер. Земл. дѣлать мнovenie, знакъ; шлахъ; шалалтэм Крок. отмахиваю.

Шалам Вас. см. кушам.

Шалатэм разбрасываю, рассыпаю; шаланэм рассыпается, разсѣдливается.

Шалахай г.чер. Земл. см. шолгай.

Шалайргэм Крок. рассыхаюсь

Шалниш г.чер. Земл. скатывать сверху; скатиться, съѣзжать; кечсаль шанниш тингаден день склоняется къ вечеру, — съ полдень своротило.

Шалайгэ беркутъ.

Шало плоть (чув. сола).

Шала г.чер. Земл. поклонъ, почитеніе.

Шалайкин г.чер. Земл. невадно.

Шалаэм Смирн. мочусь (естественное отравленіе).

Шалаэм г.чер. Земл. сплочиваю плоты.

Шам г.чер. Земл. память, чувствъ; языкъ, нарѣчіе.

Шамба Кр. Яр. (тат. жумба, чув. шамба) налимъ.

Шамланэм Крок. чувствую.

Шамин Крок. неблагоприятное время, обстоятельство.

Шамич (г.чер. вля) прихѣта множественнаго числа именъ существительныхъ.

Шамілапиль г.чер. Земл. см. шомрпиль.

Шаналгэш г.чер. Земл. думается.

Шан тонкій ледъ, пльвшій по рѣкѣ предъ ея замерзаніемъ.

Шангаш г.чер. Земл. перебирать, шарить.

Шанго (г.чер. лешго) лавеча; шангосѣк съ лавешникъ поръ; шангосо лавешній.

Шандэл г.чер. Земл. шаковальня; подсаѣчникъ.

Шандарэм (тат. мшандырам) обидежаваю.

Шандаш Вас. щетка чесать кудель.

Шанник (тат. сѣнѣк, чув. сѣнек) вялы.

Шанкалэм Крок. выдумываю.

Шанол г.чер. Земл. раскаты на дорогѣ, гдѣ раскатываются сани; шанолн раскатыстый.

Шантѣк г.чер. Земл. сундукъ.

Шанйдѣймаш медовѣріе, полорѣніе.

Шанчал г.чер. Земл. см. шѣичѣд; шанчалаш солить; шанчалаш солиться.

Шанѣкалэш г.чер. Земл. выдумывать; шанѣкѣльма выдумка; шанѣкѣлэш возбуждать думу.

Шанчаш (г.чер. тараш) щепя.

Шанэм (чув. шан) надѣюсь.

Шап, шапа г.чер. Земл. см. топо; шапа капшѣга мокрица.

Шанка г.чер. Земл. блѣдный; шапкѣ-кол башкейка (губа); шапкамалятэш блѣднѣтъ; шапкаалндарлэш дѣлать блѣдыма.

Шапкалавэм Вас. льяно.

Шанкѣ г.чер. Земл. см. шопкѣ; шапкилѣ см. шопкѣр.

Шанпѣ г.чер. Земл. брызжетъ съ колесъ.

Шанрѣме см. шаврѣмѣ.

Шантар г.чер. Земл. см. шоттѣр.

Шаншѣк (тат. шапшак) см. шапш.

Шанѣктѣаш г.чер. Земл. окислять; шапш окисъ, кислота.

Шарконскій волосъ, вод шар волосатикъ; шаршар (см. шар) сылокъ; шар-вождо Вас. см. крапалъ.

Шарѣнга Вас. тальникъ.

Шарак г.чер. Земл. см. шарѣк; шараклш ярка.

Шарактшашлаук Крок. овлобленіе.

Шаратэш г.чер. Земл. растапливать, расплавлять.

Шараш г.чер. Земл. разстраивать.

Шарбѣ вост. чер. ковшъ пивной.

Шарга г.чер. Земл. ремень; шаргѣ-кабшта выдѣланная шкура, овчина.

Шаргаш г.чер. Земл. см. шергаш.

Шаргѣме, шаргѣнчѣ см. шоргѣнче.

Шаргѣлэш г.чер. Земл. перевертывать.

Шарда г.чер. Земл. см. шордо.

Шаркамѣ г.чер. Земл. см. шыркамѣ.

Шаремаш Крок. убирать, смарывать.

Шарлам-панда г.чер. Земл. коштанъ; шарламш коштаннѣ; шарлаш, распространять.

Шарлэм разсеяюсь, разливаюсь, распространяюсь.

Шарлэм помню; шарлѣктэм напоминаю; шарналэш поминясь.

Шарпан (чув. сорбан) головной уборъ женщины, нѣтъ видъ полотеница, расшить шелками.

Шарпѣ (тат. шырп) Земл. спичка.

Шартне г.чер. Земл. черноталъ; ср. шертне.

Шарчѣ пырей (трава).

Шарш г.чер. Земл. калына.

Шарша-ва г.чер. Земл. родите-
ли; шарша гурла (у Крок. шарша гур-
ша) потомки; шарша-ага, шарша ага
предки.

Шахъръ г.чер. Земл. блудница;
шхарлашиш блудодействовать.

Шахше см. шахша.

Шачъ Вас. выдохшийся.

Шачем-анъ Крок. отечество.

Шашт г.чер. Земл. безпрестанно;
у Крок. спать.

Шашка (чув. шашка) норка (звѣ-
рокъ); у Вас. вод-шашка выхуоль;
см. айбър.

Шай Крок. ложь, обманъ.

Шевъръ-ваштъръ Крок. вѣнокъ.

Шеголь Земл. бородавка.

Шегъ Земл. равсаникъ.

Шегъш Вас. желчь.

Шедра Вас. см. шадра.

Шек Крок. неудовольствіе.

Шекляицъ (тат. шикайнъ) опа-
саюсь, остерегаюсь; шекайнъкъм пре-
достерегаю.

Шекляка Земл. суставъ шель-
цевъ.

Шекш см. шегъш.

Шеланъ Земл. скопъ (птица); ср.
шаланъ.

Шеликъ шель.

Шель сало.

Шельштъ расклевываю; шельш
ковысь.

Шемляиъ Крок. облаживает-
ся, облагается темнотою; шемляиъм об-
лагаю темнотою.

Шеме черныи; шеметъм черню,
мараю; шеме-шудыр-кол синецъ (ры-
ба); шеме коркъ гратъ; шемеляиъм пат-
кюсь, чернюсь.

Шемшала Вас. ящерица.

Шем тругъ.

Шенгель задъ, задній; шенгко
вездъ; шенгко-ончоко вездъ-впередъ;
шенгъиш сзади; шенгъельмо позади;

шенгель-пагър птичій желудокъ; шенг-
ко-ончоко Вас. вездъ-впередъ.

Шеншала Вас. см. шемшала.

Шеп Земл. см. шѣп.

Шепка зыбка.

Шергаш (чув. суръ) перстень,
кольцо.

Шерь бисеръ, кости счетовъ; шерь-
шот счёты.

Шерь Земл. см. шѣър.

Шербала Земл. сметана; пуръ-шер-
бала пѣна на пивѣ.

Шербя г.чер. Земл. ясень (дерево).

Шербяка г.чер. Земл. алаубрина.

Шергалатъм раздѣляю пучекъ на
части, отдѣляю отъ пучка; у Вас. раз-
риваю.

Шергалатъш колышется, волну-
ется; шергалатъш волненіе.

Шергештѣм Земл. дорожка;
шергештарѣм увеличиваю пѣну, дѣлаю
дороже.

Шерге дорого, — ой; шерге-аканъ
драгоценный.

Шерге гребень, —пка.

Шере прѣсный; шерешменъ буш-
ма; шерештѣиш набилась оскомнина,
наложа, наскучило; шергилъ (см.
киндъ) прѣсная лепешка.

Шеревъ (тат. жирябъ) жребинъ.

Шерем г.чер. Земл. см. суремъ.

Шерембала Земл. см. шербалъ.

Шереметь Земл. вилыи, любез-
ный.

Шерен Земл. роскошно, прост-
ранно.

Шеренге сорога (рыба).

Шерем Вас. чешу, разливаю, раз-
рываю; ср. шерѣмъ

Шермать Вас. узла.

Шерня Вас. на; шерня гбѣккы
верба.

Шерпе Земл. заисза; шерпешта-
раш защенить; шерпешташ защепаться.

Шерт Крок. чортъ, окаянный.

- Шертне-пу дозна.
- Шеряи (г. чер. удурэм) чешу; ср. шерси.
- Шеч (г. чер. шит) четверть аршина.
- Шешке невестка, жена сына или младшого брата.
- Шни серебро, слон дерева; ни кол сома, у Зема. и бобь.
- Шидм бью; вуйи шидм жаляют.
- Шидарчаш нагрузесе украшение женского поля изъ денегъ, нашитыхъ на красную ленту.
- Шидбага Вас. (тат. шыбага) жребій.
- Шидбирь-вашгар Крок. вѣтникъ.
- Шидвиль Зема. слюна; шидвильм см. шидвильм; шидвильша-шантэн улитка.
- Шидга г. чер. Зема. древесный червь.
- Шидгалаш Зема. перечинивать.
- Шидгаш Зема. точить, изъѣдать (о червяхъ).
- Шидгол Зема. см. шы-кол.
- Шидгер Смирн. гробъ.
- Шидйш Зема. обручь.
- Шидйшкш Зема. гнѣваться, злиться; шидйшкенаш свирѣпѣть; шидйштарш см. шидйктарш.
- Шидрялаш г. чер. Зема. шаркать ногами.
- Шидйктарш Зема. гнѣвать, злить.
- Шидйрйш Зема. пряхъ.
- Шидэ гнѣвъ, шепетильный; шидэшкэм гнѣваться, обижаться.
- Шидь Зема. см. шиль; шиль-ширпе, шиль ширпым заусеница.
- Шидь (г. чер. пай) мясо; шильгич лектш заговѣнье, шилишко-пурд розговѣнье.
- Шидь Зема. итра въ сажень.
- Шидьнга Крок. жало.
- Шидланаш Зема. см. шидям.
- Шидь-кушко-шудо Зема. подѣсьникъ-трава.
- Шидьгаш Зема. сплывать, сли-
- вать; убѣгать, укрываться (?) см. шидьм.
- Шидьтйш Крок. черепъ ситѣж-ный.
- Шидэ Зема. см. шоло.
- Шидлям пряхусь; шильше бродяга; шильгым пряху, укрываю, у Зема. пряхусь.
- Шидм Крок. см. шеме; шидм шарыга греча, шидм хряш смуглый, темноватый, коричневый.
- Шидмбч Зема. горюстаці.
- Шидмэм Смирн. выѣдываю.
- Шидшёр Зема. обжора, жадный.
- Шидмьлга Зема. черноватый.
- Шидшима.
- Шидш Зема. см. шен.
- Шидальташ Зема. подчинять.
- Шиджадар Зема. купоросъ.
- Шиджиш Зема. синій; шиджиш-шездш синить; шиджишешям, шиджишешьялтам синѣю.
- Шиджалан-шудо Зема. щавель.
- Шидзѣ Крок. глазъ; шидзѣ-хал; бровь, шидзѣ-пудд бѣльмо; шидзѣ раш вѣки; шидзѣм иншкѣм кукусьтѣ глаза.
- Шидтйрлаш г. чер. Зема. выбивать, вычеканивать.
- Шидкѣи Крок. торща.
- Шидпъ Крок. шумъ.
- Шидп тихо, безъ шума; шидпандарѣм утишаю, шидпандэм притихаю.
- Шидранаш Зема. см. шидрянш.
- Шидранѣи кази угли прогорѣли, дрова проуглились.
- Шидрге Зема. чернодѣсье.
- Шидрѣ Зема. см. сюрѣ.
- Шидрѣ Зема. часто, мѣ.
- Шидренаш Зема. ситѣживать.
- Шидриналш Зема. раздавливать.
- Шидрт злой, у Зема. вредный.
- Шидрчѣ Зема. см. ширт.
- Шидрияш Крок. плавиться, расплавляться (о металѣ); шидрияш пла-

вить, сливать; ср. шбравъи-каѣи.

Ширѣташа Крок. гибельный

Ширя Земл. прѣсный.

Ширѣш Земл. пѣлать; сливать (въ бочку пиво, квасъ); боронить.

Шятѣ (чув. шит) всходить, расти, отраждается.

Шит см. шич.

Шиткада Земл. очень, весьма.

Шич см. шеч.

Шич Вас. саж, см. шѣч.

Шишгятѣ Земл. полосы на небѣ.

Шишдалаш Земл. (шиндалаш?) равсживать, разставляя.

Шишѣр-шуда Крок. дикій салатъ, молодянкъ трава.

Шишкальтѣш Земл. свистѣть; шишкялѣтѣи-гираш освистать, ошпикать.

Шишпѣк Вас. соловей.

Шиштѣи Крок. см. шустѣи.

Шиштарѣи вышюа; у Земл. вошить; см. шижѣи.

Шиштѣ дятель.

Шиштѣ воскъ.

Шія Земл. струя; слой.

Шкал см. ушкѣл.

Шкаля г.чер. Земл. см. склѣл.

Шке сажъ; шкеиѣи мой собственный; шкендѣи твой собственный; шкендѣи его собственный; шкендѣи вашъ собственный; шкеиѣи нашъ собственный; шкенѣиштѣи илѣ собственный; шкенѣиштѣи шке ойля (сажъ про себя говорить) призметса; шке тѣлѣш лудѣи читлоу про себя.

Шма см. ушмѣ; шма понгыш Крок. щекъ.

Шоам г.чер. Земл. см. шумѣи.

Шовакш - вочко (чув. шобашка), шовакш-ленгѣж кадка для одежды, — вмѣсто сундука; Шовакшѣгер, у Золоти. Шобакшиѣеръ (чув. Шобашкар) г. Чебоксари.

Шовѣлчо головной платокъ.

Шовѣи (чув. собиѣ, тат. собиѣ) мыло.

Шовѣир (чув. шовѣир) лѣтѣиѣй кошечный кафтанъ.

Шовѣч платокъ, всякій доскутъ ткани.

Шогѣл (чув. сога, тат. суга) соза; шогалѣи пашу сохов; шогѣ-согалѣи земля, поляна; шогѣ картне сошникъ.

Шогалѣи встан; шогалѣи ставлю.

Шогам (тат. сугам, чув. согам, г.чер. охрѣ) лукъ (овощ).

Шогѣш Земл. заикаться.

Шого Вас. зыбка.

Шогѣи см. шолѣи.

Шогѣртѣи сорока.

Шодо легкѣи.

Шода-шудо Земл. полмыш.

Шож ятмыш

Шожгѣшѣи Вас. см. чѣиѣиштѣи.

Шой, оѣи-шой нырокъ-утка.

Шойѣкѣлѣ см. шенѣко.

Шойштѣи (г.чер. аталѣи) лу, обманываю, у Вас. и балую.

Шойштѣи застѣняю, заслоняю (свѣтъ).

Шокѣл г.чер. Земл. выбоины на дорогѣ.

Шокѣиѣлѣ г.чер. Земл. суставъ пальцевъ, шиколотокъ, сочлененіе

Шокѣртѣи рѣшето; шокѣиштѣи стѣи вукъ.

Шокѣиштѣи брѣнчу, излѣю звукъ; ок шокѣи не самшю; ни звякнѣтъ, ни брякнѣтъ.

Шокш рукавъ.

Шокше тепло, жарко.

Шол (чув. сола) запястьѣ, браслетъ

Шоля Крок. желобъ.

Шолагѣи (чув. солагѣи, тат. сугалѣи) лѣтѣи.

Шолагѣи Смирн. см. шалаѣи.

- Шолаш Земл. шалить; выбивать ся, у Вас. моча, урина.
(о роликѣ).
- Шолгэм стой; стюу.
- Шолгом Вас. (тат. жѣлки) см. солом.
- Шолдо дешво=шудд.
- Шолдрѣ (чув. шодрѣ) крупный.
- Шолдомандэм бренту, барабану.
- Шолайо (чув. шылаи, г.чер. шум-бел.) младшій братъ.
- Шоле Земл. маховая сажень.
- Шоло вязъ; воръ; кишка; у Вас. плогъ.
- Шолокон Земл. скрытно.
- Шолоктэм кипячу.
- Шолоп верхня стрѣла.
- Шолтэм варю.
- Шолтѣк защелка.
- Шолайштам ворую; шоло, шо-лышно воръ.
- Шолайн Вас. тайно, крадучись.
- Шольчок волчекъ—игрушка.
- Шолямк Земл. поборы, сборы.
- Шолэм градъ.
- Шолэнгэ Земл. ястребъ, см. шалага.
- Шолэш кипятить.
- Шсмак (чув. сѣмах) слово; шомаклинэм молваю.
- Шон глина.
- Шонѣмбул Земл. см. шонѣрпѣль.
- Шонѣрпѣль радуга.
- Шонкѣна; шонгештам пѣнью; у Земл. шонгандаш пѣнить; шонгандаш пѣниться.
- Шонго старый; шонгеим старѣо; шонгештарэм дѣлаю старымъ.
- Шонгше ежъ.
- Шондае (чув. сондаа) наковальмя.
- Шондаш шетка для кудели, у Вас. и наковальмя.
- Шондо человекъ, часто мочашій-
- Шонтѣн Земл. нужникъ.
- Шонѣм (чув. сон) думлю; шонѣмш мысль, дума.
- Шопкѣ осина; шопкѣр осиновая роща.
- Шопо кислый; шопэм прокисаю, вообще теряю годность къ употребленію въ пищу; шопо-шудо шавель; кѣшкѣ-шопо-шудо, Ыкне-шопо-шудо конскій шавель.
- Шоптѣр смородина (ягоды), шоптѣр-вондо кустъ смородиновый.
- Шопшѣр сучковатое дерево (преимущественно еловое), врѣзаемое въ сто лѣстницамъ при шишѣ овинѣ; такое же дерево накладываемое на заборъ съ цѣлью затруднить возможность перелѣзанія черезъ заборъ.
- Шопшѣтка съ нитками.
- Шор, шур, шр, шѣр казъ; шорѣм испражняюсь.
- Шорѣкш мочежина въ лѣсу; см. лавѣ.
- Шорѣнга см. шарѣнга.
- Шорѣндаш Земл. сдѣлать туслымъ.
- Шорѣш испражняться, а у Земл. толочъ см. шурѣм.
- Шоргѣнче (г.чер. шоргене) гнида.
- Шордо-пиче лось; шордо шѣдѣр созвѣздіе большой медвѣдицы.
- Шорѣннэ Смирн. ивишенья.
- Шор-вондо Смирн. см. крапѣя.
- Шордо-модо Смирн. гонообель.
- Шорѣм Крок. разивваю.
- Шорлемаш Крок. распутство; шорлема эдѣм развращенный человекъ.
- Шорѣк (тат. сарык. чув. сорых) овца; шорѣк-шудо, шорѣк-пуч большоголовъ (травя).
- Шорѣктѣм) см. магрѣм.
Шортѣм Вас.)
- Шорто-мото Земл. см. шордо-модо.

Шортнйлат-волям заппнаюсь, па-
даю.

Шорш Земл. помыль.

Шоръ Земл. маргышка (птица).

Шоръм Крок. топчу.

Шоръм Крок. нарушаю.

Шот (чув шот) счетъ; шерь-шот
сметы; шотлэм высчитываю, вычисляю;
ср. лудам.

Шотланэм Свири. исчисляю.

Шоткъм щелкаю зубами.

Шот-шот звуки при клевании од-
ной курицей.

Шоц г.чер. Земл. см. шеч.

Шочам раздлаюсь; шочыктэм раж-
даю; шочмо-кече понехъльникъ, день
рождения.

Шошым весна, весною.

Шошгешгаш Земл. см. шонгаг-
даш.

Шоэ Земл. см. шуэ.

Шоэраш Земл. подмучивать.

Шою (чув. соя) небылица, ложь,
у Вас. хвастунъ; шою-корды косячка;
шойче обманщикъ, рассказчикъ ска-
вокъ, небылица; шойк-корка Вас. за-
тылокъ; шойнык Земл. ажець.

Шблядрэ Вас. (тат. сфидрэ) по-
лати; шблядрэ-умбля Вас. полка.

Шбмь (чув. сукъ) скорлупа, че-
шуй, шелуха, кора; шбмьлэм снимаю
кору, чешую, луплю.

Шбн жила; шбн шупшеш корчить
судорога.

Шбрь ребра, грани призмъ; шб-
рякэн призматическй, граниный.

Шорья разсывается (запахъ,
дымъ) шбрктэм разсываю.

Шбрь Вас. молоко.

Шбрьгем завязываю концм у
веревки, чтобъ не расплетался; шб-
рлатэм захлестываю; шбрьга сляокъ.

Шбрьн на боку, опрокинувшись,
кряво.

Шбрьмич ременная узда; шбрь-
мич-пурго, шбрьмич-кыя поводъ у
узды.

Шбрьем развертываю, разматываю.
распутываю, отвертываю.

Шбртме золото.

Шреждэм Крок. учащаю; шрен
частью.

Штрап штрафъ.

Штраш простое, толстое сукно;
посто-штраш тонкое, фабричное сукно.

Штукля «черная палка», — игра
въ прятышки.

Шткронучи, портянки.

Штэр-воштбр метла.

Шу отруби — мучные выскы; сь-
спя-шу щетина; имешу игольные уши.

Шу Земл. гной; уголь; здоровый.

Шуалтэм гребу весломъ.

Шуалт-кеш Крок. зарыбъво, за-
струилосъ.

Шуалтш Земл. полоскать бѣлье;
киртный шуалтш отпускать желъзо.

Шуам достиглю, доспѣваю, дозрѣ-
ваю; также бросаю; шуктэм творю (хлѣ-
бъ), дополняю. достиглю, дессагаю, со-
лю (грибы), шушо спѣлмай; капэш шу-
шо возмужалмай.

Шуан-вондо см. шйган-вондо.

Шуап Крок. возмездіе, воздаяніе.

Шуар ступа, шуар-вондо пестъ.

Шуарэм каю.

Шуармо-вакш толча.

Шуаш Крок. см. шуалтэм.

Шубаш Крок. соединять.

Шубыр Вас. см. шйаыр.

Шубыи Вас. колъ (рычагъ?).

Шубыш Вас. итьхъ (сосудъ), сума;
см. шййыш.

Шубедаш Земл. наговаривать,
заговаривать, ворожить, гадать.

Шубык г.чер. Земл. котѣно, сте-
пенч въ родствѣ.

Шугарэмдэм Вас. см. шйгй-
рэмдэм.

- Шугаш Земл. кидать, бросать.
 Шугор Земл. воротника.
 Шугартло каабище.
 Шугуйно рычага; ср. шубън
 Шудааташ Земл. получать при-
 казаніе, повиноваться.
 Шудалам проклинаю; шудайк-
 тэм заставляю проклинать.
 Шудангаш заростать травой; ш-
 дингаш заропать травой.
 Шудаш Земл. повелѣвать, прика-
 зать.
 Шудо ство, трава; ошо-шудо жет-
 лика трава см. шырчѣ.
 Шудраш Земл. тащить, терзать.
 Шудурук Земл. луга.
 Шуж ситовый.
 Шужар см. шйжѣр.
 Шужѣрь см. шйжѣрь.
 Шужель г.пер. кочелькѣ.
 Шужемь Земл. голодь.
 Шужам алкаю, голодаю; шужшо
 голодный.
 Шуйре Земл. борона; шуйраш,
 боронить.
 Шуйнѣм вытягиваться, увеличи-
 ваться въ длину; кече-шуйнѣ день
 увеличивается; кйшкѣй шуйнѣ зѣтя
 разветвляется.
 Шуйшѣн пещня.
 Шукаланаш Земл. см. курал-
 анѣ.
 Шуканѣ сокр. отъ шуко-канк
 многократно.
 Шукланѣш Земл. жадничать.
 Шуко много; шукемтѣм умножаю;
 шукемѣя увеличиваюсь въ количествѣ.
 Шукѣртѣ давно; шукерѣск съ
 давнихъ поръ.
 Шуктам достигаю; шуктѣм по-
 зволяю достигнуть, дойти до цѣли.
 Шулам разрѣзаю на части, крою.
 Шулангѣ Земл. жало.
 Шудалаш Земл. журить.
- Шудлаш Земл. разсыпать, раст-
 рачивага, кидать.
 Шудодо дешево; шудаштарѣм уде-
 шевляю; шуллэмѣм удешевляюсь.
 Шудомандѣм см. шолломан-
 дѣм.
 Шудайр крыло; шудайран-каик
 птица.
 Шудайк Вас. здоровье; шкат шу-
 лайкан ли самъ будь здоровъ! отвѣтъ
 на слова кочйшет перикан анжѣ, см.
 лочкѣм.
 Шудтѣш Крок. бросается, ки-
 дается.
 Шудуктараш Земл. развести,
 растворить.
 Шудукш голенище.
 Шудайктѣш оскоплять; заставить
 рѣзать, кроить.
 Шумактѣ Крок. въ головѣ шу-
 вить.
 Шумалѣтѣш точиться.
 Шуман Земл. охотникъ до чего
 нибудь.
 Шумѣт-кече (чув. шумѣт коп, г.-
 чер. кукшо кече) суббота.
 Шумѣшке до достиженія.
 Шумѣм точку (инструментъ).
 Шумѣш Крок. разрѣзывать.
 Шум глина.
 Шумалѣм Земл. съемы, щипцы для
 углей (углепріемщы).
 Шунга Земл. бугоръ.
 Шунгалтам нмряю, спотыкнув-
 шись падаю.
 Шунѣи-илем Крок. странствую.
 Шунга Земл. стукъ; шунгаш сту-
 чать.
 Шупкѣ ягъ.
 Шуншам тяну; куро, нюхаю та-
 бакъ; сосу.
 Шупшалам цѣлаю.
 Шупшѣдѣш, шупшѣдѣктѣш, шуп-
 шѣдѣш Земл. задерживать.

Шуиштулам дерган; шушун-луктам выдерживаю.

Шуишукташ заставлять тянуть, курить, вести.

Шуишугташ Земл. вытягиваться, натягиваться.

Шур рогъ, у Вас. и каля; шурин рогатый.

Шурам толку пестонъ.

Шураляш Земл. см. шурин.

Шулатэм тычу, у Крок. натикась, шурлат шьиндэм втикаю.

Шураигэм Крок. потемнѣть, поблекнуть.

Шурандарэм плаваю.

Шурашма-шудо Земл. полорожнякъ трава.

Шураигон оскожина набилась.

Шураш Вас. см. шорйкъш.

Шурган Вас. см. ола-арлин.

Шурё Вас. см. сурё, сурё.

Шурекъ Земл. бредень.

Шурём Земл. см. суремъ.

Шуркъ Смирн. хохолъ; шурин хохлатый.

Шуркедйлам тычу часто.

Шурманше)

Шурманкче) Земл. рясъ.

Шурно зерновой хлѣбъ; понин-шурно хлѣбъ съ торницей.

Шуртуш Земл. известка.

Шуршо блока.

Шут Земл. см. сѣт; шутэм Смирн. жадничавъ.

Шушъ (тат. суса) ткацкий челнокъ.

Шушкалям у Вас. шушкалдэм свищу (олнокр. видъ).

Шушкъэм свищу (многokr. видъ).

Шушко уполовникъ, см. марал-совалъ.

Шушель Земл. отрубн.

Шушер Земл. ранд, болячка.

Шушклин Земл. глухой.

Шушкедэш комопатить.

Шуштам стругаю можеть.

Шуэ Земл. гребенка.

Шуэ рѣдко. разбросанно; кутко-шуд муравьиная куча.

Шуэ-воило Смирн. шиповникъ.

Шуэр Земл. см. шур.

Шьвэ (чув. шыбы) см. шьбага.

Шьвйр (чув. шыбыр) пумра, волынка; шьвйрэо пумрышкы, волышкы; шьвйр-оипо мочевоу пумры.

Шьвйкш кожмал сума для кра-мения муки.

Шьвйрчбк (тат. шабырчек) яй-цо-болтунъ.

Шьвй Крок. см. шьв.

Шьган (чув. шилан, г. чер. лечкор) шиповникъ.

Шьгар Земл. гробъ; шьгар-ийнеса могила; шьгартаа кладбище.

Шьгйле (чув. шыбына) бородавка.

Шьгйлятьш порокъ, недостатокъ; шьгйльтьшан клузникъ.

Шьгйр (г. чер. тор) тѣсно; шьг-рэм, у Вас. шьгарэмдэм стѣсно.

Шьгйрчйк Вас. скворецъ; у Земл. яйцо-болтунъ; см. чьрчик, шьвйрчк.

Шьдмг (г. чер. шдмге) пшеница; шеме-шьдмг греча.

Шьдйр (чув. сульдир) звезда; шордо-шьдйр (звѣздн-хосъ) созвѣздіе большой мезѣлици; каяк-комбо-кор-но-шьдйр (дорога дикихъ гусей звѣздн) млечный путь; кас-шьдйр вечерняя звѣзда; жиръ-волгйло-шьдйр утренняя звѣзда—Венера; вол-варъ-шьдйр (коромисло звѣздн) «Петровъ крестъ» созвѣздіе, по Золотн Орions; шоктэ-шьдйр плеяда, группа изъ шести звѣздъ, «грудка»; шьдйр-шамь-чийн-пуйрошо-куго-юмо великій богъ, создатель звѣздъ; шьдйр-он млядика звѣздъ; шьдйр-аві мать звѣздъ.

Шьдйш Вас. обручъ.

Шьжам (тат. сизин, чув. сис) чувствую, чую, догадываюсь, ощущаю;

шип тирэм привожу въ чувство, внушаю.

Шйжър младшая сестра.

Шйжер молоко.

Шйжй (у Вас. шйжйм) осень; шйжйм осенью.

Шйжйктэм брызгаю водою, кропаю.

Шйзиргаш Земля, взобрить.

Шйкш дымъ; шйкшм дымлю, курю; шйк-шйктэм дымлю, курю, окуриваю; шйкшангм копчусь, покрываюсь дымомъ; шйкшангэм копчу, покрываю дымомъ.

Шйкй-шйкй звуки при клеваніи многими курящими.

Шйля тасть.

Шмля-коя сулакъ (рыба).

Шмлядйрмъ (г. чер. шушо шдурь) цѣпка безъ нитокъ.

Шмлякамъ брошка.

Шмляшля.

Шммангтэм) ласкаю, сочув-

Шмматэм Вас.) ствую.

Шмматляш ласкаться.

Шммл (тат. шомл, г. чер. шммл, скыйн) красивый, гладкій; шммл пушенте ровное и безъ сучьевъ сизву дерева; шммл пуч дягиль.

Шммлт башлыкъ; у Вас. костенника; см. мнзе-мбрь.

Шммйт семь; шммлау семьдесятъ; шммур двѣ копѣйки; шммлур двугривенный; шмм йод куго юмо великій богъ семи чужбинъ-странъ; шмм йод куго пуирошъ великій предопредѣлитель будущей судьбы семи чужбинъ-странъ.

Шмнг плотно.

Шмнгл (г. чер. кужнерь) комаръ; орл шмнга (чув. шмна) муха; шмнгляк полотняная платка, пологъ отъ комаровъ.

Шмнглянэ Вас. см. шенгълно.

Шмнгшляе (г. чер. шакшляе) ище-

рица.

Шмнгырчйк Кр. Яр. сковорестъ; шмнгырчйк-омартъ сковорешница.

Шмнгйртймш Исм. см. шмнгырчйк.

Шмндарэм Смирн. воспоминаю; шмндарэмш воспоминавіе.

Шмндэм сажая, ставляю.

Шмнчл глаза; шмнчл возси стлазиль (суентрйе); шмнчл-сорта зрачекъ; шмнчлмк (у Вас. кугу шмнча) очки; шмнчлм кумалтэм закрываю глаза вѣгами (но не мигаю); шмнчл-пуш бровь; шмнчл-ошо бѣльмо, бѣлки; шмнчлай-жо слѣпой; шмнчл-вюд слезы; лишл-шмнчлн близорукій; шбрь-шмнчлн (у Вас. шанк-шмнчлн) косоглазый; пьбкрник шмнчлн см. лишл-шмнчлн; шмнчл-пуш анхаръ; шмнчл-комлайш вѣкъ; пель-шмнчлн кривой.

Шмнчлл соль; шмнчалгэм солю; шмнчллм-тѣм толку соль; шмнчллн соленый.

Шмнчллэш ржеть.

Шмнчлм сизу.

Шмнчлм анаю.

Шмнчйр (тат. чылбыр) цѣль, цѣпочка.

Шмргалъче см. приткѣ.

Шмрдан (чув. шыртан) колбаса.

Шмрём раскидаю, растаскиваю, разваливаю.

Шмрймэм стискиваю, скаю зубы.

Шмрлем разрушаюсь, разваливаюсь, разъединяюсь.

Шмркл (тат. серкѣ, чув. шырка, г. чер. ширья) цвѣтъ на хлѣбахъ.

Шмр природная щель въ деревѣ, также каля.

Шмркама Вас. чув. шульгеме см. почкамѣ.

Шмрпак, шмрпй заноза.

Шмрчл метлика (плевелъ); капли дождя, оставшіяся на листьяхъ дерева, на травѣ.

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІИ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Редакція «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ прислать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, ихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азіи для безплатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФІЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ,

Предлагаетъ любителямъ этнографіи и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ аданій и археологическихъ предметовъ. Снимки можно приобретать отдѣльно и альбомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Булгаръ. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор. перепл. 5 р.
2. Древности Аваньянскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и 2 на $\frac{1}{2}$ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.
- 3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, картинный бытъ (занятія, обряды).
 - а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 см. Ц. въ кол. пер. 6 р.
 - б) Чуваши. 32 см. Ц. въ кол. пер. 12 р.
 - в) Черемисы. 76 см. Ц. въ кол. пер. 18 р.
 - г) Мордва. 18 см. Ц. въ кол. пер. 5 р.
 - д) Вотяки. 12 см. Ц. въ кол. пер. 5 р.

Изготавливаются:

- 1) Казань старая и новая.
- 2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Видъ прибрежныхъ городовъ и селеній въ равнинѣ и межени. Типы волжскихъ судовъ. Картины береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпильскаго, фотографу К. Т. Софонову.

Въ 1894 г. „Извѣстія. Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переведеныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и христіанскіе русскіе говоры, вывлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ заведеніяхъ русскіихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, изъясняющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей христіанскіхъ, общерусскіихъ и иностраннѣхъ періодическихъ изданій, изъясняющихъ отношеніе къ археологій исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. О. Акашевъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. О. Будде, Н. Виташевскій, К. В. Виклюндъ (Упсаза), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцовъ, К. Б. Гавсвицкель, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, О. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катаневъ (Омскъ), С. И. Келеровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литвинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), К. П. Мелокъ, В. А. Моликовъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спичинъ, О. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Энгельсъ, пр.-доц. Н. Н. Энгельсъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для послѣдняго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей въ сообщаніи всего, что является новаго въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорскъ, Буда-Пештъ и Упсазу (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложений къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

1) Матеріалы для этнографіи Поволжья. Мордовско-русскій словарь М. Е. Евсеева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желаніе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ разнѣхъ 5 р. получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарь Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за порозньку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

9
27
4

27 43,

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XI, вып. 6.

СОДЕРЖАНІЕ

Игры деревенскихъ дѣтей Лашьскаго уѣзда. И. Нечаева. 495—510.	губерніи. С. Иванцева. 565—575.
Очеркъ исторіи города Курмыша въ XIV—XVIII в. Н. Э. Аксамова. 511—527.	Библиографія. Этнографическое Обозрѣніе. 1893; I. II.—Труды Рязанской Архивной Комиссіи. Т. VII. № 9. 1892. Дневникъ раскопокъ Борковского могильника. Рязань. 1893.—
Башкиръ Салаватъ Юлѣевъ. Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Игнатьева. 528—534.	Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1889—1890 г. Спб. 1892.—Материалы для статистики Вятской губерніи. Ч. VII. Саранулскій уѣздъ. Вятка. 1892. И. Н. Смирнова — Ignacy Radliński. Słownik nazęscy ludów Kamczackich. I Słownik nazęscy Ainoów, zamieszkujących wyspe Szumazu w tancuchu Kurylskim przy Kamczatce ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Kraków 1891. Н. З. Тихова. 576—587.
Мордва — историко-этнографическій очеркъ. Гл. IV. Культъ предковъ. Возврѣнія на смерть и погребальные обряды. И. Н. Смирнова. . 535—56.	Указатель къ XI т. «Извѣстій». 1—3.
Материалы Малетинскія древнія копи и земляныя постройки въ Алтайскомъ округѣ. П. О. Чупина. Мѣстности въ долинѣ Антрена интересны въ археологическомъ отношеніи.—Изъ поѣздокъ въ селеніе Мамаевку. Изъ быта Мордвы деревни Дюрки Парантеской волости Алатырскаго у. Сивб.	

КАЗАНЬ.

ТИПО-ДИТОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1894

Вышла 16-го марта.

СКЛАДЪ ОТТИСКОВЪ

ИЗЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ ВЪ РОССИИ.

Чтобы облегчить лицамъ, занимающимся археологіей, исторіей и этнографіей В. Россіи, возможность пользоваться тѣмъ, что въ настоящее время появляется въ периодической печати этого края, редація «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» покорнѣе проситъ авторовъ статей, имѣющихъ археологическое, историческое и этнографическое содержаніе и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ «Губернскихъ» или «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (описанія приходоу, сель, волостей и т. п.) присылать въ книжный магазинъ Н. Я. Башмакова въ Казани по 5—10 оттисковъ своихъ статей или №№ тѣхъ изданій, гдѣ онѣ помѣщены, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Редація «Извѣстій» съ своей стороны выражаетъ готовность безвлатно печатать объявленія о поступившихъ въ складъ оттискатахъ.

ВНИМАНІЮ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ ТИПОГРАФІЙ

ВЪ ПОВОЛЖЬИ, СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Редація «Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ», желая доставить своимъ читателямъ возможность слѣдить за научнымъ движеніемъ въ В. Россіи, предлагаетъ владѣльцамъ типографій, авторамъ и издателямъ присылать объявленія о печатающихся у нихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Поволжья, Сибири и Средней Азіи для безвлатнаго помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ». О книгахъ и брошюрахъ, которыя по выходѣ въ свѣтъ доставляются въ редакцію «Извѣстій», помѣщаются отчеты въ ближайшихъ книжкахъ журнала.

ИГРЫ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ДѢТЕЙ ЛАПШЕВСКАГО УѢЗДА.

 На бывшей въ 1890 году въ Казани научно-промышленной выставкѣ былъ, между прочимъ, „дѣтскій отдѣлъ“ — отдѣлъ не богатый ни по качеству, ни по количеству выставленныхъ въ немъ экспонатовъ, но тѣмъ не менѣе все же довольно интересный. Правда, всѣ эти деревенскіе куклы, топоры, сошки, мельницы, базачки, трещетки и пр. — никакъ не могли похвалиться своимъ изящнымъ видомъ; но эта безыскусственность деревенскихъ игрушекъ и дѣлаетъ ихъ цѣнными. Когда вы рассматриваете коллекціи игрушекъ „для благородныхъ“, въ вашемъ умѣ не возникаетъ никакой мысли, кромѣ развѣ мысли о ихъ стоимости, — что вотъ эта, молъ, будетъ по карману для лица сидящаго на пятисотрублевомъ окладѣ, а та — для сидящихъ на тысячномъ окладѣ. Игрушки „для благородныхъ“ ничего вамъ не скажутъ о той сферѣ, для которой онѣ предназначаются; онѣ не введутъ васъ въ мірокъ дѣтскихъ мыслей, желаній и пр. и понятно — почему. Эти игрушки выдѣлываются фабричнымъ путемъ; въ дѣтскую среду онѣ приносятся извнѣ, а потому онѣ (игрушки) скорѣе характеризуютъ вкусъ ихъ производителей, чѣмъ вкусъ и наклонности дѣтей, для которыхъ приобретены чрезъ покупку. Совсѣмъ не то игрушки деревенскія. Деревенскій мальчуганъ въ большинствѣ случаевъ самъ себѣ мастеритъ игрушку; слѣдовательно, послѣдняя является продуктомъ его, мальчугана, творческой дѣятельности. Если же она и бываетъ сдѣлана взрослымъ, то бываетъ всетаки сдѣлана

по указанію и желанію мальчугана. „Татка, сдѣлай мнѣ коня“ говоритъ онъ: и татка дѣлаетъ. Отсюда ихъ значеніе.

Когда я на выставкѣ осматривалъ деревенскія игрушки, то предъ моиѣ глазами, какъ живая, выросла деревня съ ея полями, лугами, съ ея затхлымъ прудомъ, съ ея Шашками, Митьками, Микольками.

Вотъ владѣлецъ этого суденышка, думалось мнѣ, несомнѣнно живетъ у рѣки, въ которой и пускаетъ свою посудину. Въ этой же рѣкѣ по лѣтамъ и купается онъ разъ по пятнадцати на день, къ крайнему огорченію своей матери. Владѣлецъ этой деревянной пилы и рубанка несомнѣнно сынъ плотника: когда подростетъ, то, подобно своему отцу, съ топоромъ за поясомъ исходитъ не одну сотню верстъ; будетъ, въ видахъ за-полученіи выгодной работы, жадно прислушиваться къ слухамъ о произведенныхъ въ той или другой сторонѣ пожарами опустошеніяхъ. Владѣлецъ этихъ куколъ въ длинныхъ „платяхъ“ и „пепжакахъ“ съ часами въ карманѣ, безъ сомнѣнія живетъ не вдалекѣ отъ города, въ мѣстности, сильно поддержанной вліанію городской цивилизаціи и т. д. Словомъ почти каждая игрушка о чемъ нибудь напоминала, воскрешала въ памяти какъ-нибудь сценку изъ деревенской жизни, рассказывала какую-либо исторію.

Таковы были мои мысли, вызванныя осмотромъ „дѣтскаго отдѣла“ на выставкѣ. Я очень пожалѣлъ о томъ, что кромѣ игрушекъ жизнь деревенскихъ ребятъ въ этомъ отдѣлѣ почти ничѣмъ не была представлена. Между тѣмъ жизнь своеобразнаго мірка деревенскихъ ребятъшекъ во многомъ очень интересна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Тогда-же я рѣшилъ поближе присмотрѣться къ этой жизни.

Съ ключкомъ этой жизни, въ видѣ ребячьихъ игръ и пѣсенокъ, я и думаю познакомить читателя.

I.

Я имѣю въ виду только игры, отличающіяся, такъ сказать, своею устойчивостью, отлившіяся въ опредѣленные фор-

мы, вмѣющія свои опредѣленные обряды. Кромѣ этихъ игръ существуетъ множество другихъ, сочиняемыхъ ребятами подъ впечатлѣніемъ минуты, по личному вдохновенію. Нѣтъ такого явленія въ деревенской жизни, котораго бы не передразнили въ своихъ играхъ ребята. Увидеть они какъ „міръ“ учитаетъ выборнаго и вотъ готова игра въ „учетъ выборнаго“. Играютъ „въ пасмъ пастуха“, „въ урядника“, „въ мужика и барина“, въ игру—„какъ тятка мамку учить“ и т. д. Всѣ эти игры вносятъ много оживленія въ дѣтскую среду, довольно вѣрно копируютъ дѣйствительность, но въ каждой деревнѣ, сообразно съ ея мѣстными условіями, видоизмѣняются на свой образецъ.

Зима съ ея холодами мало способствуетъ дѣтскому общенію,—и зимнія уличныя дѣтскія игры не такъ многолюдны и не отличаются большимъ разнообразіемъ. Игра въ бабки, въ снѣжки, катанье на конькахъ и салазкахъ, вотъ почти все, что приноситъ зима дѣтскому веселью. Но лишь вешнее солнце стонетъ снѣгу и земля одѣнется травкой, какъ вся „челюпка“, не только владѣющая ногами, но и умѣющая только ползать, выбирается на улицу. Тутъ начало дѣтскому веселью, начало ихъ игрѣ.

Я прежде всего укажу на игры, общія мальчуганамъ и дѣвочкамъ. Но считаю нужнымъ добавить, что мальчуганы, хотя иногда и играютъ вмѣстѣ съ дѣвченками, всетаки предпочитаютъ для игры составить свой парнишечій кругъ, а дѣвочки дѣвичій. По условіямъ многихъ игръ, изъ среды играющей публики должно быть избрано особое лицо, роль котораго въ игрѣ разнится отъ роли другихъ, участвующихъ въ игрѣ лицъ. Избраніе это происходитъ такимъ образомъ. Всѣ желающіе принять въ игрѣ участіе садятся въ рядъ. Затѣмъ одинъ изъ мальчугановъ считаетъ ихъ по головамъ, произнося слова одного изъ присловій, или пѣсенокъ, сложенныхъ специально для этого случая. На кого падетъ послѣднее слово или стихъ пѣсенки тотъ становится въ рядъ обыкновенной играющей публики. Мальчуганъ снова повторяетъ свой счетъ

и т. д. Наконецъ остается только считающіе : еще одно ли-
цо. Повторивъ свой счетъ, считающій или принимаетъ на се-
бя ту роль, которая отъ него требуется игрой, или же стано-
вится въ рядъ публики.

Вотъ эти присловья:

	1.	Вонъ ?)	
Первечко,			4.
Другечко,		Полна вѣна	
Покуста,		Не за моремъ.	
Пониста,		Станемъ бить, колотить,	
Полебени,		Наколачивать.	
Кавустина,		Какъ надъ нами,	
Костина,		Передъ нами,	
Конки,		Передъ нашими столбами,	
Ловатки,		Стулочки, мальчики,	
Сивашки,		Самъ любезнейшій	
Бѣлянки.		Король.	
Соколинки.			5.
	2.	Тараранъ,	
Буби кони,		Тараранъ,	
Заятсбѣги,		Сѣла баба на барана,	
Нечѣмъ кони		Поѣхала по горамъ.	
Погонять.		Трою-рою,	
Трусъ,		По мосту, мосту,	
Вашъ,		Селезень голенастый.	
Князь.		Утка квакъ.	
	3.	Бѣлякъ.	
Перводанъ,		Соколъ,	
Другоданъ,		Колоколъ,	
На коловъ уголять.		Шинель,	
Пятьсотъ лаяъ.		Вышелъ,	
Пономаръ судья.		Вонъ пошелъ.	
Дьяконъ пишеть			6.
Чернишь углемъ:		Стрѣмъ горѣмъ,	
Б . . . ка татарка,		Осново полѣно	
Чертова дѣвка.		За море летѣло.	
Стукъ да громъ,		За моремъ церкви,	
Подъ, стеклышко,		Въ церкви икона.	

1) Вариантъ. Послѣ пятой строки вставляется:

Катерина тетка,	Шелковій полсокъ.
Щебелева плетка.	Шинель-вышелъ,
Онъ самъ щебелекъ	Деттеръ вонъ.

Марья Быкова,
Жена куликова.
Стукъ,
Грѣхъ,
Стекла вонъ.

7.

Первички,
Другички,
Летала голубички
По божьей росѣ,
По поповой полосѣ,—
Тамъ чашки,
Орѣшки,
Медокъ,
Сахарокъ.
Поли вонъ,
Королекъ.

8.

Кукушечка,
Горюшечка,
Плетень плела,
Дѣтей веда.

Кокъ.

9.

Заяцъ бѣлый,
Кудм бѣгалъ?
Полъ коволу.
Чего дѣлалъ?
Личи драгъ.
Кудм казалъ?
На востѣи.
Кто укралъ?
Родивонъ!
Поли вонъ.

10.

Катить яблоко
По огороду,
Кто не схватить,
Того въ воду.

11.

Шушъ,
Бумъ,
Шелкова нитка,
Хрестъ.

Перехожу къ самымъ играмъ. Игра хрѣномъ состоитъ въ слѣдующемъ. Указаннымъ выше способомъ выбирается матка и хрѣнъ. Всѣ остальные ребята — дѣти матки. Одинъ изъ дѣтенышей охватываетъ „матку“ сзади обѣими руками; этого въ свою очередь охватываетъ другой дѣтенышъ и т. д. Составившаяся такимъ образомъ цѣпь ребятъ кружится вокругъ „хрѣна“. При этомъ напѣвается пѣсенка.

Ужъ ты, хрѣнъ-ли мой, хрѣнъ,
Саловой, яровой!
Еще кто тебя салить,
Еще кто поливалъ?
Поливала — солывала
Солывцова жена.
Все ухаживала,
Огораживала.

Когда пѣсенка спѣта, между „маткой“ и „хрѣномъ“ происходитъ такой разговоръ. Дома-ли, хозяйнѣ, спрашиваетъ „матка“ — „Дома“. — „Барыня съ печки упала, брюхомъ хрѣну

захотѣла. Можно-ли выдернуть?— „Дергай, дергай, да не изъ корню“. „Хрѣпъ“ становится въ плетню и ухатывается за боль. „Матка“ вмѣстѣ съ дѣтми старается его оторвать. Ребячья дѣнь часто разрывается и оторвавшіеся при общемъ смѣхѣ летать на землю. Оторвавшіеся теряютъ право на выдерживаніе „хрѣна“. Если удастся оторвать „хрѣна“ отъ плетня, то на слѣдующую игру „хрѣномъ“ избирается новое лицо; въ противномъ случаѣ это право остается за старымъ „хрѣномъ“.

Въ игрѣ горшунѣ выбирается также матка и горшунъ. „Матка“ съ дѣтми въ томъ же положеніи, какъ и при игрѣ „хрѣномъ“, кружится вокругъ „горшуна“ при пѣніи такой пѣсенки:

Вокругъ горшуна хожу,
Жеребенка обдеру,
Жилетку сощу,
Оторочену,
Позолочену.

Затѣмъ „матка“ спрашиваетъ „горшуна“.— „Горшунъ, горшунъ, чего дѣлаешь?“— „Ямбѣ рою“.— „Зачѣмъ тебѣ ямбѣ?“— „Пголку пишу“.— „Зачѣмъ тебѣ пголку?“— „Мѣшочекъ шить“.— „Зачѣмъ тебѣ мѣшочекъ?“— „Камешки влать“.— „Зачѣмъ тебѣ камешки?“— „Въ твоихъ дѣтей шуркать-буркать“. Съ этими словами „горшунъ“ бросается ловить маткиныхъ „дѣтей“. Матка“ растопыривъ руки, старается ихъ защищать, постоянно бросаясь изъ стороны въ сторону, сообразно съ тѣмъ, куда устремится „горшунъ“. Образовавшаяся позади „матки“ дѣнь ребятъ также при этомъ волочится изъ стороны въ сторону. Когда всѣ „дѣти“ будутъ переловлены, дѣтеныши, стоящій первымъ послѣ матери, отирается топтать для „горшуна“ баню. Истопивши, приглашаютъ горшуна:— „горшунъ, горшунъ! поидемъ въ баньку. „Горшунъ“ упрямится.— Нѣтъ-ли тамъ мышей, лягушекъ, говорятъ онъ. Золотые-ли тазы? Шолоховы-ли судомойки? „Горшуна“ заверяютъ, что никакой печности въ банѣ нѣтъ и что все тамъ прекрасно. Тогда двое „дѣтей“ бе-

руть „горшунка“ на руки и несутъ въ баню подъ руки остальныхъ ребятъ, которые къ этому времени раздѣляются на двѣ стороны и подаютъ одна сторона другой руки. Когда „горшунка“ допесутъ до середины пути всѣ кричатъ: мыши! мыши! „Горшунка“ пугается, соскакиваетъ съ рукъ и убѣгаетъ.

Игра за реи отправляется слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ играющихъ бѣгаетъ кругомъ усѣвшихся въ кругъ дѣтей, и старается кому-либо изъ нихъ незамѣтнымъ образомъ подложить поясъ. На протяженіи всей игры расцѣвается пѣсенка:

Зоря, Зоряница,
Красная дѣвица.
Кто зорю проспять,
Того бить-колотить.

Сидящіе шарятъ позади себя руками, но оглядываться назадъ не имѣютъ права. Облѣзавъ весь кругъ, прячущій выхватываетъ у прозѣвавшего поясъ и, подхлестывая имъ, прогоняетъ прозѣвавшего вокругъ сидящихъ три раза. Если же поясъ будетъ найденъ, то нашедшій бѣгаетъ за прячущимъ.

А вотъ игра въ Бога и черта¹⁾. Всѣ ребята садятся въ рядъ. Къ каждому изъ нихъ подходитъ Богъ и спрашиваетъ: — „раба, раба, гдѣ была?“ — „У попа“. — Чего ѣла? — „Просвиру“. — Чего пила? — „Сыту“. — Эго чего (показываетъ куда-либо въ пространство)? — „Сторона“. А это чего (показываетъ въ противоположную сторону)? — „Другая“. — А это (показываетъ въ верхъ)? — „Небо“. — А это (показываетъ внизъ)? — „Земля“. По пятамъ за Богомъ ходитъ и чертъ, и пока „Богъ“ производитъ распросы, „чертъ“ всячески старается разсмѣшить спрашиваемого: тычетъ послѣднему пальцемъ въ носъ, строитъ хари и т. д. Если спрашиваемый во время допроса не разсмѣется, то переходитъ къ „Богу“; иначе становится достоинемъ „черта“, который и обращаетъ всѣхъ доставшихся ему въ собакъ, и обративши натравляетъ ихъ на дѣтей „Бога“. Когда ребята достаточно повозятся между собою, — Богъ

¹⁾ Иначе — въ Ангелъ и Бѣса.

жалобно спрашиваетъ черта: за что ты моихъ дѣтей затравилъ?—,Теон дѣтки, отвѣчаетъ послѣдній, мою капустку съѣли“.—А ты что плохо огородъ городилъ?—,Плетень у меня высокій былъ“.—Какой высоты? „Вотъ этакой (показываетъ выше себя)“. Игра заканчивается тѣмъ, что всѣ „глушать“ Бога, т. е. стараются какъ можно громче закричать ему что нибудь подъ ухо.

Колышки. Всѣ, участвующіе въ игрѣ, дѣлятся на пары, впрочемъ, такъ, чтобы одному изъ играющихъ пары не было. Затѣмъ по одному человѣку изъ каждой пары садятся въ кругъ. Остальные стоятъ, каждый у своей пары. Это будетъ игра въ колышки. Тотъ, кому не достало пары, ходитъ вокругъ круга и спрашиваетъ у стоящихъ:—кума, кума! продай кола. Стоящіе могутъ продать каждый свой „колышекъ“, могутъ и не продать. Въ первомъ случаѣ они говорятъ—к у н и во второмъ—н е п р о д а ж н ы й. Если „колышекъ“ запроданъ—и продавшій и купившій взапуски обѣгаютъ кругъ, каждый въ противоположную сторону. Обѣжавшій ранѣе становится у „колышка“; опоздавшій продолжаетъ „покупать“.

Всѣ ребята обѣгаютъ, непрерывно повторяя одно и то-же:

Горохова мучка—
То и дѣло
Солодѣла.

Одинъ ловить обѣгающихъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока не будутъ всѣ переловлены. Это игра—в ъ г о р о х о в у м у ч к у.

Аналогичны съ этой игрой—игры „сырой селезенкой“, „въ волка“ и „зайцами“. Вся разница первой изъ указанныхъ игръ заключается лишь въ томъ, что ребята вмѣсто словъ—горохова мучка и т. д. въ этой игрѣ подразаиваютъ ловащаго словами—сыра селезенка. При игрѣ „волками“ ребята близко подходятъ къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ „волкъ“ и дѣлаютъ видъ, будто собираютъ ягоды, при чемъ вытягиваютъ:

Беру, беру згоды
Вашему брату—
Г . . . а на лопату.

Волкъ соскакиваетъ и ловить берущихъ згоды. Поиманные сами обращаются въ волковъ.

При игрѣ за йцами всѣ играющіе соединяютъ у себя концы указательнаго и большаго пальцевъ; затѣмъ въ образовавшееся такимъ образомъ кольцо, пускаютъ слюну. У кого слюна пролетаетъ черезъ кольцо, не задѣвъ краевъ пальцевъ, тѣ становятся за йцами; у кого задѣваетъ—с о б а к а м и. „Зайцы“ поддразниваютъ собакъ словами:

Заяць собакѣ
Хвостъ ломать.

„Собаки“ могутъ ловить „зайцевъ“ только на чистомъ мѣстѣ. Разъ заяць успѣлъ встать на какое-либо дерево—на бревно, крыльцо и пр.—онъ нерикосновенъ.

При игрѣ в о р о б ѣ м ѣ изъ среды играющихъ избирается м а т к а и воробей. Остальные становятся въ одну линію и берутся за руки. „Воробей“ зигзагомъ подныриваетъ подъ руки стоящихъ. За нимъ гонится „матка“ съ пруткомъ въ рукахъ и старается его подхлмыстывать. Ребята шугаютъ воробья словами: ш и ш ѣ , ш и ш ѣ , в о р о б е й ! Поднырнувъ подъ руки, мальчуганъ становится въ рядъ. Далѣе подныриваетъ слѣдующій мальчуганъ. За нимъ снова гонится матка и т. д.

Игра т а б а к о м ѣ совершается такъ. По пыльной дорогѣ проводятъ зигзагомъ полосу, на обѣихъ концахъ которой дѣлается по кругу. Въ одинъ изъ круговъ наносятъ кучу пыли. Это—и есть т а б а к ѣ . Къ „табаку“ приставляется торговецъ—„дѣдушка“. Ребята приходятъ къ нему за покупкою.—Дѣдушка продай табакъ!—„Ладно“. Пока одни торгуются, другіе стараются воровать и, набравъ пыли въ подошмы бѣгутъ по направленію ко второму кругу, по условіямъ игры, напрямѣно по проведенной полосѣ. „Дѣдушка“ съ подогомъ въ рукахъ гонится за похитителями. Если догонитъ то „табакъ“ возвра-

щается назадъ; въ противномъ случаѣ складывается въ кучу во второмъ кругу. Когда весь табакъ изъ одного круга будетъ перетасканъ въ другой, для торговли избирается новый „дѣдушка“. Начинается перетаскиваніе пыли опять въ прежній кругъ и т. д.

Игра—бабушкой Пыхтѣхой. Выбирается—„бабушка“. Бабушка любитъ молиться Богу. Опираясь на клюку, она отправилась къ обѣднѣ. Ее окружаютъ ребята.—Бабушка Пыхтѣха, куда пошла?—„Къ обѣденкѣ“. Возьми насъ.—„Идите, да не свистите“. Ребята нѣкоторое время идутъ смирно, затѣмъ поднимаютъ свистъ, Пыхтѣха гонится за ними, и пойманныхъ тузитъ по спинѣ клюкою.

Игры—горячей сковородой и „въ ушибу“. При первой игрѣ связываются концами возжи. Одинъ становится въ кругъ; остальные держатся за возжи. Стоящій въ кругу ловитъ остальныхъ. Держащіеся за возжи ребята могутъ перемѣнять руки, но совсѣмъ выпускать изъ рукъ возжи не должны. Пойманные становятся въ кругъ. При второй игрѣ играющіе раздѣляются на двѣ равныя партіи. Одна изъ партій завладѣваетъ мячемъ; другая становится въ кругъ, спиной во внутреннюю сторону круга. Первая партія удаляется куда-нибудь за уголъ. Оттуда ребята возвращаются съ загнутыми подолами рубахъ, которые (подолы) держатъ въ рукахъ, и начинаютъ подпрыгивать вокругъ стоящихъ со словами: ушпбу, ушпбу, ушпбу... Тѣ имъ отвѣчаютъ: не боюсь, не боюсь, не боюсь... Мальчуганъ, у котораго спрятанъ мячъ, внезапно выхватываетъ его изъ подола, и ударяетъ кого-либо изъ стоящихъ въ кругу; при этомъ всѣ ребята разбѣгаются въ стороны. Стоящіе въ кругу стараются поймать мячъ и попасть имъ въ кого-нибудь изъ лицъ первой партіи. Если ударъ нанесенъ удачно, то роли играющихъ мѣняются: стоящіе въ кругу завладѣваютъ мячемъ, а владѣвшіе мячемъ становятся въ кругъ. Если стоящимъ въ кругу долгое время не удастся ни въ кого попасть мячемъ изъ лицъ первой партіи,—то эти послѣдніе начинаютъ поддразнивать первыхъ:

За-а-морени,
За-а-морени,
За-а-морени...

II.

Описавъ игры общія мальчикамъ и дѣвочкамъ, перехожу далѣе къ играмъ, въ которыхъ играютъ или одни мальчики, или однѣ дѣвочки.

Начну съ игръ мальчиковъ. При игрѣ ю р о мъ всѣ мальчуганы, кромѣ одного, садятся въ кругъ; ноги покрываютъ пологомъ, или рогожей; подъ погами передаютъ другъ другу свитый изъ поясовъ жгутъ или юръ. При игрѣ напѣвается пѣсенка:

Юръ ушелъ, ушелъ, ушелъ,
Ты-ря-ря убѣжалъ.
Юръ ушелъ, ушелъ, ушелъ и т. д.

Оставшійся за кругомъ мальчуганъ старается угадать, у кого въ данную минуту находится юръ. Юръ время отъ времени появляется изъ подъ полога на свѣтъ и ударяетъ ищущаго по спинѣ. Когда юръ найденъ, ищущій садится на мѣсто того, у кого ему удалось захватить юръ. Этотъ-же становится на его мѣсто.

Одинъ изъ мальчугановъ садится, положивъ на голову фуражку вверхъ дномъ. Остальные отходятъ отъ него саженъ на двадцать; затѣмъ разбѣгаются и перепрыгиваютъ черезъ сидящаго мальчугана; при чемъ должны перепрыгнуть такъ, чтобы не сронить съ него фуражку. Тѣмъ, которые не исполнили этого условія, полагается наказаніе. По окончаніи игры такихъ берутъ за руки и за ноги каждаго по два мальчугана; берутъ и того, кто сидѣлъ на боку; раскачиваютъ и ударяютъ другъ о друга мягкими частями. Игра эта носитъ очень неблагозвучное названіе, а потому можетъ быть обозначена только подъ точками,—это игра ч у г у н о й ж . . . й.

При игрѣ въ б о н ѣ и всѣ участвующіе въ игрѣ вырываютъ себѣ по прямой линіи по ямѣ. Стоящіе у крайнихъ ямокъ катаютъ мячъ. Когда мячъ останавливается въ чьей-ли-

бо ямкѣ, всѣ ребята, кромѣ того, въ чьей ямкѣ мячъ остано-
вился, разбѣгаются; послѣдній-же беретъ мячъ и старается
имъ въ кого-нибудь попасть. Тому, въ кого мячъ попалъ, а въ
случаѣ, если мячъ былъ брошенъ неудачно, то тому, кто бро-
силъ, задаются „бонки“. Такому мальчугану закрываютъ гла-
за, затѣмъ ударяютъ его поголовѣ мячемъ и спрашиваютъ:
к о к ѣ, к о к ѣ, въ чьей я м к ѣ? „Кокань“ по головѣ про-
должается до тѣхъ поръ, пока спрашиваемый не дастъ вѣрна-
го отвѣта, въ чью ямку мячъ положенъ.

Ямки сохраняются при игрѣ въ муху. При этой игрѣ
въ землю вбивается колъ; на колъ вѣшается сучекъ—„муха“. Къ
„мухѣ“ приставляется караульщикъ. У каждого изъ играю-
щихъ въ рукахъ имѣется палка—„свистъ“. Этими свистами
играющие и сбиваютъ „муху“. Когда „муха“ сбита, всѣ ранѣе
пробросившіе свои свисты бѣгутъ за ними, стоящій-же у „му-
хи“ старается поскорѣ повѣсить ее на колъ, и затѣмъ бѣ-
житъ также на копь—къ ямкамъ. Если ему удастся ранѣе за-
вать чью либо ямку, то караульщикъ „муху“ отправляется тотъ,
кто прѣбжалъ къ своей ямкѣ позже.

При игрѣ въ ножичекъ играющие садятся въ кругъ.
Затѣмъ одинъ изъ ребятъ беретъ ножичекъ за конецъ лезвія
и бросаетъ его такъ, чтобы онъ воткнулся въ землю. Это—
первый приемъ. Второй приемъ состоитъ въ томъ, что мальчу-
ганъ кладетъ ножикъ на ладонь лезвіемъ кверху; съ ладони
онъ подбрасываетъ его вверхъ такъ, чтобы ножикъ перевер-
нулся въ воздухѣ и затѣмъ опять такъ воткнулся въ землю.
Если это продѣлано удачно, то съ ножомъ продѣлываетъ третій
приемъ, различіе отъ второго лишь тѣмъ, что теперь ножъ
кладется на обратную сторону ладони. Четвертый приемъ за-
ключается въ томъ, что ножъ бросается съ головы, опять та-
ки такъ, чтобы перевернулся въ воздухѣ. Продѣлавшій всѣ
приемы удачно, заканчиваетъ игру—„выходитъ“. Если кому-
нибудь изъ играющихъ не удастся какой либо изъ приемовъ,
то въ слѣдующій „бонкъ“, когда ножикъ обойдетъ всѣхъ сп-
лящихъ въ кругу, онъ начиваетъ съ того приема, на которомъ

остановился въ предшествовавшемъ „кону“. Не продѣлавшему съ пожомъ всѣхъ приемовъ опредѣляется наказаніе. Ножъ втыкается въ землю, и затѣмъ каждый изъ играющихъ ударяетъ по нему палочкой три раза. Иногда ножъ уходитъ весь въ землю. „Оставшіяся“ должны вытащить его изъ земли зубами.

Игра ч и ж о м ъ совершается такъ. Изъ играющихъ выбираютъ двѣ м а т к и. Остальные с г о в а р и в а ю т с я между собой. „Я буду колоколомъ, а ты колокольней...—Матка, колокола или колокольни?“ Матки выбираютъ. Такимъ образомъ играющіе раздѣляются на двѣ равныя группы. Затѣмъ на землѣ вычерчивается квадратъ аршина въ полтора ширину. Въ середину этого квадрата кладется небольшая палочка — это и есть ч и ж ъ. Чижъ накатывается другою палочкою и затѣмъ подшибается. Каждый ударъ по чижу считается за т р и. Играющіе напередъ уговариваются „досколки“ они играютъ— до пятидесяти, до ста и т. д. Одна группа играющихъ становится у „чижа“, другая „въ полѣ“. Каждый изъ лицъ первой группы накатываетъ и подшибаетъ чижъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не будетъ кѣмъ-либо изъ лицъ второй группы выброшенъ въ начертанный на землѣ квадратъ. Чижъ бросается съ того мѣста, куда улетитъ отъ навесеннаго по нему удара. Если чижъ кѣмъ-либо изъ ребятъ второй группы будетъ пойманъ на воздухѣ, то все набитое первой группой пропадаетъ—„сгорѣло“. Когда партія кончена, т. е. когда одна изъ группъ „набила“ до опредѣленнаго числа, а вторая партія ее усѣла „набитого“ сквитать,—то группѣ, проигравшей партію, задаются „скачки“: каждый мальчуганъ этой группы скачетъ на одной ногѣ до того мѣста (и обратно), куда забьетъ чижъ сговаривавшіяся съ нимъ товарищъ.

Игры ребятъ „въ бабки“ или „козны“, „въ лапту“, „въ чехарду“ и „въ чушки“ я описывать не буду, въ виду ихъ общеизвѣстности, а перейду къ играмъ дѣвчатъ.

Игра—м е д о м ъ и с а х а р о м ъ. Дѣвчочки становятся другъ противъ друга и подаютъ одна другой руки. Остальныя вытягиваются веревочкой — становятся „тигалою“ — и под-

ныриваютъ подъ руки первыя. Последнюю въ ряду дѣвочку спрашиваютъ: „къ кому хочешь, къ меду, или сахару“? Дѣвочка переходитъ. Веревка дѣвчатъ снова подныриваетъ подъ руки, теперь уже въ обратномъ противъ прежняго порядкѣ, и т. д. Когда всѣ дѣвчата подѣлятся между „медомъ“ и „сахаромъ“, выбирается длинная палка; обѣ группы дѣвчатъ берутся за палку, одна съ одной а другая съ другой стороны, и тянутся: въ комъ силы больше?

Игра—краской. Дѣвочки, избравъ изъ среды себя ангела и черта, становятся въ рядъ. Каждой дѣвочкѣ присвоится названіе какой либо краски; одна—синяя,—другая—зеленая и т. д. По ряду ходятъ „ангелъ“ и „чертъ“. „Ангелъ“ говоритъ:—стукъ, стукъ подъ окномъ. Его спрашиваютъ.—„Кто тамъ?“—Ангелъ.—„За чѣмъ пришелъ?“—За краской.—„За какой?“—За зеленой. Зеленая краска переходитъ къ „Ангелу“. Ходитъ по ряду и „чертъ“. Стукъ, стукъ подъ окномъ.—„Кто тамъ?“—Я, чертъ съ рогами, съ горячими сковородами.—„За чѣмъ пришелъ?“—За краской.—„За какой?“—За красной. Красная краска переходитъ на сторону „Черта“. Такимъ образомъ, дѣвочки подѣляются между „ангеломъ“ и „чертомъ“. Игра заканчивается, какъ и предыдущая.

При игрѣ Мизинкой дѣвочки также раздѣляются на двѣ стороны. Одна сторона становится лицомъ къ стѣнѣ или къ плетню и зажимаетъ глаза. Другая избираетъ изъ своей среды „Мизинку“ и отправляется ее прятать, часто совсѣмъ на другой конецъ села. Затѣмъ обѣ стороны ходятъ по селу и выкрикиваютъ: Мизиня, Мизиня! Когда шущія поравняются съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ спрятана „Мизинка“, последняя выскакиваетъ изъ своей засады и стремительно бѣжитъ по направленію къ своимъ; противоположная сторона старается ее перенять. Если это ей удастся, то право избрать „Мизинку“ на слѣдующій конъ игры переходитъ на эту сторону.

При игрѣ слѣпымъ пѣтухомъ одной дѣвочкѣ завязываютъ глаза. Затѣмъ на землѣ начерчивается дозольно большой кругъ и всѣ играющія входятъ въ этотъ кругъ.

Дѣвочка ловить играющихъ. Играющія не могутъ выходить за черту круга. Пойманная и сами обращаются въ „слѣпыхъ пѣтуховъ“.

Игра—К о с т р о м о й. Избирается К о с т р о м а и м а т к а. Кострома стоитъ на одномъ мѣстѣ. Остальныя дѣвочки подъ предводительствомъ „матки“, вытянувшись веревкой, кружатся вокругъ нее при пѣніи пѣсенки:

Кострома моя,
Костромушка!
У Костромушки
Кисель да блины,
Подъ головушкой
Канути да свѣчи.
Ты горы, свѣча,
При бѣдности.

Когда пѣсенка пропѣта, всѣ дѣвочки становятся въ кругъ. „Кострома“ подходит къ каждой изъ нихъ и говоритъ:— „пусти вочевать“. И неизмѣнно получаетъ въ отвѣтъ одно и то-же.— „Некого цѣловать. Кошка оботилась, зотятъ некуда дѣвать“. Получивъ отказъ въ почлегѣ, Кострома начинаетъ ловить дѣвочекъ. Послѣ всѣхъ ловить „матка“, которую „глушатъ“ и заставляютъ назвать имя жениха.

Татарскій плетель. При этой игрѣ дѣвочки встаютъ рядъ и берутся за руки. М а т к а ведетъ за собой весь рядъ дѣвушекъ и подныриваетъ подъ руки стоящей на другомъ концѣ пары. Тѣ перевертываются. Далѣе „матка“ подныриваетъ подъ руки второй пары и т. д. Въ концѣ концовъ получается то, что каждая дѣвочка держится съ другой дѣвочкой лѣвой рукой, перекинутой чрезъ правое плечо. Когда „плетель“ завить его начинаютъ развивать. Во время игры поется пѣсенка:

Вейся, ты вейся,
Капустка моя!
Вейся, ты вейся,
Вилочка моя!

Какъ мнѣ, капустаѣ,
Не вѣтися?
Какъ мнѣ, вишовой,
Не свиватися?
Вечерь на капусткѣ,
Вечерь на вишовой—
Частый, сильный дождикъ.

И. Нечаевъ.

ГОРОДЪ КУРМЫШЪ ВЪ XIV—XVIII ВѢКАХЪ ¹⁾.

Визженіе Руси на востокъ, начавшееся еще во времена первыхъ князей, послѣ построенія Нижняго Новгорода (1221 г.) надолго было прервано татарскими погромами. Только чрезъ сотню лѣтъ Русь настолько оправилась отъ нестроений, вызванныхъ татарскимъ нашествіемъ, что получила возможность при защитѣ восточныхъ окраинъ перейти въ наступленіе.

Въ 1367 г. на Нижегородское княжество сдѣлалъ набѣгъ ордынской князь Булакъ-Темиръ, завладѣвшій предъ тѣмъ Болгарской землей. Булакъ Темиръ опустошилъ Городецкія волости и пошелъ было на Нижній, но князя Борися и Дмитрія Константиновичи общими силами прогнали татаръ за р. Пяну. Булакъ-Темиръ бѣжалъ въ Золотую Орду и былъ тамъ убитъ по приказанію хана Агиса, а въ Болгарской землѣ захватилъ власть князь Асанъ. Въ 1370 г. по приказу хана Мамай кн. Дмитрій Константиновичъ Суздальскій послалъ брата, кн. Бориса, и сына, Василія, съ большою ратью на

¹⁾ Въ предлагаемомъ очеркѣ мы имѣли намысли положить исторію одного изъ этаповъ великаго пути, пройденнаго Русью въ движеніи ея на востокъ, — маленькаго городка Симбирской губерніи, игравшаго нѣкогда на восточной окраинѣ Руси такую же роль, какую исполняютъ нынѣ среднеазиатскія наши твердыни. Разсказъ нашъ не можетъ претендовать на полноту и обстоятельность, что зависитъ отъ отрывочности попавшихъ въ печать свидѣній о прошломъ Курмыша. Случайно уцѣлѣвшія и случайно же напечатанныя грамоты смутнаго времени, писцовая книга, отрывочныя извѣстія летописи и кое-какіе акты, наконецъ, нѣкоторыя преданія о Пугачевщинѣ, услышанныя отъ старожиловъ, — вотъ тѣ данныя, на которыхъ основанъ нашъ очеркъ.

болгарскаго Асана ¹⁾). Русскіе, хотя и взяли отъ Асана дары, но свергли его и поставили княземъ „Салтанъ-Бегова сына“.

Воюя по приказу Мамай, князья не ограничились лишь полученіемъ даровъ отъ Асана, но постарались и о расширеніи своей территоріи на счетъ болгарскаго князька. Вскорѣ послѣ похода на Асана, князь Городецкій Борисъ Константиновичъ „постави себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нарече его именемъ Курмышъ“ ²⁾ (въ 1372 г.).

Курмышъ былъ построенъ верстахъ въ сорока отъ устья Суры на возвышенности лѣваго берега, омываемой съ двухъ сторонъ водами весенняго разлива рѣки. Сура въ то время протекала, вѣроятно, гораздо ближе къ городу, чѣмъ теперь. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ она, по словамъ старожиловъ, протекала въ ста саженьяхъ отъ города, нынѣ же отошла отъ него почти за версту.

Весьма вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ „городъ“, существовалъ уже поселокъ инородцевъ. Финскій корень слова „курмышъ“ даетъ право предположить, что на мѣстѣ Курмыша находилось вѣюгда финское селеніе, вѣроятно, мордовское. Рѣка Сура въ ппзовахъ своихъ является границей разселенія двухъ племенъ—мордвы и чувашъ. Последніе живутъ преимущественно по правому берегу Суры, мордва же встрѣчается исключительно на западъ отъ рѣки. Что въ окрестностяхъ Курмыша жила вѣюгда мордва, подтверждаетъ и то обстоятельство, что жители сосѣднихъ съ Курмышемъ селъ Шокпина и Кекина (васильсурскаго уѣзда, верстахъ въ пяти отъ Курмыша) сливуть у сосѣдей мордвой, хотя сами и считаютъ себя коренной Русью. На ту же мысль наводитъ и названіе одного изъ курмышскихъ озеръ—озера Мордва. Первое время послѣ постановленія города Курмышъ находился на окраинѣ повопріобрѣтенныхъ земель, представляя пограничный укрѣпленный пунктъ на юго-востокѣ княжества Нижегородскаго.

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 17.

²⁾ П. С. Р. Л., VIII, 19.

Границы нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ концѣ XIV вѣка можно приблизительно опредѣлять по жалованной граматѣ кн. Бориса Константиновича нижегородскому Спасскому (Благовѣщенскому) монастырю 1393 года ¹⁾. Грамотой этой князь пожаловалъ монастырю всѣ озера, рѣчки и бобровые горы ввизъ Сурою по рѣку Волгу отъ рѣчки Курмышки. Въ граматѣ перечислены пожалованныя монастырю озера (названія ихъ и теперь тѣже). Большая часть этихъ озеръ находится между Курмышемъ и Нижнимъ и только два озера лежатъ верстахъ въ семи къ югу отъ города (за р. Курмышкой).

Это обстоятельство позволяетъ предположить, что и граница нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ XIV вѣкѣ проходила не далѣе, какъ верстахъ въ семи-восьми на югъ отъ Курмышя.

Изъ упомянутой выше грамоты видно, что князь Борисъ Константиновичъ при заселеніи новыхъ земель прибѣгъ къ старому, испытанному средству, къ помощи монастырей, оказавшихъ впоследствии не малыя услуги въ дѣлѣ развитія гражданственности среди шпороческаго населенія Посурья. Князь Борисъ, отдавая угоды въ пользованіе Нижегородскаго монастыря, разрѣшилъ ему поселять крестьянъ на пожалованныхъ земляхъ и предоставилъ поселенцамъ этимъ льготы въ платежѣ пошлины, а также запретилъ курмышскимъ наместникамъ вмѣшиваться въ судъ и расправу монастырскихъ селеній ²⁾.

Мало по малу русскія владѣнія на Сурѣ увеличивались новыми землями не только по лѣвому, но и по правому берегу рѣки, какъ это видно изъ первой духовной великаго князя Василія Дмитріевича 1406 года ³⁾. „И дастъ Богъ“, говорится въ этой духовной „сыну моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ, иво княгинѣ моей изъ Новагоро-

¹⁾ Акты археограф. экспед., I, № 12.

²⁾ Записки археолог. общ., т. X.

³⁾ Собр. гос. грам. и договор., т. I, стр. 73. Нижегородское княжество было присоединено къ московскому въ 1393 г.

да половина пошлинъ новгородскихъ, да Курмышъ со всѣми селми и зъ бортью и съ путми и зъ пошлинами, и совсѣмъ, што къ нему потягло, и съ Алгашемъ; а въ Муромѣ ей сельце⁴.

Алгашъ, правый притокъ Суры, протекающей на юго-востокъ отъ Курмыша, укомпивается въ духовной отдѣльно отъ Курмыша и отъ того, „что къ нему потягло“. На основаніи этого можно заключить, что Алгашъ былъ присоединенъ вновь.

Послѣдующій ходъ присоединенія и колонизаціи Посурья въ XV вѣкѣ прослѣдить невозможно, потому что напечатанные до сего времени источники по исторіи Поволжья не даютъ никакихъ указаній относительно этого интереснаго вопроса. Лишь подъ 1446 годомъ снова встрѣчается въ лѣтописяхъ упоминаніе о Курмышѣ, именно въ повѣствованіи о войнѣ великаго князя Василія Васильевича Темнаго съ ханомъ Улу-Махметомъ.

Начиная съ походовъ Улу-Мухамеда, восточная окраина московскаго государства стала подвергаться частымъ набѣгамъ татаръ, которыхъ Улу-Махметъ сплотилъ около Казани. Въ это время Курмышъ имѣлъ, надо полагать, важное значеніе, какъ сторожевой пунктъ на юго-восточной границѣ Руси. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о Курмышѣ этого времени.

Весьма скудны также свѣдѣнія о Курмышѣ послѣ завоеванія казанскаго царства Иваномъ Грознымъ. Извѣстно только, что въ то время Курмышъ управлялся воеводами и что у него былъ свой уѣздъ, образовавшійся изъ новопріобрѣтенныхъ земель на югъ отъ города.

Въ годъ взятія Казани (1552) былъ основанъ на Сурѣ Алатырь, который вмѣстѣ съ основаннымъ ранее Васильевскомъ несъ такую же, какъ Курмышъ, сторожевую службу. Изъ Алатыря посылались разъѣзды по Сурѣ. Курмышъ послалъ свои „сторожи“ и на востокъ и на юго-западъ на Цву¹⁾.

¹⁾ «Симб. Сборн.», II, 11.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ городовъ въ Посурьѣ возникъ еще городъ Ядринъ (въ двѣдцати верстахъ къ сѣверу отъ Курмыша), названный такъ, по словамъ преданія, потому, что въ Ядринѣ лили ядра для войска Ивана Грознаго. Въ концѣ XVI вѣка въ курмышскомъ уѣздѣ возникло не мало селъ и деревень. Въ „граматахъ и отпискахъ“ 1611 г. упоминается нѣсколько курмышскихъ селъ вмѣстѣ съ нижегородскими селами Княгининымъ ¹⁾, Мурашкинымъ, Шершовымъ, возникновение которыхъ можно отнести тоже къ этому времени. Ранѣе покоренія Казани едва ли возможно было основаніе селъ и деревень въ этомъ краѣ, постоянно подвергавшемся нападеніямъ татаръ.

Семнадцатый вѣкъ гораздо богаче свѣдѣніями о Курмышѣ, нежели предшествующій. Отъ смутнаго времени сохранилось нѣсколько любопытныхъ данныхъ объ отношеніяхъ Курмыша къ „вору“.

Курмышъ, населенный, какъ и другіе окраинные города, вольничей, очень симпатизировалъ затѣямъ самозванцевъ.

Курмышане признали царемъ перваго самозванца, а за втораго начали было даже „войну“ съ казанцами. Вмѣстѣ съ алатырцами, ядрипцами, арзамасцами, темпковцами и касимовцами курмышане поднялись противъ Казани, не признававшей „тушинскаго вора“. Возстали противъ Казани также и инородцы: мордва, горные чуваши и черемисы. Въ отпискѣ казанскихъ воеводъ витчанамъ объ этомъ походѣ ²⁾ упоминаются въ числѣ „воровъ“ князя Еналѣйко Шугоровъ и Брюшейко Яникѣевъ, судя по именамъ, тоже инородцы.

Ополченіе двинулось къ Свияжску, чтобы, завладѣвъ имъ, напасть на Казань. Казанскіе воеводы Василій Морозовъ, Богданъ Бѣлинскій, Никифоръ Шульгинъ и Степанъ Дичковъ „послали изъ Казани въ горную сторону, на тѣхъ воровъ, головъ Осипа Зюзина да Ондreja Хохлова съ товарищи, а съ ними казанскую многую рать, дворянъ и дѣтей боярскихъ и

¹⁾ Нынѣ уѣздный гор. Нижегород. губ.

²⁾ Акты истор., II, № 114.

служилыхъ князей и мурзъ, и новокрещеновъ, и татаръ, и чювашу, и черемису, и вотяковъ, и лашевскихъ полоняниниковъ и бусорманъ, и казанскихъ многихъ стрѣльцовъ, съ огнепнымъ боемъ и съ нарядомъ; и марта въ 11 день писали... казанскіе головы, что они на тѣхъ воровъ пришли марта въ 10 день и Божьею милостію и Пречистыя Богородицы новоявленнаго образа пже въ Казапи, и великихъ казанскихъ чудотворцовъ Гурья и Варсонофья и всѣхъ святыхъ молитвами и государевымъ царевымъ, и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи счастьею, и всѣхъ ратныхъ людей ко государю прямою ихъ службою, тѣхъ воровъ въ горной сторонѣ, въ деревнѣ въ Бурундуковѣ, побили всѣхъ наголову, и многихъ поимали, и набаты и знамена ихъ взяли⁴.

Несмотря на неудачу подъ Бурундуковымъ, курмышане продолжали держать сторону самозванца даже тогда, когда въ Нижнемъ стало собираться ополченіе для похода въ Москву на поляковъ.

Отъ этого времени сохранились грамоты и отписки воеводѣ курмышскому Смирному Васильевичу Елагину 1611—1612 годовъ¹⁾, который самъ по себѣ интересенъ какъ типичный представитель дѣльцовъ смутнаго времени.

Грамоты и отписки эти показываютъ, сколько противныхъ теченій, шатавій отъ одного къ другому, мелкихъ споровъ и несправедливыхъ претензій приходилось преодолевать вождямъ нижегородскаго ополченія, прежде чѣмъ они могли двинуться въ походъ, чтобы „за православную христіанскую вѣру и за святую Божью церковь“ стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей. Дѣла нижегородскаго ополченія шли бы гораздо успѣшнѣе, если бы не рознь городовъ и не задержки со стороны дѣльцовъ, подобныхъ Елагину.

Чтобы отбояриться отъ посылки ратныхъ людей въ Польшу, у курмышскаго воеводы была одна отговорка—неимѣніе денегъ. А такъ какъ изъ Нижняго постоянно требовали рат-

¹⁾ Литоп. зап. арх. комм., вып. I

ныхъ людей, то Елагинъ сталъ посылать „для доходовъ“ въ чужіе уѣзды, полученныя же такимъ путемъ деньги куда-то исчезали безслѣдно. Въ семи грамотахъ (позъ двадцати трехъ) рѣчь идетъ объ этихъ самовольныхъ вторженіяхъ въ чужой уѣздъ, при чемъ повторяется настоятельное требованіе присылки „дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, казаковъ“ въ нижегородское ополченіе.

Елагинъ отправлялъ своихъ людей „для доходовъ“ въ нижегородскія села Княгинино, Шахматово, Мурашкино, послалъ какого-то Алешку Уварова „по великой и сильной московскаго государства боярь и воеводъ князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго и всей земли грамотъ въ Курмышскій уѣздъ, въ деревню Шершову“ затѣмъ, чтобы „отказати ту деревню дьяку Афонасью Овдокимову въ помѣстье со всѣми угодьми“.

Уваровъ доносилъ, что Шершовцы отказались признать своимъ помѣщикомъ дьяка Овдокимова на томъ основаніи, что они живутъ не въ курмышскомъ, а въ нижегородскомъ уѣздѣ и „за помѣщичьи-де не бывали ни за кѣмъ, сами-де мы земскую службу служимъ“.

Вторженія Елагина въ чужой уѣздъ вызвали нѣсколько грамотъ, одни другой энеричнѣе, отъ кн. Пожарскаго, дьяка Василія Юдина, Ивана Ивановича Биркина (казанскаго дѣтеля начала XVII вѣка, уѣхавшаго изъ Нижняго въ Казань, потому что ему „били челомъ Нижнева Новгорода всакіе люди, чтобы ѣхать въ Казань для ратныхъ людей“) и др. Въ грамотѣ (№ 5) отъ 25 дек. нижегородскіе вожди писали Елагину: „и впредь бы тебѣ въ нижегородскимъ уѣздѣ въ княгининскую и тихмаповскую волость не вступатися и въ Нижній къ намъ съ указомъ не писати, а въ Нижнемъ слушаютъ указъ изъ воугородскія чети за приписью дьяковъ Друговорылдина (?)“.

Въ слѣдующей грамотѣ (№ 6) нижегородцы, выведенные изъ терпѣнія уловками Елагина, пишутъ ему цѣлое поученіе объ обязанностяхъ гражданина, любящаго свою родину. „Все православное, христіанское вознство, говорится въ грамотѣ,

желаютъ за пмя Божіе умреть и битися до смерти а ты при-
силаешь для доходовъ! Кого тебѣ на Курмышѣ жаловать, а
хотя и есть кого, и тебѣ Курмышомъ однимъ не оборонить
Москвы. А вѣдаешь, господине, что все города согласилась
съ Нижнемъ, понизовые, и поморскіе и поволскіе и Рязань,
и всякія доходы посылаютъ въ Нижній Новгородъ и хотятъ,
прося у Бога милости, побороть и умереть за благочестивую
вѣру и за свои души. А какое учинится худо и взычнется
кровь твоею ссорою, и того всего Богъ възмездитъ на тебѣ, и
земскаго совѣту и здеса отъ бояръ и отъ всея земли отмщеніе
примешь*.

Очевидно, что въ Нижнемъ, сильно заподозрили Елагина
въ желаніи „учинить худо“, стать на сторону „воровъ“. Подо-
зрѣнія эти были вызваны, вѣроятно, заявленіемъ двухъ кур-
мышанъ Бориса Сипцова и Давида Гобылина о томъ, что
Смирной не велѣлъ идти на службу „Курмышскаго города
ратнымъ людямъ и татарамъ и чувашѣ и мордвѣ“,

Послѣ такого доноса Елагину оставалось открыто при-
соединиться къ той или другой партіи. Онъ предпочелъ бы,
кажется, принять приглашеніе арзамасскаго воеводы, который
звалъ его идти вмѣстѣ къ Москвѣ, по „казанскаго государства
служилые и жилецкіе люди“, узнавъ объ этомъ приглашеніи,
предупредилъ Смирного, что арзамасцамъ вѣрить нечего, „по-
тому что въ Арзамасѣ стрѣльцы заворовали. А буде ты, Смир-
ной, писали казанцы, учнешь впредъ такъ дѣлать, ратныхъ
людей собравъ, въ Нижней не пошлешь и съ казанскимъ госу-
дарствомъ учнешь рознь чинити—и мы, не ходя въ Нижней,
со всеми ратными людьми придемъ подъ Курмышъ и тебя
Смирнова взявъ отошлемъ въ Казань или въ Нижней Нов-
городъ. Да сослався съ Нижнемъ Новгородомъ, и надъ Арза-
масомъ учнемъ промыслати, чтобы воровъ отъ воровства и
крови пролитья увати*.

Еще до полученія арзамасской грамоты Елагинъ писалъ
въ Нижній, чтобы Сипцова, говорившаго „во весь міръ на
смуту“ о нежеланіи курмышанъ присоединиться къ нижего-

родскому ополченію, призвали для сыску въ Нижній. На это изъ Нижняго отвѣтили, что слѣдуетъ въ Нижній прислать и тѣхъ людей, которые „про то дѣло, про Бориса (Синцова) сказывали“.

Послѣ казанской грамоты Елагинъ рѣшилъ исполнить это требованіе нижегородцевъ. Онъ написалъ въ Нижній, что ему были челомъ „горной стороны торхапы и старосты и татарова и чуваша и черемисы“ и принесли къ нему челобитную на курмышанъ Бориса Синцова и Данилу Кобылина „о смыку въ смутномъ дѣлѣ“. Такимъ образомъ обвинители Елагина сами становились обвиняемыми. Смирной послалъ челобитниковъ вмѣстѣ со своей отпиской и челобитной въ Нижній. Но тамъ произошло совсѣмъ не то, чего хотѣлъ Елагинъ.

На допросѣ челобитникамъ прочтена была ихъ жалоба, и оказалось что они такой жалобы не писали и не подавали, „а знамена—де у тоя челобитныя не ихъ“. Послѣ разоблаченія новаго „захода“ Елагина, какому оказалась жалоба породцевъ на Синцова и Кобылина, кн. Пожарскій не медля написалъ объ этомъ „курмышевымъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, сотникамъ стрѣльцкимъ, стрѣльцамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ и государевымъ крестьянамъ“ и послалъ въ Курмышъ воеводой Дмитрія Жедринскаго съ дьякомъ Фомой Кутеповымъ.

Елагину оставалось только подчиниться приказу кн. Пожарскаго. Но и тутъ у Елагина нашлась отговорка. Онъ воспользовался опиской подъячаго, писавшаго грамоту кн. Пожарскаго, и не соглашался признать новаго воеводу, такъ какъ въ грамотѣ было написано, что новый воевода назначенъ „на Смирново мѣсто Мотвилова“. Часть курмышанъ поддерживала Елагина, но вскорѣ недруги стараго воеводы взяли верхъ и на земскомъ совѣтѣ признали воеводой Жедринскаго, который обѣщалъ Елагину наказать подъячаго, „по грѣхамъ“ прописавшаго Смирного Мотвилова вмѣсто Елагина.

Что дѣлалъ дальше крючкотворъ-воевода, „грамоты и отписки“ не говорятъ. Есть среди нихъ двѣ грамоты отъ сторонниковъ тушинскаго вора, засѣвшихъ въ Козмодемьянскѣ.

Эти грамоты, писанныя мѣсяца черезъ три послѣ смѣщенія Елагина, доказываютъ, что онъ сносился въ то время со сторонниками „вора“, продолжавшими величать его „государевымъ воеводой“. Сталъ ли онъ снова воеводой или въ Курмышѣ удержался Жедрянскій, — неизвѣстно.

Съ состояніемъ Курмыша въ началѣ XVII вѣка знакомитъ писцовая книга 1623—1626 годовъ¹⁾. Она начинается описаніемъ крѣпости, бывшей въ то время въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Вокругъ города „надохлобы“ обвалились, „а частику кругомъ города вѣтъ“. Въ 1618 году начали было ставить дубовый острогъ вокругъ посада, но острогъ этотъ „былъ, не додѣлавъ, покинутъ“. Угольная башня у воеводскаго двора сгорѣла. Вообще, какъ видно изъ писцовой книги, правительство не заботилось о поддержаніи курмышскаго „города“. Онъ не былъ уже нуженъ. Сторожевая служба Курмыша перешла въ то время къ Алатырю. Въ половинѣ же XVII в., съ устройствомъ сибирско-карсунской черты и построеніемъ городковъ Юшанска, Урена, Тагаз, Карсуна, Сухого Касуна, Малаго Касуна, Тольска, Алгаша и Сурскаго острога—Курмышъ оказался вдали отъ границы.

Кромѣ „города“ Курмышъ заключалъ въ себѣ посадъ и слободы казачью, стрѣleckую, ямскую и земскихъ посадскихъ людей. Названія слободъ ямской, казачьей и стрѣleckой сохранились до сихъ поръ (кромѣ этихъ слободъ въ XVIII в. возникла еще инвалидная слобода, въ которой поселились члены инвалидной команды).

Писцовая книга упоминаетъ слѣдующія находившіяся въ „городѣ“ церкви: соборную Успенія Пресв. Богородицы съ прудѣлами и церковь во имя Николая чудотворца, — церкви Рождества Пресв. Богородицы и Николая Чудотворца въ Рождественскомъ мужскомъ монастырѣ, бывшемъ на посадѣ. Въ монастырѣ этомъ стояло 11 келій, въ которыхъ жило 9 старцевъ съ игуменомъ Іоной. Въ концѣ казанской и стрѣleckой

¹⁾ Сибирск. Сборн., т. II.

слободы за недокованнымъ въ 1618 г. острогомъ былъ женскій монастырь Троицкій съ церковью живоначальной Троицы. Въ монастырѣ было 10 келій, въ которыхъ обитало 13 старицъ, „да двѣ кельи пустыхъ“.

Въ настоящее время монастырей въ Курмышѣ нѣтъ больше, но церкви за исключеніемъ Никольской, бывшей въ мужскомъ монастырѣ, существуютъ на тѣхъ же мѣстахъ, вѣроятно, что и въ XVII вѣкѣ. По церквамъ можно приблизительно опредѣлить мѣстоположеніе „города“, давно уже не существующаго („городъ“ курмышскій сгорѣлъ въ 1745 году).

Подробно перечисляя дворы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывая и число жителей мужескаго пола въ каждомъ дворѣ, писцовая книга даетъ возможность опредѣлить приблизительно число домовъ и жителей въ Курмышѣ XVII вѣка. Именно, по даннымъ писцовой книги, въ Курмышѣ въ 1623—1626 г.г. было 279 дворовъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ «городѣ».	Число дворовъ.	Число жителей м. п.
Восволскій дворъ (въ которомъ находилась съѣзжая изба, государевъ дворъ и четыре житницы)	1	—
Другихъ дворовъ (изъ нихъ 3 амбара и 14 житницъ)	28	—
На посадѣ.		
Кабакъ (изба кабацкая, погребъ съ напотребницею, пивоварня, заводъ кабацкой государевъ).	1	—
Дворъ «аманцкой»	1	—
Дворы вязничевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ ¹⁾	6	—
Въ казачьей слободѣ.		
Дворы казацкія	52	—
Дворовъ бобылей	2	3
Въ стрѣльцкой слободѣ.		
Дворы стрѣльцовъ	72	75
— бобылей	10	14

¹⁾ Кромѣ того, противъ большихъ крѣпостныхъ воротъ 25 лавокъ и полокъ.

— черкасскіе	8	8
— толмачевы	6	6
— пушкарскіе	6	9
— кузнецовъ	2	2
— плотниковъ	2	2
— пивоваровъ	1	2
Въ слободѣ земскихъ посадскихъ людей.		
Дворы черныхъ посадскихъ людей	21	29
— бобылей	7	8
Въ ямской слободѣ.		
Дворы ямщиковъ	20	31
Дворы бобылей при монастыряхъ	33	40

Изъ общаго числа 279 дворовъ 29 находилось въ „городахъ“, 8 (не считая лавокъ) на посадѣ, а остальные въ слободахъ. Въ 190 дворахъ указано число душъ, именно всего 239 чел. м. п. или, въ среднемъ, по 1, 25 жит. м. п. на 1 дворъ. Общую цифру народонаселенія Курмыша въ началѣ XVII в. можно, слѣдовательно, опредѣлить приблизительно въ 350 чел. м. п., а съ женщинами—до 700 чел.

Весьма вѣроятно, что въ то время число жителей Курмыша стало постепенно уменьшаться. Какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ писцовой книги, служилые люди составили болѣе двухъ третей всего населенія, а съ основаніемъ новыхъ укрѣпленій на симбирско-карсунской пограничной чертѣ они переводились, вѣроятно, на службу въ новые „города“. Число же дворовъ посадскихъ людей въ Курмышѣ увеличилось впродолженіи XVII в. очень незначительно. Въ 1623—1626 г.г. этихъ дворовъ было 21, а въ 1681 году—28 ¹⁾. Сбору съ посадскихъ лавокъ въ 1623 г. положено было 9 р. 15 алтынъ, а въ 1681 г.—25 р. 6 алт. 4 деньги.

Писцовая книга даетъ подробныя свѣдѣнія о поземельной собственности жителей Курмыша—стрѣльцовъ и казаковъ. Именно, согласно писцовой книгѣ, во владѣніи стрѣльцовъ и казаковъ находилось земли:

¹⁾ Сиб. Сборн. II, 12.

	В С Е Г О.		На 1 дворъ.	
	У стрѣльц.	У казаковъ.	(72 двора) у стрѣльц.	(52 двора) у казакъ.
Пашни въ полѣ.	200 четв.	600 четв.	2,77 четв.	11,53 четв.
Перелогъ.	50 —	300 —	0,69 —	5,76 —
Дякаго поля.	32 —	150 —	0,44 —	2,88 —
Лѣсу.	450 десят.	900 десят.	6,25 дес.	17,5 дес.
Сѣнокосовъ.	1500 копень.	5300 копень.	—	—

О жизни Курмыша съ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка и до конца XVIII въ напечатанныхъ доселѣ материалахъ извѣстій сохранилось очень немного. Надо полагать, что Курмышъ, лишенный съ проведеніемъ симбирско-карсунской черты своего былого стратегическаго значенія и переведенный на мирное положеніе, хирѣлъ все больше и больше. „Достопамятныхъ происшествій“ за это время, кромѣ волненій во время Разинскаго бунта и Пугачевщины, никакихъ, повидимому, не случилось. Объ обыденной же, такъ сказать, жизни Курмыша за указанное время сохранилось лишь два отрывочныхъ извѣстія, относящихся къ XVII вѣку, и нѣсколько болѣе—къ XVIII столѣтію.

Скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній о жизни въ старыя годы заещитъ отъ печальной участи, постигшей старыя курмышскіе документы и „дѣла“. Какъ намъ передавали, курмышскія „бумаги“ были отвезены для разборки въ Симбирскъ и тамъ сгорѣли во время пожара 1864 года. Оставшіяся же въ Курмышѣ старыя „дѣла“ или были употреблены на обертку товаровъ въ лавкахъ, или разобраны любознательными курмышанами для домашнихъ надобностей.

Упомянутыя нами два извѣстія о жизни Курмыша въ XVII вѣкѣ относятся къ 1633 и 1680 годамъ.

Въ 1633 году ¹⁾ въ Курмышъ, Ядринъ и Алатирь посланы были взятые въ плѣнъ подъ Смоленскомъ польскіе, ли-

¹⁾ «Акты историч.», III, № 219.

товскіе и нѣмецкіе люди. Воеводамъ и приказнымъ людямъ велѣно было „полоянниковъ держать и кормить и беречь“, чтобы „тѣ польскіе и литовскіе и нѣмецкіе люди не разбѣжались“. Въ Курмышѣ присланы были къ воеводѣ Ивану Нармацкому нѣмчинъ Григорій Франберекъ и полякъ Хриштопъ Ябловской, а къ подъячему Лукину—полякъ Парамонъ Малаховскій.

Въ 1680 году ¹⁾ въ Курмышѣ была учреждена таможня для товаровъ, шедшихъ на Макарьевскую ярмарку. Пошлины съ этихъ товаровъ шли въ пользу Макарьевского монастыря.

Во время Разинскаго бунта въ Курмышскомъ уѣздѣ, точно также какъ и въ сосѣднихъ Цивильскомъ, Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козмодемьянскомъ, волновались преимущественно инородцы. Они собрались было идти къ Разину, но послѣ первыхъ стычекъ съ войскомъ кн. Даниила Бяратинскаго инородческое ополченіе, состоявшее изъ 10,000 человекъ, разбѣжалось.

Бяратинскій изъ Козмодемьянскаго уѣзда черезъ Баспль-сурскъ пошелъ къ Ядрину, гдѣ встрѣтилъ неожиданно упорное сопротивленіе. Тамъ засѣло около пятисотъ казаковъ, которые сначала отчаянно защищались; увидѣвъ же, что Бяратинскій обладаетъ большими силами, казаки эти разбѣжались.

Отъ Ядрина Бяратинскій двинулся къ Курмышу, гдѣ находилось одна изъ разинскихъ шаекъ. Подъ начальствомъ казака Максима Осипова шайка эта пришла въ Курмышъ изъ Актыря и была встрѣчена съ большимъ почетомъ воеводой и жителями. Вслѣдствіе этого Курмышъ не былъ разграбленъ, а воевода остался на воеводствѣ. Пробывъ нѣсколько времени въ Курмышѣ, „курмышскій отаманшко“ Максимъ Осиповъ ушелъ (въ сент. 1670 г.) осаждать макарьевскій монастырь, оставивъ въ Курмышскомъ „городѣ“ часть своей шайки. Когда Бяратинскій подошелъ къ Курмышу, воровскіе казаки разбѣжались. Бяратинскій казнилъ наиболѣе виновныхъ курмышанъ, а остальныхъ привелъ къ присягѣ.

¹⁾ Сиб. Сборн., II, 12.

Во время бунта Стенька Разина Курмышъ уцѣлѣлъ. Не то было сто четыре года спустя, въ Пугачевщину, когда Курмышъ былъ почти совершенно разоренъ несмотря на поклядистость большинства его обитателей, присягнувшихъ на вѣрность самозванцу.

20 іюня 1774 года Пугачевъ пришелъ къ Курмышу пѣз-подъ Казани. Жители встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ-солью, съ образами и колокольнымъ звономъ. Преданіе рассказываетъ, что, вступивъ въ городъ, Пугачевъ велѣлъ прочесть въ соборѣ „манифестъ“. Послѣ чтенія манифеста былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ многолітіемъ царю Петру Ѳеодоровичу. Пугачевъ роздалъ чувашамъ казенное вино и соль, освободилъ преступниковъ изъ острога ¹⁾ и поставилъ курмышскимъ воеводой какого-то казака.

Впродолженіе восьми дней неистовствовали пугачевцы въ Курмышѣ. Прежде всего они принялись вѣшать не успѣвшихъ своевременно убѣжать дворянъ. Были повѣшены также начальникъ инвалидной команды Вас. Юрловъ, противъ воли котораго жители приняли самозванца, и одинъ унтеръ офицеръ, не захотѣвшій присягнуть Пугачеву. Жена Юрлова спаслась съ помощью своихъ дворовыхъ людей.

По словамъ преданія, Пугачевъ изъ всѣхъ дворянъ, захваченныхъ въ Курмышѣ, пощадилъ одного только малолѣтка—Бобоѣдова. Мальчика потащили было къ висѣлицѣ не смотря на мольбы его дядьки, когда одинъ изъ холоповъ Бобоѣдова, приставшихъ къ самозванцу, замѣтилъ, что жалъ вѣшать мальчика, потому что тотъ плясать хорошо умѣетъ. Пугачевъ сказалъ: „пусть попляшетъ на нашемъ царскомъ пиру; угодить, прощу“. Бобоѣдовъ „угодилъ“, дѣйствительно, своей пляской самозванцу и получилъ свободу.

Въ Курмышѣ и курмышскомъ уѣздѣ особенно много было умерщвлено священно-и церковнослужителей, именно священниковъ было убито 12 человекъ, дьяконовъ—10 при

¹⁾ Н. Я. Архистовъ. «Преламія объ истор. лицахъ и событіяхъ», Истор. Вѣстн., 1880, III, 5.

четниковъ — 16 ¹⁾). Это явленіе можно объяснить излишнимъ усердіемъ пнородцевъ, которые обнаружили сильную ненависть по отношенію къ духовенству и злобу выразили практически ²⁾).

Станъ Пугачевцевъ въ Курмышѣ былъ расположенъ у озера, прозваннаго впоследствии Рельскимъ (рели-висѣлицы). Казни совершались, кромѣ того, и на большой дорогѣ вблизи слободы Новой Деревни. На мѣстѣ этомъ было повѣшено, какъ рассказываютъ старожилы, восемнадцать человекъ. Теперь тамъ стоитъ небольшая часовенка.

Простоявъ восемь дней въ Курмышѣ, разграбивъ пожитки дворянъ и болѣе зажиточныхъ людей, Пугачевъ двинулся къ Ядрину, а въ Курмышѣ оставилъ шестьдесятъ холоповъ подъ начальствомъ четырехъ яцкихъ казаковъ. Вблизи Ядрина Пугачевъ узналъ, что противъ него идутъ правительственныя войска, и поспѣшно сталъ отступать къ Алатырю.

Преслѣдовавшій Пугачева графъ Меллинъ, направляясь къ Алатырю, выгналъ мятежниковъ изъ Курмыша, а захваченныхъ въ плѣнъ повѣсилъ, кромѣ самозваннаго воеводы, который былъ взятъ гр. Меллинымъ, какъ „языкъ“. Офицеры пивалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими не отъ искренняго сердца, но „для соблюденія интереса ея величества“. Они „слезно просили отпущенія сего невольнаго грѣха, ибо не что иное ихъ къ сему привело, какъ смертный страхъ“ ³⁾).

Кромѣ Пугачевщины въ исторіи Курмыша XVIII в. вѣтъ ничего выдающагося. Она сводится къ административнымъ перемѣнамъ. Въ 1708 г. Курмышъ былъ причисленъ къ казанской губерніи, въ 1719 г. сталъ уѣзднымъ городомъ сначала симбирскаго наместничества, а потомъ губерніи. Въ томъ же году городу былъ пожалованъ гербъ: въ зеленомъ полѣ два золотыхъ лука, положены крестомъ, „въ знакъ того, что обитате-

¹⁾ Пушкинъ. «Исторія Пугачевск. бунта».

²⁾ Арястовъ. «Преданія».

³⁾ Пушкинъ. Истор. Пут. бунта».

ли снхъ мѣсть употребляли сіе орудіе съ отличнымъ проворствомъ.

Куришъ долго не могъ оправиться послѣ Пугачевского разоренія. Въ географическомъ словарѣ Новикова 1788 г. (томъ II) о Куришѣ говорится, что въ немъ жителей 595 (изъ нихъ мѣщанъ 53), церквей каменныхъ 4 и деревянныхъ 3, лавокъ и амбаровъ 10, домовъ — 294, немногихъ болѣе, чѣмъ въ 1624 году... „Словарь“ почему-то считаетъ Куришъ „достоиннымъ упоминанія по состоящей въ ономъ нивалидной командѣ“.

И. сілкс.мбъ.

БАШКИРЪ САЛАВАТЪ ЮЛАЕВЪ,

ПУГАЧЕВСКІЙ БРИГАДИРЪ, ПѢВЕЦЪ И ИМПРОВИЗАТОРЪ.

(Окончаніе).

Исторія Салаватовской исторіи разыгрывается въ Москвѣ въ тайной экспедиціи. Шешковскій допросилъ Юлая и Салавата чрезъ переводчика, эсаула Уральскаго казачьяго войска.

Салаватъ показалъ: въ 1773 году зимою по приказу отца съ 90 чел. башкиръ отправился онъ на Стерлитамакскую пристань къ Александру Богданову. Богдановъ велѣлъ ему идти къ осажденному злодѣями Оренбургу, на помощь къ генералу Кару, и далъ ему въ команду башкиръ и вѣрныхъ мещеряковъ до тысячи двухъ сотъ человекъ. Съ той командой близъ г. Оренбурга, не доходя одной версты до дер. Беккуловой, спя былъ атакованъ злодѣйскими Пугачева толпами въ 2000 чел., при двухъ пушкахъ и вынужденъ былъ отдаться плѣннымъ. Атаманъ злодѣйскихъ шаекъ Овчинниковъ отправилъ его съ командой въ слободу Берду къ самому Пугачеву. Пугачевъ велѣлъ Салавату и его командѣ служить у себя, угрожая смертию. Салаватъ и вся его команда, убоясь смерти, невольно остались служить Пугачеву. Однакоже онъ служилъ у Пугачева хотѣлъ вмѣстѣ бѣжать и однажды убѣжалъ было въ Оренбургъ къ вѣрнымъ войскамъ, но его поймали япцгіе казаки и кололи его. Казаки убили бы его, еслибы не подошли

башкиры и не отбили сплюю. Когда Пугачевъ началъ въ своихъ шайкахъ назначать начальниковъ, назначилъ и его. У отца въ домѣ онъ былъ только двое сутокъ, такъ какъ не имѣлъ возможности набирать башкиръ: набиралъ ихъ и еще прежде его прибытія домой возмущилъ въ Уфимской провинціи народъ посланный Пугачевымъ Иванъ Грязновъ. Узнавъ о приближеніи Грязнова, отецъ его, Салавата, Юлаѣ скрылся изъ дому, а Грязновъ многія селенія пожогъ и крѣпости побралъ. Будучи възлудѣйскихъ толпахъ, онъ Салаватъ самъ собою и своєю волею никого не убивалъ; злодѣю Пугачеву усердно служилъ и сражался потому, что считалъ его Государемъ и боялся смертной казни. До этого времени онъ Салаватъ не былъ ни судимъ ни за что, ни наказанъ и ни въ чемъ не замѣченъ, а жить онъ мирно при отцѣ своемъ Юлаѣ.

4 Марта 1775 Шешковскій допросилъ содержавшагося въ тайной экспедиціи по Пугачевскому бунту башкирскаго старшину Булеа Балтачева о томъ, что ему извѣстно о Юлаѣ и Салаватѣ Балтачевѣ показалъ, что Салаватъ многое утаилъ: во 1-хъ онъ самъ охотой принялъ отъ Пугачева чинъ полковника и команду, съ которою при немъ сжегъ и разорилъ Осу; во 2-хъ Салаватъ сжегъ и разорилъ многія селенія и вездѣ производилъ убійства.

Дер. Балтачевой вотякъ Екимовъ показалъ, что весной 1774 г. Салаватъ съ большою толпою разтѣзжалъ по деревнямъ, вездѣ забирая на службу Пугачеву волею и сплюю, а селенія многія разорилъ и пожегъ, а дер. Балтачева вся была взята Салаватомъ и пошли съ нимъ къ дер. Имангуловой, гдѣ Салаватъ сражался съ посланной противъ него воинскою кохандой и былъ разбитъ.

Дер. старой Тертяковой черемисъ Иштубай Ишбулатовъ— что весной 1774 г. въ ихъ деревню пріѣзжалъ башкиръ Бахтиаръ съ 300 ч. башкиръ и объявилъ указъ бригадира Салавата Юлаева о наборѣ людей въ пугачевскую шайку и взявъ по тому указу изъ ихъ деревни 200 чел. отправился въ Бирскъ.

Дер. Бурнашевой черемшпъ Назбай Ямбаевъ—что по тому же Салаватову указу онъ взятъ изъ своей дер. Бахтияромъ подъ Бирскъ, а оттуда съ шайкой въ числѣ 100 чел. посланъ на Уфимскую дорогу для развѣдыванія о дѣйствіяхъ Михелсона, почему всѣ они 100 чел. стояли въ полѣ по Іюль мѣсяцъ, а къ нимъ въ то время пріѣхалъ Салаватъ и пожаловалъ его Ямбаева полковникомъ, въ чемъ и выдалъ ему на татарскомъ языкѣ письмо (патентъ или удостовѣреніе).

Дер. Узяковой черемшпъ Бухарметъ Буйханровъ—что лѣтомъ 1774 года въ ихъ деревню за наборомъ людей въ пугачевскія шайки съ указомъ Императора Петра III пріѣзжали Салаватъ Юлаевъ и съ нимъ пугачевскіе полковники башкиры Токаевъ и Сергѣевъ и онъ Буйханровъ былъ ими взятъ и пошелъ за ними въ село Касево, которое Салаватъ сожегъ, и потомъ онъ Буйханровъ былъ вездѣ съ Салаватомъ, покуда не дошли до р. Камы, а отсюда онъ Буйханровъ бѣжалъ.

Все здѣсь изложенное Шешевской представилъ на усмотрѣніе генераль-прокурора князя Александра Александровича Вяземскаго. Князь отослалъ Юлая и Салавата за строгимъ карауломъ въ Оренбургъ къ губернатору Рейнсдорпу при письмѣ, въ которомъ рекомендовалось: 1) относительно Юлая тщательно развѣдать, по своей ли волѣ онъ участвовалъ въ злодѣяніяхъ Пугачевцевъ; если-бы оказалось, что онъ былъ въ къ этому вынужденъ, то не подвергать его наказанію, 2) относительно Салавата точно установить всѣ сдѣланныя имъ злодѣянія, и буде при вышесказанномъ изслѣдованіи обвиненъ онъ будетъ во всѣхъ злодѣяніяхъ и убійствахъ вѣрными и точными доказательствами, то въ такомъ случаѣ сдѣлать рѣшеніе, чтобы былъ въ страхъ другимъ злотворцамъ наказанъ, какъ злодѣй, во всѣхъ тѣхъ городахъ и башкирскихъ селеніяхъ, гдѣ отъ него сакого злѣйшаго варварства и убійства происходили, и наконецъ въ послѣднемъ селеніи поступить съ нимъ по состоявшемуся въ 1754 году Мая 13 дня указу и послать вѣчно въ каторжную работу въ Рогервикъ. Еслижъ паче чаянія въ злѣйшихъ убійствахъ и тиранствахъ

какой страхъ
іе, но и мно-
тѣхъ, кото-
убиваль са-
тъ, загоня въ

напія о Юлаѣ
аріи коллеж-
дль отобранны
хъ волостей и
ѣ 200 чел. по-
и Салавата въ
дали все, о чемъ

ичномъ казематѣ
икомъ начальствен-
смотря на обыски
га. Магистратъ по-
Уфѣ пижметъ база-
выходило на улицу,
вшетками. Однажды
у башкира, который
смотрѣлъ на тюрем-
дверяхъ, сталъ про-
низона Ефима Федорова
атарское письмо башки-
аго магистратскаго дома
родной дядя, а въ письмѣ
на харчи, да просилъ я
прислалъ мнѣ рубахъ, и
мько его смѣнили съ часовъ,
заннаго башкира, тѣсно ли
это письмо. Письмо попало
цѣ было много). Назвавшій се-
де башкиръ Уфимскаго уѣзда,

онъ Салаватъ не обличится, то наказать его, ваше превосходительство, можете равняясь винамъ его и тамошнимъ вѣдѣмъ въ Башкиріи обстоятельствамъ, ибо самое правосудіе требуетъ, чтобы о подсудимомъ въ какомъ бы онъ преступленіи оглашенъ не былъ, но во ономъ прежде надлежитъ его обличить, а потомъ уже судьбу его рѣшить, но не по однимъ однакожъ токмо слухамъ, а по существу доказательствъ въ самомъ дѣлѣ преступленія его^а.

Уфимская провинціальная канцелярія 5 мая 1775 года постановила для разузнанія въ Уфимской провинціи о всѣхъ дѣйствіяхъ Юлая и Салавата отправить нарочнаго чиновника, а Юлая и Салавата вновь допросить.

Генералъ майоръ Фрейманъ при отношеніи 1 Мая 1775 г. препроводилъ въ провинціальную канцелярію рапортъ подполковника Аршеневскаго, изъ содержанія коего значится, что послѣ поймки Пугачева въ Ноябрь 1774 г. чинили въ Уфимской провинціи бунты еще десять башкирскихъ волостей и главнымъ дѣятелемъ бунта былъ Салаватъ Юлаевъ. Будучи посланнымъ съ отрядомъ на усмиреніе этихъ башкирскихъ волостей, когда уже возстаніе во многихъ мѣстахъ въ Уфимской провинціи, по Сибирской и Осинской дорогамъ, было усмирено, онъ узналъ, что многіе изъ главныхъ виновниковъ бунта скрываются въ лѣсахъ, не смотря на зимнее время, потому, для поймки ихъ, онъ послалъ отъ себя команду, подъ начальствомъ поручика Лѣсковскаго. Эта команда 24 Ноября 1774 года г. поймала въ лѣсу скрывавшагося тамъ башкира, но одного, безъ товарищей, и доставила къ нему, расположившемуся близь того мѣста, гдѣ пойманъ былъ тотъ башкиръ, въ дер. Калмыковой. На допросѣ башкиръ открылъ, что онъ Салаватъ Юлаевъ и что, уже не видя никакаго средства къ спасенію, рѣшился до времени укрываться здѣсь, но если услышитъ, что подходятъ войска, то намѣренъ былъ горамъ пробраться въ киргизскую степь; тоже самое хотѣли сдѣлать по словамъ Салавата и многіе изъ бунтовщиковъ. Послѣ поймки Салавата и отправленія его въ Оренбургъ къ Томашеву,

онъ, проходя разными селеніями, вездѣ слышалъ, какою страхъ на всѣхъ нагнало имя Салавата. Не только русскіе, но и многіе изъ башкиръ и ипородцевъ радовались. Всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли принять участіе въ бунтѣ, Салаватъ убивалъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: вѣшалъ, сожигалъ, загоняя въ избы не щадя ни пола, ни возраста.

Посланный для производства на мѣстѣ дознанія о Юлаѣ и Салаватѣ, переводчикъ провинціальной канцеляріи коллежскій регистраторъ Федоръ Третьяковъ представилъ отобранныя имъ отъ башкиръ и другихъ ипородцевъ разныхъ волостей и селеній Сибирской и Омской дороги въ числѣ 200 чел. показанія. Всѣ эти показанія обличали Юлаю и Салавата въ извѣстныхъ уже намъ дѣйствіяхъ и подтверждали все, о чемъ писалъ Аршеневскій.

Сидя въ строгомъ заключеніи въ одиночномъ казематѣ Уфимскаго магистрата, Салаватъ зналъ о всякомъ начальственномъ распоряженіи и по своему дѣлу; не смотря на обыски и запрещенія у него были чернила и бумага. Магистратъ помѣщался на такъ называемомъ теперь въ Уфѣ нижнемъ базарѣ и окно каземата, гдѣ сидѣлъ Салаватъ выходило на улицу, хотя оно не растворялось и было съ рѣшетками. Однажды Салаватъ увидѣлъ въ окно знакомаго ему башкира, который остановился не далеко отъ магистрата и смотрѣлъ на тюремное окно. Салаватъ, чрезъ окошечко въ дверяхъ, сталъ просить часоваго, солдата Уфимскаго гарнизона Ефима Федорова Чудянова, передать написанное имъ татарское письмо башкиру, который стоитъ теперь около сааго магистратскаго дома у крыльца, что этотъ башкиръ его родной дядя, а въ письмѣ писано, чтобы онъ прислалъ денегъ на харчи, да просилъ а его, говорилъ Салаватъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ рубахъ, и весь обносился. Чудяновъ, какъ только его смѣнили съ часовъ, вышелъ на улицу и спрося указанного башкира, точно ли онъ дядя Салавата, отдалъ ему это письмо. Письмо попало не тому лицу (башкиръ на улицѣ было много). Назвавшій себя дядей Салавата былъ тоже башкиръ Уфимскаго уѣзда,

Сибирской дороги, дер. Мухаметовой, Мухаметъ Кучуновъ; онъ явился въ Уфу съ бумагой къ воеводѣ отъ генерала Фреймана, которому донесъ о намѣреніи Киргизъ, пользуясь смутнымъ временемъ, прорваться съ цѣлю грабежей и разоренія въ Уфимскую провинцію. Фрейманъ велѣлъ Кучунову это допесеніе подтвердить отъ себя воеводѣ. Кучуновъ представилъ Салаватово письмо въ провинціальную канцелярію.

Уфимская провинціальная канцелярія, закончивши слѣдствіе, представила Оренбургскому губернатору экстрактъ слѣдственнаго дѣла и свое заключеніе. 16 Іюля губернаторъ утвердилъ приговоръ: Юлая и Салавата за всѣ ихъ уже извѣстныя злодѣйства наказати кнутомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ими совершено болѣе преступныхъ дѣйствій, давъ слѣдующее число ударовъ: Юлаю на Симскомъ заводѣ сорокъ пять, Катавъ-Ивановскомъ заводѣ сорокъ пять, на Усть-Катавскомъ сорокъ пять, въ дер. Орловкѣ сорокъ ударовъ. Салавату на Симскомъ заводѣ дватцать пять, въ дер. Юлаевой дватцать пять, въ Красноуфимскомъ дватцать пять, въ Кунгурѣ дватцать пять, Осѣ дватцать пять, близъ Елдыка, гдѣ онъ сражался съ полковникомъ Рыльевымъ, дватцать пять и съ послѣдняго мѣста наказаніи—Юлая съ дер. Орловки, а Салавата съ Елдыка—заклеймивъ и вырѣзавъ ноздри, отправить въ Уфу для дальнѣйшаго отправленія Юлая и Салавата въ ссылку въ каторжную работу въ Балтійскій портъ или Рогервикъ павѣчно.

Провинціальная канцелярія пришла къ заключенію, что при исполненіи приговора Юлая и Салавата башкиры могутъ отбить и постановила отнестись къ начальнику прибывшихъ въ Уфимскую провинцію армейскихъ войскъ, генералъ-маіору Фрейману о нарядѣ для экзекуціи военной команды. Юлай и Салаватъ выдержали страшное наказаніе безъ медицинской помощи.

21 Сентября 1775 года Юлая и Салавата потребовали въ присутствіе провинціальной канцеляріи и при этомъ оказалось—оба не заклеимены ноздри не вырваны!! Потребовали Третьякова; тотъ объявилъ, что клейми почему

то изгладились, а ноздри заросли, потому, видно, что клейма и щипцы были уже не годны къ употребленію.

Провинціальная капцелярія постановила: Юлая и Сазавата заключить въ ея присутствіи и вырѣзать поздри; палачу Мартыну Суслову за продерзость учинить паижесточайшіе наказаніе плетьми; коллежскому регистратору Третьякову сдѣлать въ присутствіи строгій выговоръ и впредь ему никакихъ особыхъ дѣлъ, кромѣ его должности, отнюдь не поручать.

Такъ закончилась бурная дѣятельность башкирскаго поэта и борца.

Р. Игнатьевъ.

МОРДВА.

ИСТРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА ІУ.

Культъ предковъ. Возвръненіа изъ смерти и погребальныя обряды.

амымъ крупнымъ переживаніемъ родового быта является культъ предковъ. Всмотриваясь въ обряды, которыми сопровождаются важнѣйшіе моменты въ жизни мордовской семьи, изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что родъ, воля котораго обазывается нужной въ эти моменты, не ограничивается живыми представителями его. Согласіе и благословеніе на то или другое предпріятіе испрашивается не у живыхъ только родичей, но и у тѣхъ, которые перешли въ иную жизнь — у нихъ даже въ большей степени, чѣмъ у живыхъ. Дѣды, прадѣды, самые отдаленные предки, которыхъ помнитъ данная семья или данный родъ, призываются въ важныя минуты жизни также обязательно, какъ обязательно младшій членъ семьи обращается за совѣтомъ или разрѣшеніемъ къ старшему. Эта непрерывность рода, эта живая связь, соединяющая самыхъ отдаленныхъ его представителей съ позднѣйшими поколѣніями является результатомъ тѣхъ возврѣній на смерть, которыя Мордва раздѣляетъ съ остальными восточными финнами. Поэтому прежде, чѣмъ излагать тѣ явленія,

въ которыхъ выражается культъ предковъ, мы считаемъ нужнымъ выяснитъ съ возможной полнотой и точностью мордовскія воззрѣнія на смерть и загробную жизнь. Воззрѣнія эти съ особенной ясностью сказываются въ погребальномъ ритуалѣ. На слѣдующихъ ниже страницахъ мы попытаемся возстановитъ существенныя черты его, собирая обломки, уцѣлѣвшіе въ современныхъ обычаяхъ Мордвы. Дополнимъ къ этому главному матеріалу послужить произведенія народнаго творчества—пѣсни, сказки, причитанія, въ которыхъ затрогивается тема смерти. Точкой отправленія мы избираемъ моментъ, когда положеніе больного становится безнадежнымъ и его кончина представляется неизбежной. Съ поведеніемъ родичей въ предшествующіе моменты болѣзни мы познакомятся познѣе, въ главѣ о вѣрованіяхъ. — Когда больной по всемъ признакамъ близокъ къ смерти, родные спѣшатъ поставить на огонь чашку съ водой — по одному толкованію для того, чтобы душа умершаго, выйдя изъ тѣла, имѣла возможность омыться ¹⁾, по другому для того, чтобы въ ней могла омыть свое оружіе смерти. Одновременно съ этимъ изъ подъ больного вынимаются цѣпни принадлежности постели и вѣшаются мѣсяца на три на печкѣ, „чтобы не попрятчилось“. Затѣмъ, въ былое время въ Инсарскомъ уѣздѣ, старшій въ домѣ бралъ ножъ, махалъ имъ кругомъ умершаго и гошилъ по шеѣ, груди и погамъ его. Эти дѣйствія означали, по толкованію рассказчиковъ, что смерть изрѣзала умершаго на части. Съ послѣднимъ вздохомъ умершаго съ него осторожно, стараясь не разорвать, снимаютъ всю одежду: въ Саратовской губерніи ее связываютъ кунакомъ, которымъ покойный подпоясывался при жизни, и вѣшаютъ надъ тѣмъ мѣстомъ, куда должны придтись поги екокойника, когда его положить въ передній уголъ ²⁾; въ Инсар-

¹⁾ А. Н. Милль, Народные обычаи етс. крестьянъ Сарат. гуо. Спб. 1890, стр. 113. Въ Саратовской губерніи держится убѣжденіе, что знахарки вилали, какъ комкала въ воду въ эгилъ чашкала, когда изъ больного выходила душа.

²⁾ Рукоп. описаніе быта Мордвы с. Наскафтыма, доставленнаго намъ покойнымъ А. П. Соколовымъ.

скомъ въ близое время ее сжигали. Въ ноги усопшей женщины клали серпъ, дѣвущей съ серпомъ, скульгамъ и перстень въ знакъ того, что она должна выйти замужъ на томъ свѣтѣ. Женщины изъ дома умершаго обязываютъ себя (въ Сергачскомъ уѣздѣ) въ знакъ печали голову полотенцами и пачкають причитать ¹⁾. Къ усопшему, лишь только огласится вѣсть объ его кончинѣ, стекаются со всей деревни поѣстители, преимущественно женщины. Каждый поѣститель, каждая поѣстительница несутъ съ собой въ даръ блиновъ, хлѣба, соли, пуре, по грошику денегъ. Дары эти въ однихъ мѣстахъ сами поѣстители кладутъ на столъ (блины) или на око (деньги) — въ другихъ передаютъ специально выбраннымъ на этотъ случай старику или старухѣ ²⁾. Въ Городищенскомъ уѣздѣ деньги приносятъ только мужчины и кладутъ на кавать. О принесенныхъ подаркахъ сообщаютъ покойнику — въ однихъ мѣстахъ лично тотъ, кто принесъ, въ другихъ особо выбранный старикъ или старуха, которые каждый разъ при сообщеніи кланяются умершему. Мопетку, которую принесъ прощающийся родственникъ или сосѣдъ, скоблятъ надъ лицомъ умершаго и приговариваютъ: „вотъ тебѣ деньги, сдѣлай на нихъ все, что хочешь; пойдешь, можетъ быть, въ бесѣду, на крестины, на свадьбу, поворожи (?) за насъ (живыхъ)“ ³⁾. По другимъ извѣстіямъ старикъ, скобли мопету, обращается къ раѣе умершимъ родичамъ: „родители, дѣдушки, бабушки! Вотъ мы посылаемъ вамъ сорокъ фунтовъ мѣли, сорокъ фунтовъ серебра, полную коробку серебра (табаку и вина)“ ⁴⁾. Сѣднее въ Городищенскомъ уѣздѣ раздѣляется на два стола: одинъ служить для угощенія поѣстителей, другой для гостей — покойниковъ.

Пока въ избѣ происходитъ прощаніе съ умершимъ родственникомъ и сосѣдей, на дворѣ для него готовится

¹⁾ Ниж. Ел. Вѣд. 1893, № 13, стр. 346.

²⁾ Мнхъ. I, с. 131. Голымынь. Сарат. сборн. т. I, стр. 192.

³⁾ Майновъ. Les restes etc. etc. Голымынь (I, с.) гауно говорить, что старикъ поминаетъ.

гробъ, который долженъ служить для него избой. Работа происходитъ въ сосредоточенномъ молчаніи, такъ какъ покойникъ накажетъ приткой всякаго, кто вздумалъ-бы при этомъ смѣяться. Въ настоящее время гробъ дѣлается изъ досокъ и по бокамъ его особо назначенная старуха просѣкаетъ три окошечка: черезъ одно смотрѣть, а черезъ другое выходить въ гости, въ XVII—XVIII в. онъ долбился въ одной изъ половинокъ расколотаго дерева. Слѣды сгнившихъ колодь можно до сихъ поръ встрѣчать при раскопкѣ относящихся къ этой эпохѣ мордовскихъ могильниковъ¹⁾. Воспоминаніе о долбленыхъ гробахъ сохранилось въ мордовскомъ современномъ названіи гроба лавке отъ корня лав-оме, означающаго колоть. Но мѣста гроба вовсе не употреблялись и покойникъ выносился въ могилу на доскѣ или на лубкѣ²⁾. Въ болѣе отдаленныя времена—отъ X до XIV в.—вмѣсто гроба заворачивали въ бересту. Въ Лядинскомъ могильникѣ, который мы имѣемъ полное основаніе считать древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ мордовскихъ могильниковъ³⁾, длинныя цѣльныя полосы бересты находились подъ костякомъ и поверхъ его⁴⁾.

Когда гробъ изготовленъ, его вносятъ въ избу и сгавать на скамейкѣ рядомъ съ лавкой, на которой лежитъ покойникъ. Въ гробъ кладется въ видѣ изголовья вѣпикъ и на устроенное такимъ образомъ ложе перекалываютъ умершаго. Непосредственно за этимъ очищаютъ мѣсто лавки, на которой лежалъ покойникъ—посыпаютъ его золой или втыкаютъ пожъ. Въ гробъ покойнику кладутъ водки—опохмѣлиться на томъ свѣтѣ и угостить старшихъ покойниковъ, чтобы припали ласковѣи; денегъ на покупку земли, топоръ и дубнику—отгонять собакъ при переходѣ на тотъ свѣтъ: съ ребенкомъ чашку, ложку и сдѣланные изъ пшениной муки орѣшки. Чтобы онъ не возвращал-

¹⁾ См. Афанасьевъ. I. с. 9) Лепехинъ. Зап. Ч. 1, 178.

²⁾ См. по этому вопросу Изв. 1893, вып. 5, стр. 494.

³⁾ Мат. по археол. Россіи, издан. Имп. Арх. Ком. № 11, Ср. Мильковичъ. «Опис. Симб. намѣстн. 1783 г.» Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 32. Майн. I. с. 85.

ся, мать клала ему въ близое время на голову щетку, которой чистить ленъ, и говорила при этомъ: „по одну сторону море, по другую камышь“. Если покойникъ остается въ домѣ на ночь, съ нимъ проводятъ ночь вся семья. Въ Городищинскомъ уѣздѣ въ полночь женщины выходятъ на улицу и съ плачемъ приглашаютъ предковъ явиться принять въ свою среду покая члена. Въ Саратовской губерніи придають особое значеніе снамъ, которые видать въ эту ночь состоящія при покойникѣ женщины. Онѣ открываютъ имъ свои пужды ¹⁾).

Мужчины тѣмъ временемъ на кладбищѣ (калмазыр, калма, калмаланго) готовятъ могилу.

Произведенія народной словесности Мордвы даютъ намъ право предполагать, что когда-то у нея существовало и наземное погребеніе, аналогичное съ тѣмъ, которое практикуется въ настоящее время у язычествующихъ сибарскихъ и породцевъ. Сказка о „Дуболго Пичай“, помѣщенная въ II-й части „Сборника Православнаго Миссіонерскаго Общества“, содержитъ слѣдующія характерныя указанія. Извели Дуболго Пичай пелѣтки и велѣли своимъ мужьямъ, ея братьямъ, похоронить ее. „Сдѣлали они ей изъ какого-то пегнющаго дерева гробъ, положили въ него сестрицу свою Дуболго Пичай. Отвезли ее въ какой-то большой лѣсъ, гдѣ три дороги сходятся. Подставили подставки, на нихъ положили гробъ. На подставки возлѣ гроба поставили наполненныя пшеницей лукошки“. Повалился въ гробу Дуболго ходить гуси мордвина Виртяна. Сталъ онъ за ними слѣдить и дошелъ за ними до большой рѣки. Переплылъ Виртянъ за гусями рѣку и видитъ, что гуси, отойди недалеко, остановились. „Смотритъ онъ—небольшая полянка. На срединѣ этой полянки три дороги сходятся. На раздорожникахъ подставки стоятъ; подъ нихъ сыплется пшеница; на нихъ гробъ стоитъ. По обѣ стороны гроба поставлено по два лукошка“ ²⁾). Выступающая въ этой сказки картина погребе-

¹⁾ Мнѣхъ. I. с. 134.

²⁾ Произв. Морд. нар. слов. Сказки. Стр. 179.

нія объясняетъ намъ намеки на нее попадающіеся въ пѣсняхъ.

Въ пѣснѣ о дѣвцѣ Кемаль мы встрѣчаемъ напр. слѣдующіе стихи:

«Не хорони меня, тятенька, въ землю, изъ которой я родилась,
Ой не закрывай меня въ черную землю.
Мой гробъ, тятенька, обмажи въ серебро,
Изъ золота сдѣлай, кормилецъ, мой подпорочки,
Поставь ты меня, тятенька, возлѣ большой дороги.
Много тѣмъ мѣстомъ ходящихъ,
Много тѣмъ мѣстомъ проходящихъ;
Глаза многихъ тутъ посарятся,
Ой, многихъ тутъ сердце полюбуется»¹⁾.

Съ такой-же просьбой обращается дѣвица къ отцу въ пѣснѣ о красавцѣ—Олѣ.

«Похорони меня возлѣ большой дороги;
Къ козелкамъ мой колокольчикъ подѣсь». (Суронъ чувтвозонъ бяга солтъ)²⁾.

Съ возмнѣновеніемъ обычая зарывать покойника въ вырытой ямѣ устраивался срубъ на подобіе пзы и въ этотъ срубъ опускался покойникъ³⁾. Въ Нижегородской губерніи и теперь еще указываютъ кладбища, гдѣ умершіе погребались подобнымъ образомъ⁴⁾.

Старинныя кладбища Мордвы чаще всего устраивались въ лѣсахъ, на полянкахъ (кужа). Около многихъ мордовскихъ селъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ и теперь еще показываютъ кладбищенскія полянки (калма-кужа). Отдѣльно разбросанныя на такихъ полянкахъ деревья — дубы, березы — пользовались особеннымъ почтеніемъ Мордвы.

Съ вѣнчивымъ видомъ мордовскихъ кладбищъ въ XVIII в. насъ знакомятъ документы, относящіеся къ такъ называемому „Терюшевскому бунту“ и опубликованне А. А. Титовымъ

¹⁾ Прозв. Морд. нар. слов. Пѣсни, стр. 9—11.

²⁾ Ibid. 203.

³⁾ См. ниже, статью г. Иванцева.

⁴⁾ Нижегород. Еп. Вѣд. 18, 87, стр. 728—729.

въ „Русскомъ Обзорѣніи“ за 1893 г. Въ проехоріи Нижегородской Дух. консисторіи отъ 21 мая 1764 г. мы читаемъ: „въ селѣ Сарлазахъ по осмотру въ приходской церкви благочинна церковнаго, усмотрѣвъ близъ той церкви мордовское кладбище съ построенными деревянными на могилахъ срубъ, кои некрещенная Мордва почитаютъ за молитвенныя свои капища .. и по своему суевѣрію, приходя многочисленнымъ собраніемъ чплять на томъ кладбищѣ, собирая со всей волости Мордву, плясвенное игральное“¹⁾... Кладбище это было общимъ для всей волости, какъ видно изъ показаній привлеченныхъ къ отвѣту Терюханъ.

Передъ выносомъ тѣла всѣ присутствующіе падаютъ на землю и лежатъ нѣкоторое время съ прощальной мысленной молитвой въ усопшему: просятъ его простить причиненную когда нибудь обиду, почаще приходить съ того свѣта и присматривать за житьемъ бытjemъ оставшихся. Поднимая затѣмъ гробъ, поливаютъ пзбу водой съ вѣнча и снова просятъ умершаго: „самъ ступай, насъ пожалѣй, пошли намъ добраго здоровья, дай намъ прожить столько-же, сколько ты жилъ“. При выносѣ гроба изъ дверей касаются имъ три раза верхней и нижней перекладины „чтобы преградить смерти доступъ въ домъ“. ²⁾ Когда гробъ вынесенъ за ворота, посплыщяки-родственники останавливаются и зовутъ ранѣ умершихъ родственниковъ, чтобы они шли принимать въ свою среду усопшаго и дали здоровья живымъ. При этомъ на землю кидаютъ кусочки хлѣба. Родственники эти, предполагается, жгутъ его около дома, собравшись народвою толпою. Тѣ изъ родственниковъ, которые остаются въ пзбѣ, стараются не глядѣть въ слѣдъ покойнику на улицу. Поминальщики и помпнальщицы расходятся съ пустыми блодами по домамъ. Умершую женщину провожаетъ въ церковь дочь или сноха. Дѣвушка идетъ въ такомъ случаѣ съ распущенными волосами и разноцвѣтной пряжей на шеѣ. Умершую дѣвущу въ Симбирской губерніи

¹⁾ Р. О. 1893, IX, 759.

²⁾ Ниж. Епарх. Вѣд. 1891, № 18.

с. Кузоватовъ провожаютъ шесть подругъ — четыре несутъ гробъ, двѣ крышку. Каждая изъ этихъ дѣвушекъ одѣта въ сарафанъ и передникъ покойницы; если покойница была богата, то провожающіе надѣваютъ на себя по три сарафана. Въ этомъ парадѣ онѣ, вернувшись съ кладбища, садятся ѣсть¹⁾. Остальные дохаживающіе тѣмъ временемъ везутъ со двора на кладбище гробовыя доски, обихвальную воду и небольшую кадучку съ блинами или хлѣбомъ. Щепки, воду и посуду, въ которой она была, оставляютъ на особомъ мѣстѣ близъ кладбища, а кадучку съ блинами ставятъ около вырытой могилы и ждутъ изъ церкви покойника. Мѣсто это пользуется у мордвы большимъ уваженіемъ. Горе тому, кто проходя мимо разобьетъ горшокъ: съ нимъ случится притча и онъ умретъ, если не умилостивитъ усопшаго.

Въ Нижегородской губерніи въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, по словамъ архимандрита Макарія, покойника выносили не въ гробу, а на носилкахъ, гробъ-же несли рядомъ. Отойдя до опредѣленнаго мѣста съ версту отъ селенія носилки бросали, трупъ перекладывали въ гробъ, покрывали холстомъ и несли въ церковь. Дочь или жена покойника садилась при этомъ на гробъ въ вѣнкѣ изъ березовыхъ вѣтвей и причитала по немъ²⁾. Изъ церкви послѣ отпѣванія гробъ угосляли на кладбище. Сложная процедура, которой сопровождала Нижегородская Мордва переносъ умершаго на кладбище, представляетъ собою, повидимому, попытку сочетать обычай азычской поры (выносъ на носилкахъ) съ требованіями христіанскаго обряда. — Въ с. Шадымѣ Инсарскаго уѣзда его везли на общинной ему лошади. Возжи при этомъ дѣлались изъ холста.

Когда покойникъ принесенъ къ вырытой для него могилѣ, въ нее бросаютъ захваченныхъ кушаній для того, чтобы расположить къ погребаемому родичей, которые умерли раньше. Жатѣмъ начинаютъ опускать покойника въ могилу, обращаясь

¹⁾ Сообщено В. В. Фигингофовымъ.

²⁾ Майновъ. I. с. 66.

въ нему еще разъ съ просьбами простить всѣхъ и не бояться новаго жилья. Прежде чѣмъ поставитъ гробъ на дно могилы, его трижды поднимаютъ и опускаютъ. Если при этой операциіи гробъ срывается, погребающіе приходятъ въ ужасъ: умершій не хочетъ, очевидно, успокоиться въ могилѣ и намѣренъ блуждать по свѣту. Гробъ на скоро забрасываютъ землей и бѣгутъ опрометью по домамъ. Переждавши три дня, родные являются на могилу съ тремя осиновыми кольями забаваютъ ихъ умершему въ лобъ, въ сердце и въ животъ и просятъ землю принять покойника и не выпускать его ¹⁾. Если же послѣ троекратнаго подъема гроба удачно устанавливается въ могилѣ, ее засыпаютъ землей. Въ Симбирской губерніи въ былое время надъ могилой врылся столбъ съ развилкой на вершинѣ. На этомъ столбѣ вѣшали послѣ трезны шкуру жертвеннаго животнаго ²⁾. Одна изъ женщинъ дѣлала на могилной насыпи подобіе овошечка, чрезъ которое умершій могъ - бы смотрѣть на свѣтъ божій ³⁾. Въ Саратовской губерніи въ могилѣ дѣлается ямка, въ которую клали кусочки поминальныхъ кушаний ⁴⁾. Надъ могильнымъ холмомъ совершается первое поминовеніе. Въ Нижегородской губерніи надъ могилой закалалась въ честь мужчины лошадь, въ честь женщины корова. Часть мяса съѣдали присутствующіе, часть унесли домой въ жертву домашнему богу, а кожу вѣшали на столбъ, который стоялъ надъ могилой или на сучьяхъ кладбищенскихъ деревьевъ ⁵⁾. Въ Пензенской губ. на могилу послѣ ухода священника приводили чернаго барана съ обернутыми краснымъ платкомъ рогами, обводили его на заднихъ ногахъ кругомъ могилы и вололи ⁶⁾. По окончаніи трапезы родные погребеннаго уходили съ кладбища. При этомъ соблюдалась характеристика предосторожности: стояла на

1)

2) Извѣстія. 1893, IV. 384.

3) Малковъ. I. с. 83.

4) Минихъ. I. с. 135.

5) Ниж. Ен. Вѣд. 1887, 723, № 14.

6) Презинъ. Карт. морз. быта. Пенз. Г. В. 1863, №№ 39, 40.

нѣкоторое разстояніе отъ кладбища, родные покойнаго становились въ кучу. Одинъ изъ могильщиковъ тѣмъ самымъ скребкомъ, которымъ была рыта могила, очерчивалъ около нихъ кругъ. Сажень черезъ 5—10 эта операція повторялась ¹⁾. Въ Сарагосской губерніи остановка дѣлается у только что сваленной кучи мусора, который остался отъ приготовленія гроба; на нее кидаютъ кусочки съѣстныхъ припасовъ и впадаютъ щепамъ ²⁾. Когда послѣ всѣхъ этихъ остановокъ проважавшіе доходятъ до дома, старшая женщина семьи выдала имъ на встрѣчу полѣно и косарь, черезъ которые они должны были переступить при входѣ въ избу ³⁾. Ножъ или косарь бросались для того, чтобы отогнать смерть, которая, предполагается, идетъ за родичами умершаго ⁴⁾. На крыльцѣ дома проважавшіе кромѣ того переобувались, а старуха окропляла ихъ съ вѣнчика водой.

Если покойника отвозили въ телѣгѣ, ее оставляли въ теченіи сорока дней на улицѣ и мыли водой, чтобы отъ нея отстала могильная земля ⁵⁾. Эта послѣдняя предосторожность считается необходимой въ виду того, что человѣкъ, наступившій на могильную землю, непременно умретъ. Лица, копавшія могилу, чтобы не подвергнуть своихъ домашнихъ или скотину бѣдѣ, старательно вытрясали ее изъ лаптей. Пепель, которымъ была посыпана лавка, при выносѣ тѣла хозяйка собирала въ горшокъ и ставила въ укромное мѣсто, чтобы онъ никому не могъ повредить. Человѣкъ, которому такой пепель попалъ-бы случайно въ глаза, въ теченіе всей жизни во всякой вещи видитъ только темную сторону ⁶⁾. Хозяинъ дома вынимаетъ ножъ, воткнутый въ лавку, чертитъ имъ пады дверью крестъ и потомъ съ размаху бросаетъ свое оружіе въ пото-

¹⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1891. № 1, стр. 18.

²⁾ Мнѣхъ. I. с. 135.

³⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1890. 825.

⁴⁾ Изъ рук. о Моравѣ с. Паскафтыма.

⁵⁾

⁶⁾ Мнѣхъ. I. с. 82.

локъ. Если пожъ отскакиваетъ во внутрь избы, въ домѣ будетъ еще покойникъ. Затѣмъ хозяйка отрѣзываетъ горбушку, скоблитъ надъ ней монету, кладетъ подъ порогъ и проситъ дѣдушекъ, бабушекъ принять гостя и жить съ нимъ въ согласіи ¹⁾).

Въ первые два—три дня для покойника оставляютъ немного съѣстнаго, кладутъ на окно и приглашаютъ его ѣсть. Но почамъ родные причитали около телѣги по случаю своей потери ²⁾). Въ Пензенской губерніи на другой день послѣ похороны топили баню для того лица, къ которому должна перейти роль большаго въ домѣ. Его мыли, парили и просили усопшаго сообщить ему свой умъ ³⁾).

Въ теченіи сорока, а по другимъ извѣстіямъ 49, дней умершаго чествовали пирогами ⁴⁾). Представленіе объ этихъ пирахъ можно составить по тому, что творится въ 40-й день, свято чтимый до сихъ поръ у всей Мордвы.

Наканувъ этого дня старшій въ домѣ отправляется къ тому изъ родныхъ, который всего болѣе походитъ лицомъ на умершаго и проситъ его принять на себя на будущій день роль поминаемаго покойника ⁵⁾). Въ Нижегородской губерніи (с. Лобаски) выборъ замѣстителя производился всѣми родственниками, которые собирались для этого въ домъ усопшаго ⁶⁾). Въ с. Шадымѣ Писарскаго уѣзда родъ созываетъ старшій въ домѣ, разѣзжая верхомъ на лошади огъ избы къ избѣ ⁷⁾). Въ Городищенскомъ уѣздѣ звать покойника семейные ѣхали на кладбище именно на той лошади, которая была ему обѣщана. Но мѣстамъ звать покойника отправлялись всѣ приглашенные на

¹⁾ Архивъ истор.-крим. свѣд. т II, ч. 1.

²⁾ Майновъ. I. с. 66.

³⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1866, № 3.

⁴⁾ Ауновскій. I. с.

⁵⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1887, № 14, 729. У Мокши Нижегород. губ. этого замѣститель назывался *vasta ozli*. Майновъ. I. с. 72.

⁶⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 8.

⁷⁾ Майновъ. I. с. 77.

поминок¹⁾, становились на колѣна передъ свѣжей могилкой, цѣловали ее и просили умершаго выйти²⁾. Дома между тѣмъ открывается дверь и вся семья ждетъ гостя на порогѣ съ зажженными свѣчами.

Ишь съ наступленіемъ дня помпированіа выбранный родственникъ самъ является въ домъ покойника, снимаетъ съ себя свою одежду, надѣваетъ одежду, въ которой умеръ покойникъ, и садится на перину или подушку, на которой тотъ умеръ. Присѣтствовать ему собирается вся родня. Каждый несетъ какойнибудь подарокъ: муки, каша, печеного хлѣба, блиновъ, баранины—ставитъ съ поклономъ на столъ передъ воображаемымъ покойникомъ и осведомляется, какъ ему живется на томъ свѣтѣ.

Въ теченіе ночи идетъ шумный пиръ. Гости усердно истребляютъ яства и напитки, отливая капельки винопищу торжества. Забѣтитель покойника разсказываетъ о своей загробной жизни, о тамошнихъ урожаяхъ³⁾, о томъ, какъ онъ веселится съ родными, осматриваетъ хлѣвы и амбары, благословляетъ скоть и хлѣбъ⁴⁾. Гостямъ, которые навѣдываются о жизни своихъ умершихъ родственниковъ, онъ даетъ обстоятельныя сообщенія: „вашъ и тамъ держитъ хорошихъ лошадей и ѣздитъ въ лѣсъ и въ извозъ: вашъ промотался; вашъ разводитъ пчелъ: вашъ няяствуетъ; вашъ женился и взялъ красивую жену“⁵⁾. Около полуночи всѣ собираются къ столу выслушать наставленія и пожеланія усопшаго—старшіе стапоятся поближе, младшіе позади нихъ и всѣ разомъ падаютъ ему въ ноги. Воображаемый покойникъ обращается къ родственникамъ съ наставленіями: совѣтуетъ жить мирно, беречь скотину, не заниматься воровствомъ, выражаетъ пожеланіе, чтобы

¹⁾ Ауровскія. I. с.

²⁾

³⁾ Мордовскія. Нам. кн. Симб. губ. на 1858 г.

⁴⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1867. № 25.

⁵⁾ Вилк. Ел. Вѣд. 1887. 730.

⁶⁾ Вилк. Губ. Вѣд. 1893. № 1.

они всегда пьѣли пуре и вино. Пиръ продолжается затѣмъ до зари, когда наступаетъ минута прощанья. Передъ тѣмъ, какъ отправить покойника обратно въ могилу, родня обсуждаетъ, чѣмъ ослабить его для загробной жизни — пужно ли ему лѣса, одежды, денегъ, пища. Въ результатѣ совѣщанія оказывается, что пища ему хватить надолго (разумеются съѣденные за ночь припасы), въ одеждѣ онъ не пуждается, денегъ можно дать, а лѣса предоставляютъ покойнику варубить самому, сколько пужно. Для этой последней операціи устраивается особая церемонія. Посреди избы ставится стулъ съ положенной на него подушкой; на этотъ стулъ сажаютъ покойника, даютъ ему въ руки большой пожъ и песуть на плечахъ на гумно. Здѣсь стулъ опускаютъ около заблаговременно вогнутаго въ землю сучка какого нибудь дерева и покойникъ начинаетъ рубить его. Съ самыхъ напряженнѣйшхъ усердіемъ онъ хлопочетъ около сучка, какъ около большого дерева, обходить его со всѣхъ сторонъ, ударяя пожемъ. Когда воображаемое дерево наконецъ сваливается, замогильный работникъ подбираетъ его, садится вновь на стулъ и отправляется прежнимъ порядкомъ въ избу. Здѣсь онъ вновь садится за столъ — а вѣтка кладется на полу поблизости. Родня, подкрѣпившись силами, начинаетъ обсуждать вопросъ о томъ, какъ перевезти нарубленный покойникомъ лѣсъ. Среди избы ставится импровизированная сборная кружка — вадочка, забитая сверху лубкомъ, въ которомъ прорѣзано небольшое отверстіе. Въ часть прорѣза укрѣпляется срубленный покойникомъ сукъ, а въ оставшееся отверстіе опускаются деньги: около кружки на полу разводится небольшой огонекъ. Каждый поминующій обходитъ кружку три раза, беретъ за вѣтку правой рукой, перепрыгивая чрезъ огонь и въ заключеніе кладетъ въ кружку захваченныя деньги. Перепрыгиваніе черезъ огонь освобождаетъ живыхъ отъ смерти, которая приходитъ съ покойникомъ и ходитъ за каждымъ обходящимъ кружку, чтобы захватить его. Тѣмъ временемъ хозяинъ дома привязываетъ къ столбу на заднемъ дворѣ назначеннаго для покойника быка, обматываетъ

ему шею и голову холстомъ. Сюда выходятъ всѣ поминующіе. Лице, выбранное для того, чтобы зарѣзать быка, съ большимъ ножомъ въ рукѣ беретъ веревку и ведетъ его къ избѣ, остальные подталкиваютъ животное и испускаютъ раздрающіе крики. Около избы, саженихъ въ 2-хъ отъ сѣней, становится покрашенный салфеткой столъ съ пустой чашкой, рядомъ на землѣ толстый отрубокъ дерева. Здѣсь съ быка снимаютъ холстъ, спутываютъ имъ его ноги, валитъ на землю и положивши голову на отрубокъ рѣжутъ ¹⁾. Кровь сливается въ чашку со стола и зарывается въ землю или идетъ вмѣстѣ съ водой на изготовленіе поминальныхъ блиновъ. Быка рѣжутъ на части, варятъ въ большихъ котлахъ и сѣдаютъ безъ остатка. По окончаніи ѣды покойникъ объявляетъ, что ему пора въ могилу. Присутствующіе падаютъ на землю и испрашиваютъ у отходящаго гостя благословенія. Затѣмъ запрягается телѣга, на нее ставятъ кадучки съ блинами, хлѣбомъ, бараниной, иномъ. Старухи бросаются къ покойнику на шею съ послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ, потомъ его на перинѣ выносятъ къ телѣгѣ, кладутъ на нее, усаживаются рядомъ и трогаются на кладбище. Приѣхавши туда, воображаемаго покойника на перинѣ и подушкѣ переносятъ на могилу дѣйствительно умершаго и сажаютъ спиной на востокъ — лицомъ къ провожающимъ. У ногъ его разстелается скатерть, на которую кладутъ кучи блиновъ, баранины, ставятъ въ поставцахъ брагу и просятъ провожаемаго поѣсть въ послѣдній разъ. За компанію съ нимъ угощаются и родственники. По окончаніи угощенія съ воображаемымъ покойникомъ прощаются и приглашаютъ его приходить лѣтомъ, когда поспѣютъ къ жатвѣ хлѣба; тогда и на его долю обѣщаютъ пажать. Quasi—покойникъ кланяется присутствующимъ, затѣмъ быстро поднимается съ могилы и бросаетъ на телѣгу перину и подушку.

¹⁾ У Мекши Нижегородской губерніи предъ закаланнымъ животнымъ падали на колѣна, просили у него прощенія и обѣщали ему много сѣна въ загробной жизни. Майновъ. I. с. 72.

Далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ мордовскаго края описанный сейчасъ обрядъ выполняется во всей полнотѣ. Въ Инсарскомъ уѣздѣ пирь бываетъ короче. Ночью въ 40-й день старика, который передъ тѣмъ лежалъ на лавкѣ и выслушивалъ причитанія родни, поднимаютъ за руки и везутъ къ тому мѣсту, куда бросается отбросъ и угощаютъ его тамъ на прощанье водкой. Въ с. Шадымѣ того-же уѣзда пирь происходитъ безъ участія лица, которое бы изображало покойника. Онъ выступаетъ на сцену только по окончаніи домашней поминальной трапезы, когда помпиающіе съ остатками яствъ отправляются на кладбище. Здѣсь на могилѣ умершаго раскладывается его одежда, въ томъ порядкѣ, въ которомъ онъ носилъ ее при жизни, и на разостланной скатерти для него устанавливаются всѣ принесенныя кушанья¹⁾. Въ с. Болдовѣ того-же уѣзда душу усопшаго провожаютъ на дорогу или въ конопляникъ, прощаются тамъ съ ней и бѣгутъ обратно домой. Кто остаётся позади, тотъ въ этотъ годъ умретъ²⁾. Въ Сергачскомъ уѣздѣ его провожаютъ за ворота и прогоняютъ; вслѣдъ ему бросаютъ пыль и соръ и кричатъ, чтобы онъ впредь не ходилъ и никого не бралъ³⁾. Въ Саратовской губерніи старика или старуху, которые изображаютъ душу умершаго (эзе можай), выносятъ изъ избы и ставятъ посреди двора лицомъ къ воротамъ. Всѣ участвующіе въ поминкахъ падаютъ передъ ними на чегзерепки, стараются не касаться лицомъ земли, и въ такомъ положеніи остаются все время, пока изображающій душу умершаго творитъ молитву, въ которой проситъ Бога послать родичамъ урожай хлѣба, дать обильный приплодъ скоту и домашней птицѣ, прибыль въ деньгахъ. По окончаніи причитанія роль старика кончается; онъ встаетъ со стула и наравнѣ съ остальными падаетъ на колѣна передъ пятнымъ воротнымъ столбомъ, по которому душа усопшаго уходитъ будто-бы на небо. Поминки оканчиваются на кладбищѣ

¹⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 8.

²⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1891, № 236.

³⁾ Ниж. Еп. Вѣд. 1887, № 14, 730

обычной трапезой ¹⁾). Въ Городищенскомъ у., въ с. Пичилевѣ вмѣсто покойника на лавку, гдѣ онъ умеръ, кладется его одежда, которая послѣ окончанія помпального пира передается нищей братіи. Въ другихъ мѣстностяхъ Пензенской губерніи покойника изображаетъ кукла, одѣтая въ его одежду ²⁾, съ прикрѣпленной къ груди зажженной свѣчей ³⁾. При устройствѣ помпального пира колютъ непременно то животное, которое было обѣщано покойнику при его смерти. Покойникъ все равно возьметъ его, если семья вздумаетъ заколотъ къ появившамъ другое, купленное. Въ языческую пору мужчины общались обыкновенно лошади, женщины корова. Лошадь до 40-го дня отбавлялась: въ день поминокъ на ней ѣхали на кладбище. Кожа заколотога животного нѣрѣзанная въ куски разстилалась на могилѣ. Если лошадь умирала, семейные не смѣли воспользоваться даже кожей ⁴⁾.—За „сорочинами“ слѣдуетъ описать „годны“.

Къ годовымъ поминкамъ начинаютъ готовиться съ весны. Приступая къ посѣву, хозяинъ проситъ Бога, чтобы онъ уродилъ на счастье живыхъ и умершаго. Когда созрѣвшій хлѣбъ начинаютъ убирать, на долю покойнаго отдѣляется на каждой десятинѣ клочекъ жатвы для годовыхъ поминокъ. Въ Симбирской губерніи хозяинъ полюсы говоритъ при этомъ: „загона конецъ дожинаю, половину снопа оставляю, мертваго пай: пусть придетъ жнецъ мертвый и докончитъ“ (ума — не прядость, не пунт кадан, кулытяпъаис, се сѣю пуйтасъ кулытасъ ярядосо⁵⁾). Этотъ клочекъ жатвы всѣ родственники, которыхъ покойникъ приглашаетъ якобы къ себѣ на помощь. Съ зарей родственники собираются въ домъ поминнаго, пьютъ здѣсь, объѣдаютъ, потомъ, нагрузивши телѣгу вповомъ, пуре и блинами, отправляются на поле. Подѣхавши къ участку покойника, поминнающіе извиняются предъ усопшимъ за то, что

¹⁾ Минхъ. I. с. 136.

²⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1870, № 16.

³⁾ Ауровскій. I. с.

⁴⁾ Майновъ. I. с. 70.

⁵⁾ «Правосл.» 1893, вып.

поздно приѣхали и принимаются за жатву. Закончивши съ одной полосой, переправляются на другую, третью. Саратовская Мордва, по словамъ Листова, употребляла на участкѣ покойнаго необычные приемы жатва: серпъ брался за острый конецъ и срѣзанныя такимъ образомъ колоса перебрасывали черезъ голову ¹⁾).

На каждой полосѣ работающіе основательно подкрѣпляются и только къ полночи расходятся по домамъ. Въ Ипсарскомъ уѣздѣ къ этому времени рѣзали обѣщаннаго покойнику быка. Этого быка обыкновенно указывалъ самъ умирающій. Въ Городищенскомъ уѣздѣ сжатые снопы складываются крестъ на крестъ и оставляются на полосѣ. Тоже самое дѣлается съ коноплемъ, которое оставляется для умершей женщины.

У Эри Сиб. губ. въ XVIII в. по словамъ Мильковича предъ тѣмъ, какъ отправляться на оставленный покойнику участокъ поля, хозяинъ проводилъ на дворъ быка, которому глаза завязывали холстомъ. Человекъ, бравшій на себя обязанность убить животное, долженъ былъ занять мѣсто внѣ двора за заборомъ и оттуда попасть въ животное своимъ оружіемъ. Если быкъ падалъ послѣ нанесеннаго удара на прасую ногу, родственники заключали, что покойникъ счастливъ на томъ свѣтѣ, если на лѣвую—несчастливъ. Лишь только быкъ испускалъ последнее дыханіе, сосѣди и семейные несли его на кладбище. На участкѣ тѣмъ временемъ шла работа. Главную роль среди работниковъ играла вдова умершаго, которая въ сжатой соломѣ дѣлала себѣ поясъ и носила его на себѣ въ теченіе цѣлаго дня. Помощники ея сѣли на участкѣ умершаго хлѣбныя охвостья вставляли серпъ, прикосновеніе къ которому грозило смертью. По окончаніи работы всѣ присутствующіе выпивали пива и стремительно бѣжали съ полосы по домамъ. Вечеромъ всѣ собирались вновь въ домъ усопшаго и оттуда отправлялись на кладбище, гдѣ устраивалась помпвальная трапеза. На другой день вдова и остальные члены семьи шли въ

¹⁾ Сар. Еп. Вѣд. 1866, № 36.

баю. Потомъ въ теченіе 3 дней пиръ продолжался ¹⁾.—Обряды, которыми сопровождается у Мордвы погребеніе и помпование умершаго въ теченіе перваго года со времени его смерти, раскрываютъ предъ нами тѣ возрѣнія на смерть, которыя дали основаніе культу предковъ. Мордвинъ представляетъ себѣ, судя по этимъ обрядамъ, смерть, какъ переходъ въ иной міръ, гдѣ для умершаго продолжается тоже существованіе, что и на землѣ. Онъ уноситъ съ собою туда всѣ свои потребности и привычки, весь строй своей жизни: онъ сѣетъ тамъ хлѣбъ, занимается извозомъ, торгуетъ, няница пьетъ, вдовецъ или холостякъ женится, дѣвушка выходитъ замужъ. Какъ и на землѣ, люди группируются въ этомъ загробномъ мірѣ по родамъ. Каждый новый пришлецъ присоединяется къ своему роду, къ своимъ родителямъ, дѣдамъ и прадедамъ.—Смерть не есть такимъ образомъ, по мордовскимъ представленіямъ, превращеніе бытія, а особое состояніе, въ которомъ совершается переходъ въ иную жизнь. Въ тѣлѣ умершаго сохраняется потенція жизни. Какъ долго можетъ держаться она, можно видѣть изъ цитированной уже нами сказки о „Дуболго Пичай“. Слюхи облили ее съ головы растопленнымъ воскомъ и когда она, какъ имъ показалось, умерла, положили ее въ гробъ и велѣли мужьямъ похоронить. Какъ она была похоронена, мы уже знаемъ. Виртанъ, которому на мѣсто погребенія ея указали гуси, принесъ гробъ ея домой. Мать его раскрыла гробъ, раздвинула дѣвухѣ ротъ, „взглянула туда; видѣть она тамъ—горло ея чѣмъ то заткнуто по азычекъ, смотритъ и уши заткнуты. Ту затычкуковырнула—воскъ. Догадалась старушка. Воскъ эготъ, говоритъ, растопить въ теплой банѣ... Вынули дѣвуху изъ гроба, положили на полость... у ней на телломъ полкъ размякли руки и ноги... Воскъ на ней сталъ таять. Старушка подаетъ паръ сильнѣе—смотритъ: изъ ушей и изъ рта воскъ, растаявши, вапаетъ. Старушка подаетъ паръ сильнѣе: дѣвица-красавица охиула“ ²⁾...

¹⁾ Сиб. Г. Вѣд. 1851, № 31.

²⁾ Нам. морд. нар. слов. 185.

Состояніе, въ которомъ находитесь умершіи въ могилѣ, рисуется въ сказкѣ о „Богатомъ нищемъ“. Умеръ мордвинъ, который, не взражая на нажитое богатство, собиралъ милостыню. Прошло нѣсколько лѣтъ до того времени, когда по обстоятельству, излагать которыя мы здѣсь не будемъ, дѣтямъ пришлось увидать своего отца въ разрытой могилѣ: „смотря— ихъ отецъ лежитъ, какъ живой, не подвергшись гніевію“¹⁾.

Сказки и рассказы, героизмъ которыхъ является покойники, показываютъ, что сохраняя эту потенцію умершіе въ определенное время—преимущественно ночью—возвращаются къ жизни. Тогда они впервые проявляютъ тѣ новыя свойства, которыя приобрѣтаютъ съ переходомъ въ иной міръ. Если не всё, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ становятся непосредственно послѣ смерти людоедами и вампирами.

Образчикъ рассказовъ, въ которыхъ повѣствуется о такихъ превращеніяхъ, можно видѣть въ сказкѣ „Зеленые рога“. Здѣсь фигурируетъ старикъ, который, предчувствуя близость смерти, предупредилъ жену, чтобы она не оставалась съ нимъ на ночь и не позволяла дѣтямъ самимъ его отвозить на мѣсто погребенія. Старуха не послушала его и егда не сдѣлалась жертвой своего непослушанія. Солдатъ, которому дѣти поручили везти отца, посмотрѣлся на пути чудныхъ вещей. Только день начиналъ склоняться къ вечеру, какъ колеса начинали взынуть и чѣмъ ближе къ заходу, тѣмъ больше. Лишь только солнце садилось, какъ старикъ выходилъ изъ гроба и дѣлалъ попытки съѣсть своего возницу. Спасъ его отъ людоеда-покойника оборотень „зеленые рога“. Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе. Судьба только что названнаго оборотня показываетъ, что Мордва считаетъ переходъ въ иную жизнь необходимымъ и желательнымъ для человека. Только особыя причины напр. проклятіе матери заставляютъ пребываніе человека въ этой жизни. „Зеленые рога“ напр. пятьсотъ лѣтъ жилъ подъ материнскимъ проклятіемъ и не могъ уме-

¹⁾ Пгж. морд. нар. слов. Сказки. 249.

реть, не получивши прощенія. Не могла умереть, не простивши сына, и сама старуха мать. Когда солдатъ съ попомъ вымолили у ней прощенье, старуха провалилась сквозь землю, а „зеленый рогъ“ обратился въ человѣка.

Въ с. Рыбкнѣ Краснослободскаго уѣзда мы записали разсказъ, обрисовывающій могильную жизнь вампировъ и дополняющій нѣсколькими новыми штрихами набросанную уже выше картину мордовскихъ воззрѣній на смерть. „Остановился мужикъ кормить лошадей. Вдругъ видитъ изъ земли вылетѣлъ огонь. Мужикъ пождалъ и пошелъ посмотреть, откуда погвазился огонь. Видитъ гробъ, совсѣмъ новый. Взялъ онъ этотъ гробъ и перенесъ къ себѣ подъ телѣгу. Прошло нѣсколько времени, прилетѣлъ къ ямѣ огонь, видитъ гроба нѣтъ. По духу летитъ къ мужику: отдай мою избу, то я тебя съѣмъ“. Нѣтъ, не съѣшь—говоритъ мужикъ, а отдамъ я тебѣ гробъ, когда ты скажешь, куда леталъ. Огонь говоритъ: леталъ я въ село; тамъ свадьба и я выпилъ изъ пахъ кровь—пу давай-же теперь гробъ. Не отдамъ, говоритъ мужикъ: „сважи мнѣ, чѣмъ можно ихъ вылечить и какъ тебя убить. Вылечить ихъ можно, говоритъ огонь: вужно взять кровь изъ одного чернаго теленка и вымазать ей мертвыхъ, а меня можно убить семилѣтней осью, вколотивши около меня 12 дубовыхъ кольевъ. Мужикъ отдалъ гробъ и пошелъ въ деревню. Тамъ страшный плачь. Вотъ, говорятъ ему, каждый годъ у насъ такъ умираетъ по одной парѣ новобрачныхъ. Мужикъ говоритъ: я знаю, какъ ихъ сдѣлать живыми. Ступайте, зарѣжьте чернаго теленка и вымажьте его кровью мертвыхъ. Сдѣлали такъ; мертвые ожили, а мужикъ повелъ пародъ на то мѣсто, откуда вылеталъ огонь. Разрыли яму и нашли тамъ гробъ, а въ гробу ворочается и стонетъ мужикъ. Вытащили его, убили семилѣтней осью, вколотили 12 кольевъ и съ тѣхъ поръ люди перестали гибнуть“. Разсказъ, который мы сейчасъ привели, почти дословно сходенъ съ подобными-же вотяцкими. Но въ мордовскихъ разсказахъ о вампиралахъ замѣчается стремление дифференцировать ихъ узкую дѣятельность. Въ то время, какъ

мужчины губят взрослых, женщины поѣдаютъ дѣтей. Вотъ одинъ изъ разсказовъ о женщинахъ-людоедкахъ. „Пошелъ старикъ ночью въ овинъ, а овинъ былъ около кладбища. Вдругъ на встрѣчу ему идетъ баба. „Куда ты идешь?“ — Баба молчитъ. Мужикъ еще разъ спросилъ; баба опять молчитъ. Тутъ старикъ догадался, съ кѣмъ разговариваетъ и сдернулъ съ бабы полотенце (саванъ?). Баба взмолилась: „пусти меня—все скажу: родила у васъ въ деревнѣ баба и я шла съѣсть ея ребеночка. Старикъ побилъ ее, потомъ отдалъ полотенце и не велѣлъ больше ходить“.

Проявленіе въ побойникѣ поклонностей людоеда или вампира открываетъ предъ нами только одну сторону явленій, которая совершается въ его природѣ и превращаетъ его въ существо съ сверхъ-естественными силами, въ первообразъ боговъ. Съ новыми свойствами умершаго мы уже знакомимся изъ тѣхъ просьбъ, съ которыми обращаются къ нему оставшіеся въ живыхъ его родичи. Его просятъ дать оставшимся долгую жизнь, т. е. не брать ихъ къ себѣ (первоначально, вѣроятно съ собою), увеличить ихъ благосостояніе: давать хорошіе урожаи, прибыль скота, т. е. произвести все то, что обыкновенно составляетъ функцію боговъ.

Въ повѣрьяхъ и обрядахъ, которые практикуются въ исключительныхъ случаяхъ жизни, раскрываются новыя стороны вліянія умершихъ на судьбу живыхъ. Предки оказываются не только хранителями благосостоянія своихъ потомковъ, но и нравственныхъ устоевъ ихъ жизни. Если Мордва кого-нибудь подозрѣваетъ въ вѣражѣ, но не имѣетъ ясныхъ уликъ, достаточно взять съ кладбища земли и воды и предложить подозрѣваемому выпить смѣсь ихъ: если подозрѣніе основательно, виновный не рѣшится солгать изъ опасенія, что предки накажутъ его за это смертью.

Гнѣвъ предковъ призываетъ у Мордвы на себя тотъ, кто жагаетъ утвердить истину своихъ словъ: „пусть меня мертвый накажетъ, если я говорю неправду“¹⁾.

¹⁾ Майновъ. Очерки юридическаго быта Мордвы. 194.

Въ связи съ увеличивающимся значеніемъ умершаго увеличивается и почетъ къ нему. Все, что находится такъ или иначе въ соприкосновеніи съ нимъ, пользуется у Мордвы громаднымъ уваженіемъ. Могила умершаго, мѣсто, куда выбрасываются щепки, оставшіяся по изготовленіи гроба — все это должно быть неприкосновеннымъ. Человѣкъ, потревожившій могильную землю, платится за это или жизнью или благосостояніемъ. На эту метательность мертвыхъ спекулируютъ люди, которые желаютъ насолить врагу или известя его.

Подобно Черемисамъ, Мордва убѣждена, что достаточно взять земли съ могилы и положить на дворъ къ врагу, чтобы его костигло какое-нибудь бѣдствіе. Къ гнѣву покойниковъ обращается жена, которая желаетъ извести мужа. Въ с. Шадымѣ Инсарскаго уѣзда намъ рассказывали слѣдующій случай. Женился парень самокруткой на дѣвушкѣ, которая была старше его. Скоро пошли семейные нелады и жена рѣшила отдѣлаться отъ мужа. Сосѣдки явились съ совѣтами: „возьми вѣнчалное кольцо мужа, ступай на кладбище черезъ ворота въ валу и вколоти кольцо на основомъ колышкѣ въ землю“. Баба проделала все, что ей посоветовали. Позже ребятишки, играя, дѣйствительно нашли кольцо на основомъ колышкѣ, но она перемѣнила кольца и умерла сама.

Даже послѣ того, какъ уничтожатся всѣ слѣды бывшаго на томъ или другомъ мѣстѣ кладбища—сравняются съ землей догильныя насыпи, упадутъ и сгниютъ росшія на немъ свѣценныя деревья—оно продолжаетъ оставаться страшнымъ для живущихъ. Въ с. Шадымѣ намъ рассказывали, что съ мѣста стараго языческаго кладбища вылетаетъ по ночамъ съ дымомъ огненный змѣй. Человѣкъ, печально попавшій на это мѣсто, блуждаетъ по нему цѣлую ночь, не находя выхода; лошади возвращаются съ него замученными. Особенно страшны мѣста гдѣ погребены убитые люди. Скотина, попавшая на такое мѣсто, околѣваетъ. Карой за вольное или невольное оскорбленіе могилы является болѣзней (притка) а за ней ипогда и смерть вповивка: женщина чаще всего наказывается неплодіемъ.

живающимся значеніемъ умершаго уве-
 нему. Все, что находится такъ или
 ии съ нимъ, пользуется у Мордвы гро-
 Могила умершаго, мѣсто, куда выбра-
 шіяся по изготовленіи гроба — все это
 сновеннымъ. Человѣкъ, потревожившій
 стится за это или жизнью или благосо-
 гительность мертвыхъ спекулируютъ лю-
 насолить врагу или извести его.
 сама, Мордва убѣждена, что достаточно
 ны и положить на дворъ къ врагу, чтобы
 ибудь бѣдствіе. Къ гнѣву покойниковъ
 которая желаетъ извести мужа. Въ с. Ша-
 ѣзда намъ разсказывали слѣдующій случай.
 самокруткой на дѣвущкѣ, которая была
 о пошли семейные пелады и жена рѣшила
 мужа. Сосѣдки явились съ совѣтами: „возьми
 де мужа, ступай на кладбище чрезъ ворота
 ги кольцо на оснновомъ колышкѣ въ землю“.
 все, что ей посовѣтовали. Позже ребятишки,
 ьельно нашли кольцо на оснновомъ колышкѣ,
 пала кольца и умерла сама.
 лѣ того, какъ уничтожатся все слѣды бывшего
 другомъ мѣстѣ кладбища—сравниются съ землей
 сыпи, упадутъ и сгніютъ росшія на немъ свя-
 вля—они продолжаютъ оставаться страшнымъ для
 въ с. Ша- намъ разсказывали, что съ мѣста
 ческаго мѣста вылетѣла ночью съ димомъ
 гнѣй. Мѣсто, печальнѣе мѣстѣ на это мѣсто,
 но не мѣсто, но мѣсто выхода; лошади
 тся отъ мѣста, мученыя и особенно страшны мѣста
 ди. Слѣдъ упавшая на такое мѣ-
 ва волнѣ, вольное оскорбленіе
 (прѣдѣлѣ) и смерть
 е во мѣстахъ вается неплодїемъ.

Держа въ своихъ рукахъ благосостояніе, жизнь и смерть своихъ родичей, предки естественно являются предметомъ благоговѣннаго уваженія и поклоненія. Къ нимъ, какъ къ богамъ, обращаются съ молитвами. Даже въ христіанскую пору женщины, ложась спать и вставая, призывали на себя милость предковъ: „тѣрѣнѣзе, алѣнѣзе вапамист“. Къ предкамъ обращались онѣ и тогда, когда отправляли своихъ мужей въ дома въ лѣсъ или на базарь. Моленія въ честь предковъ слѣдуютъ одно за другимъ при началѣ каждаго болѣе или менѣе важнаго предпріятія.

Общія поминовенія усопшихъ начинаются съ ранней весны, съ страстной недѣли. Въ среду въ Инсар. у. топали для поминаемыхъ покойниковъ баню. Въ банѣ ставили горшокъ съ кашей, вляли вѣники и приглашали усопшихъ прийти попариться. Въ великій четвергъ устраивалось для выпарившихся покойниковъ угощеніе, рѣзали для нихъ быка, свинью, на крови пекли блины; накрывали столъ, ставили на него чашки и ложки; на стѣнахъ развѣшивали для женщинъ бисерныя оплечья (цифсы), которые въ остальное время хранились въ особомъ мѣстѣ, а для мужчинъ кафтаны. Надъ головою зарѣзаннаго быка вечеромъ особо приглашеннымъ старикомъ совершалось поминальное моленіе. На порогѣ зажигались свѣчи, подъ порогомъ ставился горшокъ съ кашей, янцами, поставка съ брагой, ветчина. Старикъ жрецъ приглашалъ умершихъ въ избу. „Приходите тѣ, которыхъ мы знаемъ и которыхъ не знаемъ, у кого нѣтъ сродниковъ, кому мы сдѣлали зло; просимъ не одни мы, а все старики“. У двери стоятъ, встрѣчая ихъ, члены семьи: одинъ держитъ брагу, другой озанда-палъ. Отъ озанда-пала даютъ всемъ поминающимъ, начиная съ стариковъ и кончая малолѣтними. Потомъ начинается пиръ; на долю усопшихъ кидаютъ за порогъ крошечки хлѣба, а на столъ кладутъ 2—3 лишнихъ ложки и полный стаканъ пуре. Поѣвши въ одномъ мѣстѣ, обходятъ остальныхъ родныхъ. Тѣмъ временемъ старикъ-жрецъ беретъ часть поросенка или гуся, горшокъ съ ладномъ, а выбранный имъ ребенокъ солонцу, оба обходятъ

вокругъ двора и колется на мѣстѣ, гдѣ выбрасывается соръ. Угощеніе усопшихъ продолжается до Пасхи. Во вторникъ на Пасхѣ вся родня собирается въ домъ старшаго. Въ Городищенскомъ у. угощеніе умершихъ родичей приурочивается къ 1-му дню Пасхи. Вотъ какъ описываетъ пасхальныя поминки въ д. Кардафлей г. Евсевьевъ. „Въ Великую субботу въ каждомъ домѣ пекутъ блины, на передней лавкѣ готовятъ постель для покойниковъ,—стелютъ войлоко, кладутъ подушку, на подушку бѣлый платокъ—утраляникъ. Накрываютъ столъ; на столъ ставятъ ведро браги, горшокъ каши, кучу блиновъ, предъ иконами зажигаютъ свѣчку, всѣ семейные становятся въ рядъ, хозяйка и хозяйка дома выступаютъ немного впередъ и начинаютъ молиться—звать предковъ на праздникъ: „Прадѣды и прабабушки, услышьте насъ, страшните съ себя земную пыль, приходите къ намъ на праздникъ; на ваше имя мы блины пекали, брагу варили; соберите всѣхъ своихъ родныхъ и приходите; можетъ быть, между вами есть безродные, которыхъ векому пригласить, вы и ихъ возьмите съ собой, чтобы и они не остались безъ праздника; у насъ всего вдоволь—всѣмъ хватитъ; вотъ бочка пива (при этомъ беретъ стаканъ пива на руки и качаетъ); вотъ горшокъ каши. Потомъ хозяйка дома указываетъ на постель: вотъ вамъ для отдыха мѣсто мы приготовили, послѣ обѣда отдохайте тутъ“. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и начинаютъ ѣсть блины и пить пиво. Въ Великую же субботу готовится въ очередномъ домѣ родни по мужской линіи въ складчину на все родство медовый квасъ. Квасъ этотъ называется „атавъ пуре“,—квасъ предковъ. Въ Великую субботу Кардафлейская мордва уже не работаютъ, даже комнату не убираютъ, а сидятъ дома, наряженные по праздничному.

Въ первый день Пасхи каждый родъ, исключая молодухекъ, взятыхъ въ домъ въ этомъ году, собирается въ своемъ очередномъ домѣ, гдѣ приготовленъ медовый квасъ, молить медовый квасъ предковъ. Накрываютъ два стола—по правую сторону для прадѣдовъ, по лѣвую—для прабабушекъ; около постели, приготовленной для предковъ, зажигается

„атаянъ штатоль“ свѣча предковъ — это огромныхъ размѣровъ восковая свѣча на деревянномъ подсвѣчникѣ. Свѣча эта зажигается разъ въ годъ—въ первый день Пасхи. Сколько этой свѣчи сгораетъ въ этотъ день, столько потомъ налѣпляютъ на нее новаго воска. Свѣча эта считается священной, въ деревнѣ столько, сколько старшихъ родовъ: у каждаго рода своя свѣча, хранится она поочереди въ каждомъ домѣ по одному году. У кого хранится эта свѣча, къ тому въ первый день Пасхи весь родъ собирается поминать своихъ покойниковъ, въ томъ же духѣ готовится въ Великую субботу и „медовый квасъ предковъ“. Во время молитвы земные поклонны дѣлаются сначала прадедамъ, а потомъ всеъ обращаются къ столу прабабушекъ и имъ дѣлается такой же поклонъ. Обѣдать садятся мужчины за столъ, приготовленный для прадедовъ, а женщины—за столъ для прабабушекъ. Погулявъ немного въ этомъ домѣ, всеъ идетъ въ слѣдующій домъ; хозяинъ дома беретъ поманутую свѣчу и съ обнаженной головою идетъ впереди, а за нимъ идутъ всеъ гости и воображаемые покойники. Свѣча опять ставится у постели для покойниковъ (такая постель въ каждомъ домѣ готовится), а сами гости начинаютъ пить пиво и вино, но безъ шума, воздерживаясь даже отъ лишняго разговора, боясь какъ бы чѣмъ не оскорбить своихъ предковъ.

Когда такимъ образомъ обойдена будетъ вся родня, собираются опять въ первый домъ, гдѣ готовился медовый квасъ и отсюда ужъ провожаютъ покойниковъ на кладбище, выносять съ собой изъ каждаго дома хлѣбъ, соль, пиво, вино, яйца, по окороку свинины, ведро медоваго квасу. На кладбищѣ все это съѣдаютъ и выпиваютъ. Отъ окороковъ хозяинъ медоваго кваса отрѣзываетъ по кусочку свинины для солянки къ слѣдующему дню. Затѣмъ возвращаются домой, а покойниковъ просить остаться на кладбищѣ и не приходить къ нимъ въ домъ до тѣхъ поръ, пока они сами не пригласятъ ихъ опять“. Въ с. Пичлейкѣ того-же уѣзда, какъ намъ рассказывали, покойниковъ провожаютъ на второй день Пасхи

по двѣ старухѣ отъ каждаго рода. Штатолъ на второй день Пасхи передается для храненія другому члену рода и хранится у него до слѣдующей Пасхи въ амбарѣ. Мы видѣли два такихъ штатолъ въ дер. Вечкипѣ Наровчатскаго уѣзда. Они были обернуты полотевцами, уложены въ узкій длинный кузовъ и подвѣшены къ слегѣ амбара. О степени уваженія Мордвы къ этимъ свѣчамъ можно судить по тому, что хозяинъ дома, гдѣ хранился этотъ кузовъ, не рѣшался снять его, чтобы показать мнѣ; снять его можетъ только чистый человекъ. Тяжкимъ грѣхомъ считается осквернить какъ вѣбудъ зданіе, въ которомъ онъ хранится. У Мокши Нижегородской губерніи при насхальныхъ родовыхъ помпкахъ предметы, принадлежавшіе послѣднему покойнику, носили съ собой члены его семьи въ знакъ того, что онъ ходитъ съ ними по гостямъ ¹⁾. Любопытными подробностями отличались насхальныя поминки Мордвы Сямбирской губерніи въ XVIII в. Хозяинъ дома выходилъ на улицу съ бѣлымъ платкомъ въ рукѣ и звалъ всѣхъ умершихъ родичей по именамъ, стараясь не пропустить ни одного. Постоявши нѣкоторое время онъ собиралъ концы платка въ узелъ, несъ собранныя въ него души въ избу и выпускалъ на приготовленныя постели. Платокъ переходилъ къ особому выборному старцу, которому каждый давалъ при этомъ немного денегъ. Съ полученными такимъ образомъ отъ нѣсколькихъ родовъ платками старикъ ходилъ изъ дома въ домъ и клалъ ихъ на приготовленныя постели въ знакъ того, что покойники посѣщаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Обойдя всю деревню, старикъ сопровождаемый поющей и пляшущей толпой возвращался къ дому, изъ котораго вышелъ и отдавалъ каждому гостю его платокъ за маленькій выкупъ. Хозяева возвращались по домамъ, разводили передъ воротами костры, вытряхивали надъ ними изъ платковъ души, перепрыгивали сами черезъ огонь и въ заключеніе поливали на костеръ пуре ²⁾.—Угощеніе предковъ совершается затѣмъ: въ субботу

¹⁾ Майновъ. I. с. 71.

²⁾ Майновъ. I. с.

на Омовной недѣли, когда всѣ ходятъ на могилы съ брагой и съѣстными припасами и оставляютъ для покойниковъ крошки, передъ началомъ яровой пашни, когда покойниковъ просятъ принять участіе въ трапезѣ, которая устраивается на полѣ, и уродить хлѣбъ; въ Казанскую (8 июля). На Духовъ день ходили на кладбище всей деревней въ обѣденную пору. Здѣсь предъ бѣлой березой совершалось поминальное моленіе. Ставши предъ березой, просили ее: „кормилецъ—бѣлая береза, вотъ мы дасмъ тебѣ отъ міра жертву, не допусти никакой нечисти ни къ намъ, ни къ нашимъ дѣтямъ, ни къ нашимъ полямъ“. Закалалась скотина, кровью которой обрызгивалась береза, а кожа развѣшивалась на деревѣ. Со всѣхъ присутствующихъ собирали кольца, кресты, сюльгами, шурьки и все это или бросали въ дупло березы или навязывали на проволоку и вѣшали на вѣтви. Кости послѣ поминальной трапезы зарывались въ землю въ особой чашкѣ. На кладбищѣ для моленій устраивалось вѣчто въ родѣ горна. Тутъ нагрѣвался котелъ ведеръ въ 40 съ похлебкой изъ жертвеннаго мяса. Похлебку эту, обрызгнувши частью ея березу, ѣли всѣ присутствующіе. Подъ священной березой было устроено въ видѣ стола земляное возвышеніе (модо-марь, модо-шары — земляной столъ), за которымъ возсѣдали старики и старухи. Возвышеніе это накрывалось скатертью или войлокомъ. Этотъ холмъ, кажется, насыпался всѣми проходящими, такъ какъ каждый бросалъ подъ березу горсть земли, чтобы избавиться отъ лиха. Поѣвши всѣ шли къ березѣ кланяться, дѣловали ея кору, стараясь не тронуть дерева руками. По окончаніи прощальнаго обряда молвившіеся расходились, оставляя на трое сутокъ двухъ-трехъ стариковъ караулить, чтобы кто не похитилъ жертвы или не оскорбилъ березы.

Осенью, когда посѣивалъ хлѣбъ, на кладбищѣ устраивалось новое моленіе (сіор-марты-озкс).

Въ XVII в. вмѣстѣ перечеисленыхъ нами празднествъ въ честь усопшихъ совершался чрезъ продолжительныя промежутки времени (лѣтъ черезъ пятьдесятъ и больше) специальный

молянъ, повидимому, для возстановленія въ надлежащемъ видѣ могильныхъ насыпей—маровъ. Указаніе на этотъ молянъ мы имѣемъ въ не разъ уже цитированномъ дѣлѣ о моленіи въ дер. Чукалахъ. Выраженія, въ которыхъ говорила объ этомъ молянѣ призванная къ допросу мордва — „засыпали землею мары“, „осыпали мары“, т. е. вамогильные холмы — позволяютъ предполагать, что главная задача молена въ томъ и состояла, чтобы вновь поднять опавшія земельныя насыпи. Въ честь усопшихъ при этомъ рѣзали коровъ и лошадей. Забота о сохраненіи могильныхъ холмовъ представляется совершенно естественной въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя постигаютъ по мордовскимъ вѣрованіямъ челоѣка, печально нарушившаго неприкосновенность могилы.

Періодически повторяющіеся праздники въ честь предковъ устанавливаютъ добрыя отношенія между родомъ и его отошедшими въ иной міръ представителями. Но эта гармонія отношеній довольно часто нарушается; не всё съ одинаковымъ почтеніемъ относятся къ своимъ умершимъ, какъ не въ каждой семьѣ всё члены воздаютъ большаку подобающей почетъ. Случается такъ, что о предкахъ по временамъ и забываютъ, оставляя ихъ голодать. Такое поведеніе не проходитъ безнаказанно для виновныхъ. „Родители“ предупреждаютъ о своемъ неудовольствіи являясь во снѣ. „Эхъ, всё і дять—говорить явившіеся во снѣ предокъ—а я стою въ сторонѣ, меня никто не кормитъ“. Семья, которой приснился такой сонъ, спѣшатъ устроить для усопшихъ неочередное угощеніе—готовить блиновъ, рѣжетъ курицу, большую часть всего этого, конечно, съѣдаетъ сама, но остатки относитъ на то мѣсто близъ кладбища, гдѣ сваливается соръ. Иногда предки и прямо караютъ за непочтеніе: у челоѣка не родятся или хорраютъ дѣти, прихварываетъ безъ видимой причины ктонибудь изъ взрослыхъ семейныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ догадываются, что это дѣло предковъ. О больномъ говорятъ, что ему попричилось отъ мертвого („кумист арас“). Для примиренія съ усопшимъ приглашается опытная въ этомъ дѣлѣ ворожея.

Въ глухую полночь больной и старуха отправляются на перекрестокъ „прощаться“¹⁾. Больной садится, нагнувшись на землю; ворожея трижды очерчиваетъ его ножомъ, снимаетъ съ него и отбрасываетъ крестъ, поясъ, оборы у лаптей, бросаетъ на землю зерна, хлѣбъ, немного крупы, яйцо, иногда живую курицу, деньги (прошеньянь-армакъ) и молить за него предковъ и можетъ быть нечаянно обиженную могильную землю („modo-марь“). По мѣстамъ вмѣсто хожденія на перекрестокъ ходятъ на кладбище и молятся предъ священной березой, положивши предъ ней лепешки и какую нибудь принадлежность одежды больного — „матушка бѣлая береза, пошли лучшіе дни, дай здоровье“.

Чтобы получить отъ пораженной безплодіемъ женщины дѣтей, „родителямъ“ общаютъ специальное жертвоприношеніе.

Морь на скотину или на людей такъ-же приписывается гнѣву предковъ и для умноженія ихъ заранѣе назначается специальное общественное моленіе—опахиваніе или огражденіе деревни. „Огражденіе деревни совершается за нѣсколько дней до Вознесенія Господня. Въ назначенный день сельскій староста на счетъ общества приготовляетъ разныя кушанья, покупаетъ вино, медъ и разную закуску. Вечеромъ приглашаетъ къ себѣ нѣсколько старухъ, вдовъ и дѣвцъ. Когда на улицѣ стихнетъ шумъ, всѣ съ приготовленными кушаньями отправляются на кладбище: дѣвушки съ распущенными косами и безъ поясовъ, берутъ съ собою соху и ведро съ горячими углями; сельскій староста беретъ съ собою ружье. На кладбищѣ, на могилѣ пераго основателя деревни, разставляютъ всѣ кушанья и начинаютъ молиться, прося покойнаго основателя деревни отъ имени всего общества сохранять деревню отъ всякихъ бѣдъ. Съ кладбища выходятъ на край деревни и сохой проводятъ черту вокругъ нея; причемъ соху везутъ дѣвушки по-переменно, а

¹⁾ Значеніе перекрестковъ въ дѣлѣ общенія съ умершими выясняется изъ констатированнаго уже нами древняго обычая ставить близь нихъ гробы съ умершими.

держитъ ее вдова, впереди несутъ ведро съ углями. У каждой околицы останавливаются, стрѣляютъ изъ ружья и зарываютъ въ землю мѣдную монету въ даръ богу—хранителю деревни. Огородивъ такимъ образомъ деревню „железнымъ заборомъ“, опять все собираются на кладбище, доѣдаютъ и допиваютъ все оставшееся и расходятся по домамъ¹⁾).

Предки, съ культомъ которыхъ мы сейчасъ познакомились, являются первыми и наиболее близкими къ Мордвѣ сверхъестественными существами. Они вводятъ насъ въ обширный міръ во всемъ подобныхъ имъ боговъ.

И. Смирновъ.

¹⁾ Отчетъ переводч. комиссіи при брат. Св. Гурія Каз. 1893, 33.

МАТЕРИАЛЫ.

I. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Малетинскія древнія копи и земляныя постройки, въ Алтайскомъ округѣ—въ Сибири.

Въ расположенной по правую сторону р. Оби, ниже г. Барнаула, Малышевской волости, близъ дер. Малетиной, извѣстны урочища, заслуживающія вниманія, какъ геолога, такъ и археолога, такъ какъ тамъ можно еще розыскать, судя по архивнымъ и устнымъ свидѣтельствамъ, древнія копи, съ рудными признаками, и земляныя постройки съ намеками, въ одномъ мѣстѣ, на защиту отъ непріятельскихъ нападений и, въ другомъ, на постоянныя жилища того доисторическаго народа, который, безразлично къ расовымъ отношеніямъ и эпохамъ, называется у насъ чуждою. Слѣды этихъ остатковъ исчезнувшей культуры незнакомыхъ строителей теперь, вѣроятно, уже слабы, но сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда ни плугъ земледѣльца, ни топоръ дроворуба еще не заставляли Алтайскую природу молить о пощадѣ, они, безъ сомнѣнія, были рельефнѣе, потому похѣщаемое за синаѣ, относящееся къ помянутымъ урочищамъ, архивное извлечение изъ одного дѣла прошлаго вѣка, принадлежавшаго Барнаульскому горному архиву, должно представлять въ наши дни не только отвлеченно-научный, но и нѣкоторый практическій интересъ.

Обстоятельства, сдѣлавшія извѣстными Малетинскія урочища, сложились, судя по дѣлу, такъ: Малышевской земской избѣ писчикъ Андрей Петелинъ представилъ, въ началѣ сентября 1780 года, правителю Колыванской области Меллеру, который былъ въ то же время и начальникомъ надъ Колывано-воокресенскими Кабинетскими заводами, куски руды, найденные близъ дер. Малетиной; такъ какъ по пробѣ въ Барнаульской лабораторіи руда эта оказалась серебросодержащею, то Меллеръ, не теряя времени, командировалъ на мѣсто находки унтеръ-шахтмейстера горной службѣ Василья Головина и, въ концѣ осени того же года, получилъ отъ него донесеніе, объявляющее, что объявленное писчикомъ Петелинымъ рудное мѣсто лежитъ отъ Барнаульскаго завода въ разстояніи 175 верстъ, а отъ завода Сузунскаго верстахъ въ 64-хъ. Руда содержится въ плоской горѣ, окруженной съ Ю. и З.

болотистой долиною, среди которой лежат три озера: Мочыше, Татарское блядо и Неботаскское; съ С. и В. она отдѣляется отъ подобныхъ же некрутыхъ возвышенностей сухими впадинами и тянется, по меридіанальному направлению, версты на 2, въ ширину версты на $1\frac{1}{2}$, а высоты надъ уровнемъ, отстоящихъ отъ нее верстахъ въ 2-хъ, 3-хъ названныхъ выше озеръ, имѣетъ саженъ 15-ть. Поверхность вокругъ горы изрѣдка устлана валунами дрсвяничнаго камня, нефіанскими, однако, распашкамъ, но въ 2-хъ мѣстахъ изъ подъ пахатнаго слоя выступаютъ не очень большіе, но каменистые холмы.—О болѣе удаленныхъ окрестныхъ мѣстахъ Головинъ пишетъ: «Малетинскій боръ состоитъ изъ сосноваго лѣса, годнаго на всякое употребленіе, и тянется отъ горы версты на 8, при ширинѣ отъ 2 до 4 версты; подобный же лѣсъ произрастаетъ по теченію рѣчекъ: Аллака, впадающаго въ Обь справа, выше дер. Малетиной, двухъ Чингисовъ и Каракона, которые впадаютъ также въ Обь съ правой стороны, но ниже Малетиной; наконецъ растетъ лѣсъ и по лѣвому притоку Оби — Алеусу. По плоскимъ горамъ, ключамъ и рѣчкамъ, начиная отъ устья Аллака до дер. Малетиной и ниже, встрѣчаются валуны и «рудамъ свойственные минерализованные камни», подающіе, по мнѣнію Головина, надежду на возможность отысканія и болѣе богатыхъ, къ плавкѣ годныхъ, рудъ. Словомъ, здѣсь, по возможности, упирается въ Обь, отодвигая ее на западъ, рудоносный Саяно-иркисскій край, прославившійся потомъ большимъ богатствомъ бѣдныхъ по содержанію серебряныхъ рудъ.

Развѣдка Головинныхъ была заложена близъ юго-восточнаго края горы, причемъ произведенныя прорѣзкомъ и пробитыми въ разныхъ мѣстахъ шурфами, подъ слоемъ песчаниковатой глины, отъ $\frac{1}{4}$ до 2 арш. толщиною, встрѣчена порода—вапъ, по названію Головина, простѣченная прожилками и гнѣздами зернистаго и листоваго кварца, перемѣшаннаго со свѣтло-желтыми и другихъ цвѣтовъ охрами. Залеганіе этой породы въ глубь и широкое простираніе ея осталось неопредѣленнымъ, но обнаружено, что съверозападнымъ концомъ толпа ея примыкаетъ къ сѣрому камню, составляющему компанутые выше каменистые холмы, выступающіе изъ подъ пахатнаго слоя, а затѣмъ раздѣляется по обѣимъ сторонамъ одного изъ нихъ. Упоминаемая здѣсь кварцевато-охристая порода, по произведенной потомъ пробѣ, оказалась только $\frac{1}{4}$ золотн. серебра въ пудѣ, но по объясненію Головина шурфованный имъ вапъ составлялъ лишь кровлю или головную часть болѣе орудѣлыхъ, по его предположенію, массы.

Вмѣстѣ съ отчетомъ о развѣдкахъ изслѣдователемъ представлены слѣдующія замѣчанія:

1) «Отъ самаго раздѣленія (породы), на западной сторонѣ (каменистаго холма, блинъ древняго, обитаемаго въ тѣхъ мѣстахъ, народа, значащагося въ здѣшней округѣ подъ именемъ чуди, рудокопныя ямы, длиною, подлѣ самаго холма, до 37, шириною отъ 2 до 15, глубиною, имѣетъ отъ 1-й сажени и менѣе, въ среднѣй конѣхъ, по расчеткѣ (поперекъ) прорѣзкомъ, длиною на 3, шириною на 2, глубиною отъ матерой земли на 1, саж. найдены по свѣти наплывномъ земли, въ почвѣ, между сѣраго наплывнаго камня, скотинными кости, уголь, сожнвшее и отчасти минерализован-

ное дерево, а отъ рудной породы, между выметываемого отвала, (ничего) не находится, какъ только желѣзистая темно-бурая охра, съ прилипшими къ дному стѣрому камню слоями шпата, въ самомъ маломъ количествѣ находящагося, въ коемъ, хотя и желкія частицы, и серебряныхъ кислотъ (нѣсколько) присоединилось, однако на пробу однихъ недостаточно. Въ концѣ же поянутаго прорѣза, отъ самаго раздѣленія всего руднаго положенія, т. е. отъ сѣверо-восточной стороны, оказался рѣчной желтоватой, смѣшанный съ разноцвѣтными, агатового рода, желкими гальками, пескомъ, между конхъ (гальки) находятся и полупрозрачные сердолики съ тапловымъ фазомъ (?), въ которомъ песокъ, по учиненіи опыта промывкомъ, изъ восемнадцати фунтовъ натуральныхъ металловъ не найдено ничего кромѣ блестящей руды желѣзной, да и полученный черезъ то шихтъ по пробѣ ничего не оказалъ; въ почвѣ поянутаго въ концѣ прорѣза оказался, большими плитами откалирившійся отъ холама стѣровидный галлимеромъ и охрой проникнутый камень и видно, что оный, при продолжаемой тѣми древними народами работѣ, былъ отъ руднаго положенія залыбданомъ, или стѣнокъ онаго, который (камень), за неимѣніемъ буровыхъ инструментовъ и пороку, пробить было невозможно, отчего и почвенное состояніе тѣхъ копен—по какимъ рудамъ точно они работали—остается еще неизвѣстнымъ, которое (почвенное состояніе), въ разсужденіи шпатовъ, съ малыми частицами серебряныхъ кислотъ, а притомъ и немалой ихъ (чуждскихъ народовъ) работы, предвидится оставитъ, безъ открытія самой почвы, сумнительно.

2) «Отъ предписанныхъ копей, по длинѣ той же горы, къ стѣру, въ отдаленномъ къ западу, между волопоемныхъ отъ рѣки Оби мѣстъ, въ плоскомъ, длиною до одной, шириною до половины версты, пригорькѣ, состоящемъ, какъ отъ поверхности видно, изъ желтоватаго плотнаго кварца и известнаго чернаго камня, находятся, по объявленію крестьянина Федора Малетина, девять ямъ такихъ же, древняго народа, рудокопныхъ, изъ конхъ одна длиною о 35, шириною до 20, глубиною до 3-хъ сажень, а прочія, оной поразмѣрности въ величинѣ, видятся длиною и шириною до 1 сажени, а по какой рудной породѣ оныя работаны, за запыленіемъ, по низости мѣста, и отъ спитія растен и происходящей земли, а затѣмъ, и выпали уже снѣги, донскаться и въ скорости развѣдать было не можно».

3) «Неможно безъ вниманія пропустить и сего, что между выше писанными копей, на луговомъ мѣстѣ, находятся тѣхъ древнихъ народовъ остатки жилищъ, состояція ими изъ не весьма высокихъ, въ немаломъ количествѣ, а всего квадратно до половины версты, параллельныхъ валоу, имѣющихъ между собою не глубокіе рвы; а какъ они между собою отстоятъ не болѣе одной съ половиною сажени, то слияніемъ представляють, при такомъ положеніи мѣста, садъ, а не иное какое зданіе».

4) «Къ верху же рѣки Оби, отъ онаго мѣста (сада) до шести верстъ, была у нихъ и крѣпость а четырехугольная, длиною на 80, шириною до 45 саж. обнесенная отъ неприступной крутизны у вала съ трехъ сторонъ землянымъ валомъ и обыкновеннымъ рвомъ, произрастающимъ ими и самими уже столѣтними соснами, въ конхъ развалинахъ найдены употребляемые

тѣми народами каменное, до $\frac{1}{2}$ фута длиною, орудіе, на подобіе долота или нѣкотораго рода сѣчки, и иѣдная съ плоскимъ дномъ чашка, какъ изъ фигуры примѣтитъ можно, что она была при богослуженіи или лампадою или звонцомъ. А за всѣмъ тѣмъ, въ окрестности всѣхъ описанныхъ мѣстъ кладбищевъ мертвыхъ находится не мало».

5) «По объявленію пищика Петелина, отъ дер. Ключевой къ стѣверу въ одной верстѣ, древнихъ народовъ рудоконныя ямы, кон положеніемъ состоятъ въ плоской долинтѣ, расположены длиною до 200, шириною до 85 сажень; работаны мѣстами, перевалкою пустаго камня на выработанныя мѣста, а въ нѣкоторыхъ (мѣстахъ) и одинакими ямами, по разнovidной охраной и темнecвѣтной желѣзной рудѣ, коей не токмо въ оныхъ довольно, но и въ лежащемъ отъ оныхъ копей къ полудню немаломъ болотѣ находится такового-жъ свойства, подъ самой кочковатой землей, не мало, а притомъ и въ западную сторону отъ тѣхъ же копей, какъ изъ звѣринныхъ выгребовъ и въ ямахъ промышляющихъ оныхъ (звѣрей) видно, лежитъ версты на 4, изъ коихъ (ямъ, копей) руды, по пробѣ въ адѣшней лабораторіи, оказали, изъ пуда, чугуна до 15 фунтовъ».

6) «По объявленію означеннаго пищика Петелина, въ признаномъ имъ, по теченію рѣки Оби ниже села Чингискаго, при рѣчкѣ Большемъ-Чингискѣ, за плотину древнихъ народовъ, мѣстѣ, по осмотрѣ и развѣдкѣ, оказалась не плотина заводская, но увальъ натуральный, наведенный чрезъ долговременность и извѣтность той рѣчки теченія, ибо съ одной стороны пришелъ дугъ, а съ другой же крутизна, сходящими къ рѣчкѣ мысами, а при томъ и рѣка Обь при внешнемъ разлитіи къ составленію сего подобія быть можетъ не послѣдней причиной (была)».

Прим. Въ описаніи этомъ слово «садъ», отнесенное къ паралельнымъ вламъ урочища 3-го, употреблено, надо полагать, не въ общерапространенномъ нинѣ смыслѣ искусственнаго древеснаго насажденія, а можетъ быть, въ томъ же старо-русскомъ значеніи, въ какомъ принимается слово посадъ, что, однако, ждетъ болѣе компетентнаго подтвержденія, какъ и самое описаніе Головина.

Барнаулъ, 18 мая 1893 г.

Н. О. Чупинъ.

Мѣстности въ долинтѣ р. Ангrena, интересныя въ археологическомъ отношеніи,

1) Кишлакъ Канджигалы (Ташкентскаго уѣзда, на правомъ берегу р. Ангrena, приблизительно верстахъ въ 25 отъ кишлака Той-табе, 2-й станціи отъ Ташкента по холжентскому тракту).

Теченіемъ р. Ангrena нѣсколько ниже кишлака подмыло и обрушило берегъ. Въ образовавшемся ярѣ видны на разстояніи около сажени отъ поверхности земли слѣды строеній, имѣющихъ фундаментъ изъ обожженаго кирпича. Туземцами здѣсь были найдены золотыя и серебряныя монеты и другія вещи. Мнѣ удалось видѣть у одного туземца пряжку, повидному,

греко-бактрійскую, изъ нефрита, очень изящной работы, съ кривкомъ въ видѣ головы орнаментическаго животного. Вся мѣстность около обвалившагося берега покрыта небольшими курганами, изъ которыхъ выгалавливаютъ кирпичи, черепки посуды, и попадаются обломки каменныхъ плитъ.

2) Айры-ташъ (верстахъ въ 3 отъ большого кишлака Теляу, на лѣвомъ берегу р. Ангрена, отъ кишлака Канджигламъ вверхъ по теченію верстахъ въ 15).

Мѣстность Айры-ташъ расположена недалеко отъ горъ и верстахъ въ 2—3 отъ р. Ангрена. Здѣсь, какъ и въ кишлакѣ Канджигламъ, идутъ цѣлые ряды небольшихъ кургановъ. Мѣстные туземцы усиленно раскапываютъ ихъ, въ особенности по ночамъ, и добытыя монеты и старинныя золотыя и серебряныя вещи тотчасъ-же, не донося русской администраціи, переправляютъ у мѣстныхъ ювелировъ на кольца, браслеты и т. п. Мнѣ рассказывали туземцы въ Теляу, что одинъ изъ нихъ, рою землю въ Айры-ташъ, нашелъ три корчаги (хум). Одна была наполнена землей (пепломъ); другая дорогими камнями, а въ третьей были человѣческіе черепа. Туземцами въ Айры-ташъ и другихъ окружающихъ мѣстахъ было добыто въ разное время много мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ, мѣдные сосуды съ надписями, кольца, серги, браслеты и т. п. («Туркест. Вѣдом.» 1893).

Изъ поѣздки въ селеніе Мамаевку.

«Осмотрѣвъ холмъ «Карауль-типя», мы отправились къ Мамаевкѣ. Дорога отъ этого холма шла по склону, ведущему въ долину. Чѣмъ болѣе приближались мы къ долинѣ, тѣмъ чаще замѣчались небольшіе холмики, которыми устѣяна, можно сказать, самая нижняя часть склона. До конца спуска въ долину отъ холма «Карауль-типя» будетъ версты двѣ-три. При спускѣ въ долину видно, что нижній край склона искусственно срезанъ по кривой линіи и образуетъ небольшой гребень, болѣе замѣтныи изъ долинъ. За этимъ незначительнымъ гребнемъ идетъ полукруглая выровненная полоса земли, окаймленная двойнымъ валомъ, вышиною въ сажень или немного болѣе. Валъ этотъ представляется двойнымъ, потому что по срединѣ его проходитъ канва, можетъ быть служившая арыкомъ для проведенія воды изъ Арыса. На восточной сторонѣ этого вала ясно видны концы его, между которыми находится свободный проходъ. Далѣе за валомъ снова идетъ широкая полоса выровненнаго пространства, примыкающаго къ третьему валу, окружающему почти правильнымъ кольцомъ огромный курганъ, извѣстный у киргизъ подъ названіями «Джунанъ-типя», т. е. толстый холмъ, или «Таякъ-салды», т. е. положилъ палку. Валъ, окружающій холмъ, неодинаковой ширины (отъ 15 до 20 саж.), имѣетъ неровную поверхность и противъ юго-восточнаго угла холма оставляетъ проходъ шириною въ 60—70 шаговъ. Вышина вала вслѣдствіе неравномѣрнаго его осыданія неодинакова, но въ общемъ ее можно принять въ 3 сажени. Такимъ образомъ курганъ Джунанъ-типя (Таякъ-салды) заключенъ внутри двухъ искусственныхъ валовъ и трехъ широкихъ рововъ между ними. Входы къ этимъ валамъ, открывшіеся къ востоку и юго-востоку, т. е. къ склону, спускающемуся въ долину Арыса,

накопать на мысль, что эти вала открывали сообщеніе со степью, среди которой на возвышенности склона находятся могилы и «Карауль-типя». Находящийся внутри послѣдняго вала курганъ Джуанъ-типя (Таякъ-салды) имѣть форму почти правильной четырех-гранной усѣченной пирамиды, сажень въ 8 высоты. При основаніи каждая сторона этой пирамиды имѣть сажень 50, а въ верхнемъ сѣченіи 25. Сѣверо-восточная грань пирамиды, повидимому, нарочно сдѣлана болѣе отлогой для удобства подъема на верхъ пирамиды. Можетъ быть, имѣло особое значеніе и то, что подъемъ на пирамиду устроены не противъ входа внутрь вала. Холмъ несомнѣнно насыпной, какъ показываетъ и мѣстность, среди которой онъ стоитъ, и самая земля, весьма легко поддающаяся раскопкѣ. Особенною рыхлостью отличается земля на верхнемъ холма, гдѣ вступитъ встрѣчаетъ незначительное сопротивленіе только при первомъ ударѣ, когда пробивается корка, отвердѣвшая отъ дождей и вресени. Далѣе идти совершенно рыхлая земля сѣрватаго цвѣта. Можетъ быть, таково свойство солончаковаго грунта.

На поверхности этого холма межовщикъ Баронинъ отрылъ круглый глиняный столъ на трехъ ножкахъ и два тонкихъ (ручныхъ) жернова. Диаметръ стола $14\frac{3}{4}$, толщина крышки $\frac{1}{4}$, а общая высота стола $2\frac{1}{2}$ вершка. Круглый верхъ стола и ножки составляютъ одно цѣлое и сдѣланы довольно правильно. Ножки имѣютъ форму утолщенныхъ въ основаніи и закругленныхъ снизу столбиковъ, соединенныхъ съ крышкой нѣсколько изискось къ ея окружности. Въ двухъ ножкахъ, по бокамъ ихъ, вдавлены по четыре ямки, а въ одной ножкѣ пять ямокъ, въ которыя можно вложить пальцы руки и поднимать столъ. Круглая крышка стола съ наружной стороны гладкая и сохранила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонкій слой оранжевой окраски, а съ внутренней стороны, гдѣ крышка соединена съ ножками, поверхность ея на $\frac{1}{2}$ верш. вдавлена. Между ножками, но не на самой срединѣ крышки, ясно видно 15 узоровъ, полученныхъ отъ вдавленного въ глину клейма. Узоры эти представляютъ небольшіе квадратики, имѣющіе стороны въ $\frac{1}{2}$ вершка. Квадратики эти украшены крестообразной выпуклой фигурой, концы которой имѣютъ сходство съ лепестками овальной формы, а въ углахъ, образуемыхъ концами, находятся выпуклости въ видѣ шариковъ.

Г. Баронинъ рассказывалъ, что столъ этотъ онъ добылъ съ глубины $1\frac{1}{2}$ аршина, причемъ, роя землю, встрѣчалъ осколки глиняной посуды и человѣческія кости, а подъ самымъ столомъ имъ былъ замѣченъ слой истлѣвшей одежды. Современные туземцы обыкновенно говорятъ, что эти холмы принадлежатъ калмыкамъ или даже китайцамъ, но полагаются на показанія туземцевъ въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія, потому что передаютъ они это со словъ дѣдовъ и отцовъ, а письменныхъ свидѣтельствъ у нихъ нѣтъ.

Близъ Мамаски я разрылъ нѣсколько небольшихъ намогильныхъ холмовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что это действительно не могила ланькиа, а не что нибудь другое. Въ разрытыхъ холмахъ могилахъ были найдены человѣческіе скелеты, уложенные по два и по четыре. Скелеты были обращены головою къ сѣверо-востоку и лицомъ къверху. У одного скелета ноги были подогнуты подъ прямыя углы, а другіе скелеты лежали безъ определен-

ного порядка. Может быть, въ этихъ могилахъ были похоронены умершие одновременно, а можетъ быть, въ одной и той-же могилѣ хоронились покойники, умершіе въ разное время и затѣмъ засыпанные общими холмомъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ скелеты лежали не на одномъ уровнѣ, а въ различныхъ слояхъ грунта. Черепа своею формою несомнѣнно указываютъ на монгольское происхожденіе покойниковъ. Одна изъ добытыхъ мною череповъ представляетъ собой весьма любопытную аномалію: у этого черепа почти совершенно незамѣтно лба, а прямо за надбровными дугами идетъ выпячиваніе, постепенно расширяющееся къ затылку. При одномъ скелетѣ найдены мною двѣ мѣдныя сережки и нѣсколько мелкихъ бусинокъ, а при другомъ — обломокъ мѣднаго кружка съ выпуклой щеткой для прикрѣпленія къ одеждѣ. Во всѣхъ разрытыхъ могилахъ скелеты лежали или на слотѣ изъ два вершка толщиной мелкой гальки, взятой, очевидно, изъ Арсса, или на черепкахъ разбитой глиняной посуды, которыми была выстлана полъ могилы. Въ одной могилѣ полъ былъ выложенъ таковыми-же черепками, а сверху засыпанъ слоемъ гальки. Близъ одного скелета было найдено остроконечное тѣло изъ темнаго страго камня съ дырочкой въ толстой его части, вѣроятно, для привѣшиванія къ поясу, а надъ рунцемъ скелетомъ было найдено нѣсколько яицъ по величинѣ болѣе куриныхъ, но менѣе гусиныхъ, и имѣвшихъ тонкую и синеватую скорлупу. По объясненію одного киргиза, это были яйца волжской въ этихъ мѣстахъ драхвъ (тудакъ). Ни въ одной могилѣ не было найдено ни одного кувшина и ни одной чашки тогда какъ близъ Ташкента въ каждой могилѣ были находимы мною и кувшины, и чашки. Всѣ скелеты лежали въ огороженномъ сырцовымъ кирпичемъ четырехъ-угольнике, засыпанномъ со всѣхъ сторонъ глиной. Такимъ образомъ могилы представляютъ собой невысокіе, вида опрокинутой чашки, холмы равнаго діаметра въ основаніи и не болѣе одной сажени вышины надъ склономъ, идущимъ въ долину. Могилы, расположенныя на верхней части склона, находятся въ большихъ разстояніяхъ одна отъ другой и имѣютъ большій діаметръ въ основаніи.

На валу въ двухъ мѣстахъ я встрѣтила на глубинѣ одной сажени круглыя ямы въ аршинъ діаметромъ дно которыхъ было выложено черепками битой глиняной посудой, а сверху засыпано мелкой галькой. Какое назначеніе имѣли эти ямы, объяснить не могу. (Туркест. Вѣд. 1893).

II. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Изъ быта мордвы деревни Дарки Парантѣвской волости Алатирскаго у. Симбирской губ.

Самая богатая женская одежда слѣдующая: 1) сукань, вродѣ мужскаго кафтана, шьется изъ чернаго шерстяного сукна: кругомъ по талии, а также воротникъ, рукава и правая полъ отдѣляются полушестомъ, который покупается, 2) куртка-безрукавка, шьется изъ купленнаго синяго кумача; воротникъ, полы и подолъ отдѣляются бѣлой мерзущкой, 3) шушпанъ вродѣ длинной женской рубашки; шьется изъ своего самаго тонкаго льняного холста; подолъ, а также грудь сверху до низу отдѣляется полушестомъ; кроитъ

того грудь и подолъ вышиваются еще шерстяныя красной, черной, зеленой и др.; широкой узоръ на груди называется «мещь-пельшь», а на подолѣ «видеть». 4) запонъ, шьется вмѣстѣ съ рукавами изъ купленной «французской» матеріи, къ подолу его пришивается оборка; внизу онъ весь также отдѣляется лентами разныхъ цвѣтовъ. Опоясываютъ его краснымъ кушакомъ (стамешь-каркъсъ), 5) паллагай, шьютъ также изъ своихъ матеріаловъ, изъ красныхъ и черныхъ шерстяныхъ нитокъ, сверху отдѣлываютъ его рядами бусами, пуговками, бисеромъ и тесьмой, 6) бѣлая рубашка, тоже шьется изъ тонкаго льняного холста; передъ сверху до низу, подолъ и рукава также вышиваются черной и красной шерстью.

Въ прежнее время, какъ говорятъ старики, женихъ нерѣдко былъ лѣтъ 12, 13-ти, а невеста лѣтъ 20, 25-ти; въ настоящее время парней женятъ обыкновенной лѣтъ 18, 19-ти, а невеста всегда бываетъ старше жениха, лѣтъ 20, 25-ти. Игриска дѣвочки начинаютъ водить дѣтъ съ 15-ти; большою частію бываетъ такъ, что съ кѣмъ играть, за того и выходитъ замужъ.

Отцовская родня называется общимъ именемъ тятень-родня, а материна—амань-родня; внуцаты материннаго отца называютъ вешка-дѣдай, а мать—вешка-бабай; старинную родню, т. е. дѣдовъ и прадѣдовъ, называютъ кезарень-родня.

Обрядовъ при усыновленіи чужаго ребенка никакихъ не бываетъ, кромѣ развѣ того, что родныхъ ребенка подчуютъ виномъ. Если когда у морзвовъ захваривается ребенокъ, то его притворно продаютъ прохожему человѣку или подаютъ въ окошко нищему, а онъ вноситъ его назадъ въ дверь, за что какъ первый, такъ и второй получаетъ кусокъ холста, или денегъ; это дѣлаетъ мать больнаго ребенка. Дѣти, прижитыя дочерью до замужества, называются тейтереней-эйнашь.

Зять прижитый въ домъ называется содамо-соватэнъ.

Свагъба. Лѣтъ 20, 25-ть тому назадъ браки у мордвы совершались большою частію по волѣ однихъ родителей; женихъ и невеста часто до самаго брака и не видали другъ друга, въ особенности, когда крали невестъ изъ чужаго села. Бывало, какъ рассказываютъ жители, родители жениха, гдѣ нибудь въ ближнемъ селѣ запримѣтять дѣвницу, соберутъ своихъ родныхъ односельцевъ, или знакомыхъ, нѣсколько человѣкъ мужиковъ, вооружатся дубинами на случай нападенія со противной стороны и ѣдутъ въ это село красть невесту. Подкарауливъ ея гдѣ нибудь, хватаютъ, сажаютъ въ сани, или телегу и везутъ прямо въ церковь. Если въ это время увидятъ жители или родные съ невестинной стороны, то выбѣгаютъ огбивать невесту и между ними завязывается драка, которая обыкновенно кончается тѣмъ, что невесту все-таки увозятъ. Невѣста при этомъ всѣми силами старается вырваться, но ее держатъ и растрепанную привозятъ прямо къ церкви, такъ какъ она впередъ, еще до кражи невесты, уведомлять церковно-служителей, что ѣдутъ красть невесту; здѣсь ее сначала уговариваютъ, а потомъ вѣнчаютъ, часто даже не смотря на ея несогласіе. Едва только успѣютъ обвѣнчать, какъ съ невестинной стороны катитъ погоня, и тутъ-же у церкви происходитъ между обѣими сторонами драка, но видя что теперь подѣлать ужъ ничего нельзя, мало по

малу мирятся и ѣдут гулять на свадьбу. Красть невесты здесь перестали не болѣе дѣтъ 20-ти тому назадъ.

Въ настоящее же время браки у мордвы совершаются болѣею частію съ согласія жениха и невесты.

Наканунѣ свадьбы къ невестѣ сходятся родные и несутъ ей кто кашни горшокъ, кто лепешекъ; послѣдняя она прячетъ въ коробки, а кашей подучаетъ родныхъ и дѣвицъ. Когда дѣвицы наѣдутся, то невеста беретъ поштофъ вина, каравай хлѣба и ѣдетъ съ ними нанимать «урвалынь-кудо», т. е. квартиру, на ней невеста находится въ то время, когда за ней прѣзжаетъ поѣздъ. У жениха-же наканунѣ свадьбы готовятъ «лувоны-кше», т. е. пироги. Пирогъ этотъ ѣдятъ прѣснымъ, кладутъ въ него десять разныхъ начинокъ: лукъ, каша и т. п. тѣсто всегда одинашное, на верху пирога изъ тѣста-же прикрѣпляютъ два голубя, означающихъ жениха съ невестой, и посыпаютъ макомъ, который дѣиствуетъ, какъ они думаютъ, отъ порчи. Затѣмъ приводятъ въ избу «жеребца», т. е. бабу ряжену въ оброгъ и колокольчики; другая баба за поводъ подводитъ жеребца къ столу, къ пирогу, подносятъ ему вина и онъ изо рта спрыскиваетъ виномъ пирога, который ставятъ въ печь, а жеребецъ начинаетъ лгать всѣхъ тутъ находящихся; жеребцомъ обыкновенно наряжаютъ самыхъ бойкихъ бабъ. Когда пирогъ испечется, то его украшаютъ разными цвѣтовъ бумажками и лентами, а на верху ставятъ на пирогу наряженную сосенку, съ которой «кудава», т. е. сваха, несетъ ѣсть въ церковь; потомъ пирогъ кладутъ на доску и четыре женщины за угламъ доски выносятъ его съ пѣснями и пляской въ амбаръ. Женихъ впрягаетъ пару лошадей и ѣдетъ за «кудавой»; она привозитъ дѣвицамъ невесты слобныхъ «орш-коть», отдѣляетъ ими дѣвицъ и начинаетъ пѣть: «Невте-ка лувоны-кше, монень-вискишъ аволь-уль» и т. д. Потомъ собираютъ поѣзжанъ, всегда нечетъ, поятъ ихъ виномъ, кормятъ обѣдомъ и похажъ они ѣдутъ запрягать для поѣзда лошадей. Поѣздъ отправляется къ невестѣ рано поутру въ день свадьбы; въ немъ находятся близкіе родные, кромѣ отца и матери, покшы-кула (дружка) и кудава (сваха). Когда поѣздъ прѣзжаетъ къ невестѣ, то послѣдней дома не бываетъ, а находится она на квартирѣ; сюда по прѣздѣ приходятъ сваха и дружка съ пирогомъ и караваемъ хлѣба, изъ собираютъ обѣдъ и они уходятъ; потомъ прѣзжаютъ сюда братья ея на своихъ лошадяхъ, сажавтъ ее на сани и возятъ по всему селу; ѣдетъ невеста стоя, плачетъ и со всѣмъ прощается; затѣмъ братья ее привозитъ домой, снимаютъ съ саней и сажавтъ на подушку и за угламъ подушки вносятъ въ избу, въ косякахъ двери она упирается, но кое-какъ еѣ проталкиваютъ. Въ избѣ невеста начинаетъ плакать и клаятъ жениха; сваха начинаетъ пѣть: «Лисъ сто-лекше, сейке дѣтъ, пекъ пурдыкъ» и т. д. Потомъ женихъ выдѣзаетъ изъ за стола, беретъ невесту за руку и встаетъ рядомъ; невестина-же родня начинаетъ дарить платками всѣхъ поѣзжанъ, а они на тарелку кладутъ коп. 2 отдарья. Послѣ этого жениха и невесту родители послѣдней благославляютъ, а потомъ садятся на лошадей, женихъ вѣдетъ съ невестой; женихъ правитъ лошадьми, а невеста стоитъ; въ это-же время кто-либо изъ родныхъ, близкихъ невесты запираетъ ворота; дружка даетъ денегъ и ворота отпираетъ; потомъ онъ-же три раза съ образомъ обходитъ вокругъ поѣзда и ѣдутъ въ церковь.

Покойниковъ въ прежнее время хоронили въ колодахъ, на которыхъ по бокамъ дѣлали четыре окошечка: по два съ каждой стороны; окошечки по ихъ понятіямъ они дѣлали для того, чтобы на томъ свѣтѣ покойникъ жилъ домою. Въ настоящее же время гроба (домовище) дѣлаютъ изъ досокъ, по бокамъ гроба чертятъ чѣмъ либо острымъ на подобіе окошекъ, но въ гробъ, кромя подушки съ вѣничными листьями, ничего не кладутъ. Могиламъ въ старину рыли и теперь роютъ на сажень глубины, а сверху дѣлаютъ высокую насыпь; носилки, на которыхъ несутъ покойника, также зарывають въ землю; въ прежнее время, какъ говорятъ старики, въ нѣкоторыя могилы опускали срубъ, дѣлали могилу на подобіе дома; покойника клали и теперь кладутъ головой къ востоку. Скоропостижно умершимъ и покойникамъ и теперь еще мордва приписываетъ бездождіе; ихъ они обыкновенно ночью тайкомъ вырываютъ изъ могилъ, подрѣзають ихъ пятки, «въ заднюю часть» выкапываютъ осинный долъ и бросаютъ ихъ въ рѣку или куда-нибудь въ оврагъ; дѣлаютъ это, конечно, не родня покойника. Въ старину у мордвы могиламъ устраивались на возвышенныхъ мѣстахъ, и теперь на нѣкоторыхъ изъ нихъ шѣли еще молебныя березы.

Моляны. Во время бездождія въ описываемой деревнѣ въ прежнее время въ четвертъ на Троицкой недѣлѣ въ полѣ устраивался моляны, полъ называемъ «букань озномъ-анги». Устраивался онъ слѣдующимъ образомъ: недѣли за три до моляна жители всѣмъ миромъ покупали быка и, чтобы онъ разжирѣлъ, пасли его по полямъ. Въ слѣдующій день моляна украшали рога его лентами и вели на мѣсто моляна. Народъ же къ этому дню варитъ пиво, браги, скупаютъ какъ къ празднику, и мужики со всѣмъ этимъ идутъ въ поле. Затѣмъ нѣсколько человекъ вдовцовъ отдѣлялись отъ нихъ, связывали быка веревкой, поливали водой и начинали сдирать съ живаго быка кожу. Онъ конечно, реветъ а народъ весь падаетъ на колѣна и молился, просилъ быка умереть за народъ и при этомъ говорилъ: «Шазъ куленекъ буканъ вайгель» (услыши, Господи, бычачій голосъ), или «Шазъ жаксыкъ пиземъ» (дай намъ дождя). Затѣмъ этого быка разрубали на части и варили тутъ же въ полѣ въ котлахъ. Послѣ этого начиналось гуляніе: ѣли мясо, пили вино, брагу. На молянахъ этихъ присутствовали только одни мужики. Въ настоящее время на мѣстѣ прежняго моляна стоитъ часовня и вырытъ колодезь; на него ходитъ мордва во время бездождія съ образами. Лицомъ крестьяне во время моляна всѣ обращались на полдень, а кости животного съ зарывали тутъ же и дѣлали надъ ними насыпь. Огонь для разведенія костра добывали треніемъ.

Деревня Дарки расположена рядомъ съ русскимъ селомъ Монадышами. Мужики всѣ умѣютъ говорить по русски, только говорятъ ломаннымъ языкомъ, болы же нѣкоторыя говорятъ по русски хотя плохо, а другія и вовсе не умѣютъ. Дѣти ихъ тоже нѣкоторыя умѣютъ говорить по русски, а другія вовсе нѣтъ. Это бываетъ оттого, что женщины и дѣти мало сообщаются съ русскими, а мужики ходятъ иногда въ село на общій сходъ, на заработки на сторону или въ солдаты. Дѣвушки и женщины впрочемъ поютъ иногда русскія пѣсни всѣмъ однимъ голосомъ и сильно при этомъ ломаютъ русскія слова. Есть впрочемъ у мордвовъ въ настоящее время стремленіе жить по рус-

ски, такъ напримѣръ, они заводятъ самовары, а у которыхъ нѣтъ ихъ то кипятятъ воду въ чугунахъ; дѣлаютъ въ домахъ особенныя чистыя комнаты, нѣкоторые обиваютъ ихъ даже обоями; начинаютъ заводить одежду, положимъ на русскую и даже роднятся съ русскими. Нѣкоторые богатые жители берутъ русскихъ женъ и платятъ большую казку, рублей до 80-ти деньгами, виномъ и одеждой. Русскіе жители ходятъ къ мордвамъ и мордва къ русскимъ, но только взрослые, а парни и дѣвчонки вовсе мало сообщаются. На игрища другъ къ другу не ходятъ. Бываютъ случаи что и русскіе берутъ женъ у мордвовъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ. Во время волостныхъ сходовъ русскіе и мордва пользуются одинаковыми правами, но всѣтаки платятъ въ своихъ мѣстностяхъ за инородческимъ большинствомъ. Въ волостные суды и старшинами попадаютъ тѣ и другіе; судятъ же какъ тѣ, такъ и другіе безпристрастно.

С. Жданцевъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Этнографическое обозрѣніе. 1893. Кн. I, II.

Изъ статей помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ №№ «Э. О.» къ этнографіи В. Россіи относятся «Салары» О. Поляркова и В. Ладыгина, «Тема объ усѣченной головѣ въ степи» Г. Н. Потанина «Киргизская легенда о веретенѣ, превратившемся въ гору» (№ 1), «Сахалинскіе Гляки» Л. Штернберга и «Повѣсть о Басаргѣ» Г. Н. Потанина (№ 2). Г. г. Полярковъ и Ладыгинъ предлагаютъ въ своей статьѣ данныя по этнографіи маленькаго племени, заброшеннаго въ горахъ китайской провинціи Ханьсу. Интересъ, который возбуждаетъ это племя у этнографовъ, обуславливается тѣмъ, что Салары считаются потомками Уйгуровъ, населъвшихъ некогда при-Байкальскій край и прилегающія мѣстности Монголіи. Г. Ладыгинъ записалъ нѣкоторое количество саларскихъ словъ и пришелъ на основаніи ихъ къ убѣжденію, что Салары, несомнѣнно, тюркское племя. Назъ свѣдѣній о бытѣ саларовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія данныя, рисующія роль ахуновъ. Семьи саларовъ построены на патриархальномъ началѣ: отецъ имѣетъ право убить непокорнаго сына, мужъ невѣрную или непослушную жену (въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ онъ даетъ небольшое вознагражденіе ея родителям); жена, убившая мужа, по приговору ахуновъ сбрасывается въ рѣку; тотъ-же приговоръ ждетъ ее, если она неоднократно была уличена въ прелюбоудѣяніи и мужъ отдалъ ее на судъ ахуновъ. Живо и стройно написанный очеркъ г. Штернберга о Гилякахъ представляютъ собою цѣнное дополненіе къ существующей небогатой литературѣ объ этомъ племени. Въ построеніи очерка видна печать школы, которая начинаеть выработываться въ Москвѣ, не смотря на то, что этнографія не имѣетъ еще у насъ официального признанія и мѣста въ ряду предметовъ университетскаго преподаванія. Характерной особенностью школы является преобладающій интересъ къ общественнымъ отношеніямъ и ихъ эволюціи.

Какъ и всѣ русскіе этнографы, г. Штернберъ сравнительно мало обращаетъ вниманія на внѣшній бытъ народа—на его постройки, костюмъ, орудія труда. Область «матеріальной этнографіи», въ которой съ такимъ успѣхомъ работаютъ нѣмецкіе и скандинавскіе этнографы только въ самое послѣднее

время начинает привлекать наше внимание—и то главным образом возмущением запросов, которые возникают со стороны развивавшейся археологии. С этой стороны подходит к ильшскому быту гиляков и г. Штернбергъ. Говоря о той ступени, на которой остановилось самостоятельное творчество гиляков, г. Штернбергъ пользуется преданиями и переживаниями въ обрядахъ: онъ отмѣчаетъ первобытный способъ добыванія огня (трескѣмъ) при сожиганіи умершихъ, преданія о временахъ, когда воду кипятили въ деревянныхъ корытахъ, бросая туда раскаленные камни, и обдавали глиной деревянную посуду, чтобы имѣть возможность варить въ ней пищу (за неимѣніемъ приготавливать глиняную посуду). Но жилища г. Штернбергъ касается только съ точки зрѣнія тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя имѣютъ мѣсто между его обитателями и почти ничего не говоритъ о его формѣ и устройствѣ.

Семейно-общественныя отношенія г. Штернбергъ, какъ и слѣдуетъ, обрисовываетъ, исходя изъ мысли, что въ современномъ стрѣѣ этихъ отношеній можно найти слѣды былыхъ, пережитыхъ ступеней развитія. Анализируя номенклатуру общественныхъ отношеній и различные обряды, онъ приходитъ къ заключенію, что современному индивидуальному браку предшествовалъ родовой бракъ, формы котораго приближаются къ т. н. «*Pinulua-family*» (навахъ=pinulua=компаньонъ, пайшикъ). Гилякъ употребляетъ одно и тоже слово для обозначенія отца, его братьевъ и мужей сестеръ своей матери; матери, женъ братьевъ отца, сестеръ своей матери. Этой терминологіей соотвѣтствуютъ переживания старою строя: «и теперь каждый гилякъ имѣетъ супружескія права на женъ своихъ братьевъ всѣхъ степеней родства и на сестеръ своей жены». Попутно съ характеристикой современныхъ родовыхъ отношеній авторъ разъясняетъ смыслъ «праздника медвѣдей»: это родовой праздникъ въ честь дѣшга (паль-нивух) и медвѣдъ является въ немъ жертвой, а не чествуемымъ божествомъ. Въ главѣ, посвященной религіознымъ вѣрованіямъ, г. Штернбергъ отмѣчаетъ антропоморфізмъ гиляцкихъ представлений о божествѣ: каждая стихія, каждый элементъ природы имѣетъ своего «хозяина» (кур-нивухъ), который оказывается совершеннымъ гилякомъ по виду. Какъ сами гиляки, эти кур-нивухи плодятся и умираютъ. Жертвы гиляковъ имѣютъ ту особенность, что онѣ не должны состоять изъ тѣхъ предметовъ, за которые приносятся. Усопшіе у гиляковъ сожигаются, но можно думать, что раньше покойникъ оставался въ той юртѣ, въ которой умеръ, и семья перебиралась въ новое жилище. На это намекаютъ нѣкоторыя особенности погребальнаго обряда: утопленника сожигать на берегу моря, но семья строитъ себѣ новую юрту; въ миниатюрной юртѣ помещается вообще прахъ сожженаго и рядомъ жертвенныя приношенія; раздавленный медвѣдѣмъ погребается вмѣстѣ съ груною этого послѣдняго въ обширномъ балаганѣ съ небольшими отверстіями для помѣщенія корытцевъ съ жертвоприношеніями.

Въ главѣ «юридическій бытъ» особеннаго вниманія заслуживаетъ характеристика гиляцкихъ возрѣтій на собственность. Гиляки крайне строги въ своихъ правахъ на тѣ рѣчки, по которымъ они ставятъ свои пѣтанъ и до-

вѣшки. Всѣ рѣчки территоріи селенія распреѣлены разѣ навсегда между семьями того рода, который впервые поселился близъ этихъ рѣчекъ и пользовался ими, и эти рѣчки, ихъ притоки и отдѣльныя протяженія ихъ переходятъ по наследству... Это отношеніе гиляковъ къ рѣчкамъ слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ аналогію, при изслѣдованіи быта тѣхъ народцевъ, на территоріи которыхъ встрѣчаются названія текучихъ волъ составленныя изъ нарицательнаго имени «рѣка» съ личными именами.

Труды Рязанской Архивной Коммиссіи. Т. VII, № 9. 1892.
Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника. Рязань.
1893.

Въ 9 № «Трудовъ» помѣщенъ отчетъ за 1892 г., который заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Въ отчетномъ году произведены были обстоятельныя раскопки могильника при дер. Боркахъ въ 2-хъ верстахъ отъ Рязани. Разрыто было 111 могилъ, изъ которыхъ добыто 1300 №№ разнообразныхъ предметовъ. Резюмируя результаты этихъ раскопокъ, составитель отчета заключаетъ: «могильникъ по способу погребенія и найденныхъ (sic!) въ нихъ предметовъ (sic!) принадлежитъ къ одному типу съ могильникомъ Курманскимъ... Старо-Рязанскимъ». На основаніи сопоставленія добытыхъ здѣсь вещей съ найденными въ другихъ мѣстахъ авторъ отчета устанавливаетъ «родственные признаки населенія (sic!) Борковскаго могильника съ нѣкоторыми литовскими, западно-славянскими, а также съ катакомбнымъ могильникомъ что въ Осетіи, изслѣдованнымъ проф. Самоквасовымъ». «Есть также, читаемъ мы далѣе, признаки общіе съ могильниками Тамбовской губерніи, изслѣдованными Спичнымъ». «Что касается времени, къ которому относится могильникъ, то его можно приурочивать къ двумъ эпохамъ: древнѣйшей, можетъ быть съ VI в. и позднѣйшей—VIII—IX». Изъ «Дневника раскопокъ» не видно однако, чѣмъ руководствовался въ своихъ соображеніяхъ относительно времени происхожденія могилъ авторъ отчета.

Ни отчетъ, ни дневникъ не даютъ никакихъ выводовъ, къ которымъ могло-бы привести изслѣдованіе обширной площади съ 111 могилами и остатками ганнобитныхъ печей. Читатель самъ долженъ резюмировать впечатлѣнія, оставшіяся у него послѣ прочтенія того и другого. Позволяя себѣ подобную попытку, мы считаемъ необходимымъ прежде всего обратить вниманіе читателей на то, что площадь могильника такъ или иначе утилизировалась человекомъ въ теченіе очень продолжительнаго времени. На глубинѣ 3-хъ вершковъ наследователи обнаружили почвенный слой темнаго цвѣта (толщиной отъ 6 до 10 верш.), въ которомъ оказалось значительное количество черепковъ и желкихъ углей и рядомъ различныя находки. Въ числѣ находокъ на площади могильника упоминаются кремневая и костяныя орудія (скрепки, стрѣлы, ножи, иглы, шила), которыя отсутствуютъ въ могилахъ. Рядомъ съ ними на различной глубинѣ встрѣчались предметы позднѣйшихъ эпохъ, начиная отъ бронзовыхъ украшеній того-же типа, что и въ могилахъ, и кончая

железными ножищами совѣтъ уже не далекаго отъ насъ времени. Въ этомъ же слѣдѣ исследователи встрѣтили остатки глинобитныхъ печей; въ однихъ случаяхъ это были только основанія ихъ, въ другихъ стѣнки и свода. Сравнительно позднее происхожденіе ихъ очевидно изъ того, что они находились на поверхности слоя, который на глубинѣ отъ 10 верш. до 2 арш. заключалъ въ себѣ слѣды пребыванія челоуѣка—черепки горшковъ, кости рыбъ и животныхъ (№ 10—стр. 4. № 100—стр. 22) и встрѣчались спорадически среди могилъ. Допустить, что эти печи современнымъ могильнику трудно; кааибще достояніе мертвыхъ и живые стараются вездѣ держаться отъ нихъ въ отдаленіи.

Кромѣ остатковъ печей на площади могильника обнаружены кострища различныхъ размѣровъ. О времени, къ которому относятся онѣ, можно судить по тому, что въ нихъ были найдены раковины сурьезъ топота, каменные бусы, кремневая стрѣлка и ножи, костяныя орудія, и мезка бронзовая, вешицы; всѣ перечисленные предметы, конечно, не бросались въ огонь, а находились въ той почвѣ, на которой онъ разводился; стало быть, кострища относятся уже къ значительно позднему времени и для характеристичности погребальнаго обряда не могутъ имѣть значенія. Изъ того обстоятельства, что на площади могильника обнаружены были пространства, наполненные углями, шлаками, костями и черепками, можно заявлять, что площадь могильника была поздне занята поселкомъ, который погибъ отъ пожара.

Для опредѣленія народности, которой могъ принадлежать могильникъ, матеріалами могутъ служить погребальный обрядъ и предметы бытовой обстановки. Исследователи, какъ въ Лядинскомъ могильникѣ, отмѣчаютъ два способа погребенія: трупосоженіе и собственно погребеніе; какъ и въ Лядинскомъ, трупосоженіе представляетъ сравнительно рѣдкое явленіе (р: 111). О томъ, какъ оно производилось, по даннымъ «Дневника» нельзя составить понятія: здѣсь констатируется только то, что въ нѣкоторыхъ могиллахъ находимы были жженныя кости. Что касается погребенія, то есть основанія думать, что трупъ опускался въ могилу завернутый въ бересту: въ одной могилѣ это совершенно ясно, въ большей части береста уцѣлѣла при металлическихъ украшеніяхъ (авторы дневника думаютъ, что въ уцѣлѣвшіе куски бересты, или дуба, какъ они обыкновенно говорятъ, украшенія были завернуты). Относительно положенія тѣла въ могилѣ опредѣленнаго порядка не замѣчается: головы обращены и на СЗ. и на СВ, лицомъ обращены и въ верхъ или повернуты. Горшки встрѣчаются и въ головлахъ и въ ногахъ. Что касается до бытовыхъ указній, то они довольно содержательны.

Значительное разнообразіе оружія, встрѣчающагося при костякахъ говоритъ за то, что могильникъ принадлежалъ воинственному племени: тутъ встрѣчаются мечи, копья, дротики, ножи, боевые топоры—рѣже стрѣлы. Въ костюмѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что мужчины носили на шеѣ гривны, а на рукахъ браслеты; при отдельныхъ скелетахъ были обнаружены въ небольшомъ количествѣ бусы (?). Какой народности принадлежалъ могильникъ? Если при отвѣтѣ на этотъ вопросъ руководствоваться принадлежностями костюма, то мы не имѣемъ основанія исключать изъ числа на-

родностей, которымъ могъ принадлежать могильникъ и древнѣйшее русско-славянское населеніе княжества: гривны и обручи носили русскіе знатные люди и богатые люди уже въ историческую пору.

Интересную новость въ области археологіи Рязанскаго края представляетъ собой извѣстіе, что близъ с. Палынаго не подалеку отъ Оки въ 35 верстахъ отъ Рязани работами по сооруженію Ряз. Каз. жел. дороги обнаруженъ могильникъ, содержаніе котораго представляется тождественнымъ съ содержащимъ Курманскаго и Борковскаго могильниковъ.

Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1890. Спб. 1892.

Въ отчетѣ за 1890 г. мы находимъ рядъ сообщений о раскопкахъ въ В. Россіи: Н. П. Тихачева близъ Казани, А. В. Адрианова близъ села Новоселова въ Минусинскомъ округѣ и въ Уйбатской степи, г. Пантуса въ Семирѣченской области, г. Кала въ Сырь-Дарьинской. Г. Тихачевъ не нашелъ ничего на холмѣ, гдѣ весной этого года было случайно обнаружено два погребенія съ вѣщами т. н. чудскаго типа. Раскопки г. Адрианова дали болѣе удовлетворительные результаты. Въ одномъ изъ кургановъ Новоселова онъ нашелъ при костякѣ неполной сохранности мѣдный ножъ, мѣдную булаву, полусферическую мѣдную бляху и каменную бусу, вадѣтцу на тонкую мѣдную трубочку. Въ Уйбатской степи г. Адриановъ остановилъ свое вниманіе на могильникѣ Чаа-Таасъ. Въ западной части этого могильника находится большіе курганъ, раскопкой котораго г. Клеменцъ занимался въ теченіе двухъ мѣсячныхъ экскурсій. Раскопка показала, что курганъ расчищенъ и изслѣдователю пришлось удовольствоваться возстановленіемъ погребальнаго обряда. Обрядъ этотъ представляется г. Клеменцу въ слѣдующемъ видѣ: «въ материкѣ была выкопана глубокая яма 3¹, и 2¹, саж. въ основаніи, дно ея выслано обрубками дерева и прикрыто берестой, на которую было поставлено нѣсколько гробовъ изъ плоти, а вблизи помѣщено нѣсколько другихъ человѣческихъ труповъ... Сверху трупы были прикрыты берестой, хворостомъ... а надъ всѣмъ этимъ была раскинута огромная берестяная юрта, опиравшаяся на столбы и подпорки и имѣвшая два купола. Береста залегала слоемъ около фута толщины... Между куполами найдена полоса мелкаго угла и рыхлой обуглившейся земли... Могила въ какой-то моментъ погребенія была зажжена и огонь отъ нея проникъ почти во всѣ части изсипи... На одномъ изъ склоновъ врыты обнаружены остатки костра, состоявшаго изъ ряда поленьевъ, сложенныхъ въ кѣтку, и покрытаго берестой. Здѣсь между углями попадались листочки золота, остатки отъ сгорѣвшихъ вещей...» Къ характернымъ особенностямъ погребальнаго ритуала слѣдуетъ отнести еще глянцанія маски, которая въ сирой видѣ накладывалась на трупъ. Г. Клеменцу попалась нижняя часть такой маски съ остатками нижней челюсти.

Погребальный обрядъ—въ томъ видѣ, какъ онъ возстановляется г. Клеменцемъ—очень интересенъ и можно пожелать, чтобы Комиссія поскорѣе выпустила подробный отчетъ изслѣдователя, изъ котораго видимъ будутъ

основанія его реставраціи. Раскопки г. Каля вызваны были обильными находками, которыми сопровождались самовольныя раскопки киргизовъ въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ на Ю. склонѣ Малаго Бурула. Г. Каля констатировалъ присутствіе здѣсь обширнаго кладбища и собралъ свѣдѣнія о добытыхъ съ него вещахъ—ожерельяхъ и украшеніяхъ изъ золота и серебра, оружіи, мѣдныхъ поясныхъ бляхахъ, зеркалахъ, чашахъ, бляхахъ. Собственныя раскопки его дали, однако, отрицательные результаты. Никакихъ находокъ не было найдено и при обследованіи одной изъ башенъ, разбросаннымъ по возвышеннымъ точкамъ Бурула. Раскопки одного кургана въ мѣстности Джиты—типа показали, что этотъ курганъ былъ уже ранѣе разграбленъ.

Профессоръ В. А. Жуковскій изслѣдовать въ отчетномъ году развалины Старого Мерва и другія интересныя въ историко-археологическомъ отношеніи мѣстности края. Могильниковъ древняго населенія края ему изслѣдовать не пришлось, но ему удалось пріобрѣсти нѣсколько бронзовыхъ предметов (наконечникъ копья, кольцо изъ согнутой спирали, проволочка, 4 ирискіе наконечника стрѣлъ), добытыхъ изъ могилы съ урочища «Гаур-Кабаристари» («кладбище невѣрныхъ»); вещи найдены были при покойникѣ, который находился въ сидячемъ положеніи въ могилѣ, которая была прикрыта громадной плитой.

Въ отчетѣ за 1889 г. помѣщена извѣстія о раскопкахъ проф. Петри въ Тургайской области и въ Оренбургской губерніи, Пашусова въ Семирѣчьи и Д. А. Клеменца и А. В. Адрианова въ Сибири (1-й по Уйбату, 2-й въ окрестностяхъ Томска).

Изслѣдованный г. Адриановымъ и С. К. Кузнецовымъ Томскій могильникъ представляетъ по своему содержанію значительный интересъ: здѣсь оказалось весьма значительное количество бронзовыхъ орудіи и украшеній. Къ сожалѣнію на два существеннѣйшихъ вопроса, которые ставитъ археологъ при изслѣдованіи могильника—о формѣ погребенія и значеніи находящихся при костяхъ вещей—Томскія могилы не даютъ отвѣта. На всей площади могильника не оказалось ни одного цѣльнаго скелета, кости и вещи перевернуты и сдвинуты съ своихъ мѣстъ постепеннымъ оползаніемъ слоя, въ которомъ производилось погребеніе. Г. Адриановъ дѣлаетъ, впрочемъ, нѣсколько догадокъ на этотъ счетъ. Костяки по его мнѣнію, лежали въ направленіи съ Ю. (гол.) на С. (ноги); такое заключеніе онъ дѣлаетъ изъ положенія ногъ въ тѣхъ могилахъ, гдѣ онѣ лежали параллельно и гдѣ въ одномъ направленіи съ ними лежали копья, кинжалы и пр. Рядомъ съ погребеніемъ трупа на могильникѣ имѣло мѣсто трупосожженіе: г. Адрианову встрѣчались кострища съ лежащими на нихъ костями дошши или отдѣльными костями и другихъ животныхъ. Это послѣднее соображеніе намъ кажется нѣсколько рискованнымъ. Жженыя кости животныхъ при отсутствіи таковыхъ же человѣческихъ не могутъ служить достаточными доказательствами трупосожженія: онѣ могли явиться остаткомъ поминальныхъ жертвоприношеній и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія изслѣдователя; жертва указываетъ на культуру народа и до извѣстной степени на его этнографическія отноше-

ни; могильникъ могъ скорѣе принадлежать одному изъ кочевыхъ тюркскихъ племенъ, чѣмъ зятроловамъ-финнамъ.

Что касается вещей, добытыхъ на могильникѣ, то онѣ по матеріалу дѣлятся на три крупныя категории: 1) каменные, 2) бронзовыя и 3) желѣзныя. Каменные орудія найдены отдѣльно отъ бронзовыхъ группами и кучками прямо на материкѣ; бронзовыя при скелетахъ; желѣзныя за пределами главнаго мѣста погребенія вѣстѣ съ бронзовыми бляхами и шпорами чуждого типа. Редакція отчета не безъ основанія предполагаетъ, что всѣ эти три категории относятся къ разнымъ эпохамъ. Положеніе каменныхъ орудій на территоріи могильника позволяетъ сдѣлать догадку, что они представляютъ собою остатки столь обычнаго у инородцевъ Восточной Россіи и близъ него погребенія. Желѣзныя вещи могли принадлежать чуждой культурѣ. Въ 1889 г. Адрианоу производилъ изслѣдованіе маленькаго городища на правомъ берегу Томи неподалеку отъ могильника. На этомъ городищѣ ему удалось обнаружить трупосоженіе. Судя по незначительной глубинѣ, на которой былъ обнаруженъ обуглившійся костякъ, (25 ст.), нужно думать, что трупъ сожигался на поверхности и не забрасывался послѣ сжиганія землей. При другихъ костякахъ г. Адрианоу находилъ костяныя стрѣлки и желѣзныя орудія. Редакція отчета совершенно основательно относитъ эти погребенія къ позднѣйшей эпохѣ. Изъ бронзовыхъ орудій былъ найденъ затѣе кельтъ, но вѣтъ связи съ обнаруженными костяками.

Материалы для статистики Вятской губерніи. Ч. VII. Сарапульскій уѣздъ. Вятка. 1892.

Изъясненіе Сарапульскому и Глазовскому уѣздамъ VII и VIII гг. «Материаловъ по статистикѣ Вятской губерніи» заключаютъ въ себѣ, подобно предшествовавшимъ томамъ, рядъ цѣнныхъ данныхъ, которыми можетъ воспользоваться этнографъ и археологъ. Статистическія свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ деревень заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ экономическими указаніями, указанія на этнографическій составъ населенія, на числовое отношеніе въ смѣшанныхъ селеніяхъ. Эти указанія даютъ картину распредѣленія русскаго элемента въ край, показываютъ степень нивѣшняго смѣшенія его съ туземно-татарскимъ и позволяютъ дѣлать заключенія о будущемъ, которое раскрывается предъ нами послѣднимъ, о большей или меньшей скорости его обрусенія. Особенный интересъ для археолога и этнографа представляютъ приложенія къ 2-й ч. VII г. «Краткія описанія селеній Сарапульскаго уѣзда». Описаніе ведется по волостямъ, которыя идутъ въ алфавитномъ порядкѣ. Относительно каждаго селенія бежскіе статистики считали необходимымъ отмѣтить, кѣмъ оно населено, когда основано, откуда пришли первые поселенцы, какіе памятники старины (городища, древнія кладбища) находятся около него, какія находки встрѣчались на поляхъ селенія, какіе древніе документы находятся въ рукахъ жителей.

Въ направленіи изслѣдованія видѣтъ планъ, которымъ не хѣло-бы воспользоваться другимъ земскимъ изслѣдователямъ. Въ результатѣ такого

опроса цѣлаго уѣзда получила цѣпная книжка въ 180 стр. гр. 8 чрезвычайно убористой печати. Редакція «Матеріаловъ» присоединила ее къ VII т. въ качествѣ приложения и сдѣлала, по нашему мнѣнію, ошибку. Лучше было-бы выпустить ее на тѣхъ-же правахъ приложения отдельной книжкой и пустить въ продажу отдельно отъ VII т. Такое изданіе было-бы первымъ въ своемъ родѣ, могло-бы вызвать подражанія и разошлось-бы, хотя не очень быстро, окупивъ расходы на его изданіе. Книжку съ отдельнымъ и сразу привлекающимъ вниманіе заглавіемъ приобрѣли-бы все, интересующіеся археологіей, этнографіей и исторіей края. Она нашла-бы себѣ мѣсто и на столѣ сельскаго священника или учителя и за пределами Вятскаго края—въ столицахъ, въ Финляндіи, въ Венгріи—всюду, гдѣ интересуются его первоначальными населенниками. Въ настоящемъ видѣ она закрыта отъ своей публики: кто подумаетъ, что такое приложение имѣетъ мѣсто при статистическомъ изданіи? Знающихъ же можетъ остановить цѣпность VII т. Было-бы очень желательно, чтобы Вятское Губернское Земство въ видѣ опыта выпустило подобныя же матеріалы по Глазовскому и Слободскому уѣздамъ отдельно, какъ приложение къ соответствующимъ томамъ своего изданія. Можно съ увѣренностью сказать, что въ убытокъ оно не останется.—Обращаемся къ содержанію «Краткихъ свѣдѣній».

Въ ряду указаній на памятники доисторическаго прошлаго уѣзда первое мѣсто занимаютъ разсѣянныя по всей книгѣ указанія на городища. Древнія укрѣпленія Сарapulьскаго уѣзда изслѣдованы и описаны А. А. Спицынымъ въ его новѣйшемъ трудѣ «Матеріалы по археологіи Вятской губерніи». Изданіе Вятскаго Земства даетъ рядъ новыхъ пунктовъ, хотя по странной случайности не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о пунктахъ, открытыхъ уже ранѣе г. Спицынымъ.

Если этотъ пробѣлъ—дѣло авторовъ записей или редакцій, желающихъ дать только новыя свѣдѣнія, то объ этомъ можно только пожалѣть. Въ числѣ новыхъ, не упоминаемыхъ въ книгѣ г. Спицына, городища находятся: городища въ Арзамасцевской вол. при д. Черновой, въ Галановской вол. при д. Цигвинцово (Чиганы), въ Липовской вол. при поч. Добровинѣ, при с. Кельчинѣ, при д. Большой Коварѣ, при д. Малые Ковари, въ Мазанинской вол. при с. Тарасовѣ, въ Нечкинской вол. при поч. Головановѣ (Казьяновѣ), въ Полозовской вол. при дер. Лисей, въ Свѣтлянской вол. при д. Кокуфѣ, въ Сосновской вол. при поч. Пашурскомъ (Верхъ Малая Беатемирь-Пурги), въ Тойкинской вол. при дер. Жареной.

Относительно находокъ извлекаемыхъ изъ книги свѣдѣній свѣдѣніи: въ Арзамасцевской вол. въ поляхъ дер. Колесовой (Буторихи) крестьяне находили довольно массивныя мѣдныя бляхи съ отверстіями по срединѣ (=Пьяноборѣ); въ Галановской вол. въ поляхъ села Большіе Калмаши указываютъ ямы (глубиной до 1¹/₂ саж.), около которыхъ находили ковши, молотки, мѣдныя бляхи съ отверстіемъ по срединѣ и зубцами по краямъ (=Пьянѣ); въ окрестностяхъ села Галаома, дер. Кулевоѣ, Кухтинской, Пестеревой, Суларевской, Трошковой, Цигвинцова, также находили древнюю посуду, украшенія, оружіе, украшенія сбруи; въ Гольяновской вол. въ селѣ

Гольянах находили медная серебряная монета эллиптической формы, в Липовской вол. в дер. Большая Кивара один крестьянин нашел медную вещь на подобие сабли; в Мазунинской вол. близ села Мазунина найдены ложки камня, где находят много человеческих скелетов нередко с металлическими украшениями на руках и на шею, в полях починка Большой Ханстовъ (дер. Савинки) выкапывали какія-то медныя копья (у одного домохозяина до сих пор хранится старинный медный клинок, пустой внутри, повидимому наконечникъ копья); в Мостовинской вол. на мѣстах древнихъ «татарскихъ» поселеній близъ д. Глухова находили серебряныя монеты клино-образной формы, в окрестностяхъ поч. Сѣвернаго замѣтно что-то в родѣ могилъ съ остатками костей; в Сарapulьской вол. при дер. Деятовой при раскопкѣ двухъ кургановъ находили въ большомъ количествѣ серебряныя трехугольныя деньги и другія вещицы; такія-же монеты вмѣстѣ съ медными серьгами, браслетами, и пѣпочками, обломками отъ медныхъ котловъ находили в «татарской ямѣ» среди дер. Мигрошиной (Паньковой); в той-же волости близъ поч. Юшка при раскопкѣ кургана («Чумша») крестьяне находили головешки, угли и обломки глиняной посуды; в Савтлянской вол. при дер. Аришоны, Кокуй, при поч. Романовскомъ и дер. Черной находили чудскіе топорыки; в Тойкинской вол. близъ д. Жарной находили «чудскія» деньги; в Тылованской вол. в поч. Ужешуръ найдены были «татарскія» монеты XI—XII в. (?); в Чегандинской вол. в поляхъ поч. Бочкарева (дер. Маркова) при пашиѣ находили большія медныя бляхи, въ видѣ чайныхъ блюдечекъ, съ дырочками посрединѣ; здѣсь-же нашли медную конусообразную «кастрюлю», украшенную медными трехугольными бляхами и голубыми камешками, при распахѣхъ полей д. Большой Нургинды находили медную посуду; в Шарканской вол. по дороге изъ Сосновки в Шарканъ найдено было бронзовое копье, на Нурганѣ медные котлы, замокъ колесцомъ и серебряная монета съ арабской надписью; в Юринской вол. в с. Пльдебанѣ была найдена желѣзная сабля съ медной ручкой.

Для историковъ края цѣнны указанія на существованіе у жителей инокоторыхъ селеній главнымъ образомъ башкирскихъ древнихъ актовъ: в Чегандинской вол. в д. Усаклѣ имеется актъ 1723 г., которымъ Башкиры-Исенбаевы уступали землю Черемисамъ-тептярямъ, в Кіясовской вол. в починкѣ Ярусковѣ у крестьянъ имеется грамота выданная въ 1733 г. воеводой С. В. Головинымъ жившимъ здѣсь чувашамъ на владѣніе двумя ясаками и полуряскомъ; в Исенбаевской вол. у муллъ башкирской дер. Деватерна находятся копии съ грамотъ Михаила Осодоровича и Петра В; того-же времени грамоты имеются у башкиръ дер. Исенбай (Ялакосъ), у тептярей дер. Утегановы сохранились копии и подлинныя грамоты Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра В. и Анны Ивановны.

Исследователи Башкиръ, Вотяковъ и Черемисы найдеть въ «краткихъ свѣдѣніяхъ» массу указаній на памятники языческой старины Вотяковъ, хотя и очень незавидны. Языческія кладбища встрѣчаются въ волостяхъ Бурановской (при Вотякахъ дд. Банситовой, Алсашурѣ, Б. Кечевѣ, с. Козмодемьян-

скомъ), Дебесской (при вост. д. Б. Лезга, Верхняя Пшата), Завьяловской (вост. при д. Каменной и Стар. Чультема), Звинской (вост. «Шайсеръ» при д. Смышуръ), Кіясковской (чер. при с.с. Кіясковъ и Даниловъ), Илги-Жиклинской (вост. при д.д. Сягъ-Зюмя, Жужгесъ-Шельга, Кечгуртъ, Вишуръ, Норшуръ-Вамья, Булай-Зюмя, Парсъ-Гуртъ, Шунимъ-Зюмя), Пургинской (вост. при д.д. Гожна, М. Пурга, Куртувъ-Норья), Саранульской (башк. при д. Шевряловкѣ), Сосновской (вост. при д.д. Кыкма или Выжон-вожъ «Шай-Гурезъ», Идыгронъ, Шабала, Вуко-Гуртъ, Кіон-Гопъ, Бектемиръ-Пурга, Муваръ, Ныршуръ, Сосновка, Бизиново, Суруновская, Кайсо-Гуртъ, Тылванская (вост. при д. Зяногуртъ и Уйвой, тат. при вост. Богдановскомъ), Чувирекъ (при д. Дереводзь, Правая Кушья, Назъ-Ворин), Шаранской (вост. при д.д. Бакинской, Бигинской-Кыкма, Биги, Лявшуръ, Шарканъ, Куртум-ван, Батыроръ), Якшуръ-Болнинской (вост. д. Норва и Сурувай-Узинская), Старинная кладбища неопределеннаго происхожденія указываются въ Старо-Велиннской вол. при д. Чужьяль и Юрнской при д. Старой Поповкѣ.

2. *Сивирскѣ.*

Ignacy Radliński. Słowniki narzeczy ludów Kameczackich. I. Słownik narzeczy Ainów, zamieszkaujących w srobie Szumszu w tańcuchu Kurylskim przy Kameczatce ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Krakow 1891. 1—67. (Особне oddziecie z tomu XVI Rozpraw Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie pp. 53—119).

Аины могутъ считать себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе сибирскими, чѣмъ другія народности, населяющія восточную Азію и прилежащія острова. Находясь на очень низкой степени культуры и отличаясь особымъ внѣшнимъ видомъ сравнительно съ окружающими ихъ («Курильскимъ лохматомъ», Аины обратили на себя вниманіе самыхъ первыхъ путешественниковъ, которые и оставили намъ нѣсколько описаній этого вымирающаго теперь племени¹⁾).

Эти описанія идутъ со второй половины XVI в., когда миссіонеръ I. Froes въ своихъ «Epistolae Japonicae de multarum gentium in variis insulis ad Christi fidem per societatis Jesu theologos conversione» первый сообщалъ, что на островѣ Ieso живутъ Аины. Послѣ него J. de Angelis, въ «De novis Christianae Religionis progressibus et testaminiibus in Japonia anno 1622», описываетъ Аиновъ о-ва Ieso на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. Затѣмъ—тогдашній голландскій нѣмецникъ на о-вѣ Явъ Van Diemen отправилъ экспедицію на востокъ отъ Японіи съ цѣлью открыть золотоносныя и серебряныя руды въ тѣхъ мѣстахъ. Проплывая мимо восточнаго берега о-ва Ieso, путешественники останавливались здѣсь, сталкивались съ жителями и

¹⁾ На островѣ Ieso Аиновъ можно считать приблизительно около 30 тысячъ, на Сахалинѣ—отъ 2 до 3 тысячъ, а на Курильскихъ островахъ число ихъ врядъ ли превышаетъ 100 чел. (Radliński p. 4).

описали ихъ; это были опять Аины. Выдержки изъ дневниковъ этой экспедиции имѣются въ «Witsen N. Noord en Ost Tartaryen (1692; 1785)», «Koorde beschryvinghe van het Eyland Ezo» (Amst. 1646) и сокращеніе послѣдняго— въ «Recueil de voyages au Nord» (Amst. 1732).

Въ силу послѣдовавшаго вскорѣ политическаго прекращенія доступа Европейцамъ въ Японію извѣстія объ Аинахъ начинаютъ появляться опять только въ самомъ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ, благодаря предприимчивымъ русскимъ промышленникамъ, сдѣлавшимъ нѣсколько экскурсій на Курильскіе острова. Результатомъ этихъ экскурсій въ 1755 г. въ трудѣ Крашенинникова: «Описание земли Камчатки», появился первый словарикъ языка курильскихъ Аиновъ, содержащій около 270 словъ.

Путешествія Ла Перуза и Крузенштерна открыли наукѣ Аинскія Сахалинскихъ. Въ «Voyage autour du monde» Ла Перуза (Par. 1798) приведенъ «Vocabulaire des habitans de l'île Tchoka, formé à la baie de Hangle», состоящій изъ 160 словъ, а въ «Путешествіи вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5, 6 годахъ на корабляхъ Надеждѣ и Невѣ Крузенштерна, 1812» помѣщенъ словарь, содержащій около 2000 словъ, собранныхъ и записанныхъ поручикомъ Г. Давыдовымъ. Крузенштернъ и Давыдовъ первые приходятъ къ заключенію, что Аины о-та Ieso, Сахалина и Курильскихъ острововъ представляютъ одинъ народъ.

Съ половины текущаго столѣтія Японія снова открылась для Европы; цѣль, сами Японцы стали быстро усваивать европейскую культуру, вслѣдствіе чего появилась масса работъ ученыхъ не только европейскихъ, но и японскихъ. Во главѣ трудовъ, касающихся Аиновъ, сдѣдуетъ поставить трудъ проф. Д. Анучина: «Материалы для антропологии восточной Азии. I. Племя Аиновъ» (въ «Изв. О. Л. Е. А. и Э. Т. XX. М. 1876») и Н. Siebold'a: «Ethnologische Studien über die Aino auf der Insel Jesso» (Berlin 1881), переведенный на польскій яз. д-ромъ Л. Дудревичемъ: «O Ajnosach wyspy Jesso» (Warszawa 1883).—Въ III томѣ труда Dr. J. v. Schrenk'a: «Reisen und Vorschungen im Amur-Lande» имѣются двѣ работы о Аинахъ.—Въ 1887 г. въ Токио вышло I томъ «Memoirs of the literature college, imperial university of Japan», состоящій изъ трехъ изслѣдованій, которыя всѣ посвящены Аинамъ. Въ послѣднемъ изъ этихъ изслѣдованій сообщается между прочимъ, что въ одной то. вко Японіи вышло болѣе 400 работъ, касающихся племени Аиновъ.—Въ изданіи: «Pamiętnik Akademii Umiejętności w Krakowie» (Wydz. matemat.—przyrodniczy т. VII, 1882 і XII, 1886) помѣщены статьи dr. Коперницкаго, представляющія описанія и измѣренія череповъ и скелетовъ Аиновъ и выводы изъ наблюденій.

Вмѣстѣ съ трудами подобнаго рода начали появляться и труды лингвистическіе, преимущественно словари. Изъ нихъ можно указать слѣдующіе: W. R. Broughton'a: «A voyage of discovery to the north Pacific Ocean in the years 1795—98», W. Denig'a: «A Vocabulary of Aino Words and Phrases» (см. Chrysanthemum Sept. Decemb. 1881), J. Bachelof'a: «An Aino Vocabulary» (см. «Transactions of the Asiatic Society of Japan» Vol. V, 1882), G. Summers'a: «An Aino—Englisch Vocabulary» (Ibid. Vol. XIV, 1886), М. М. Добро-творскаго: «Аинско-русскій словарь» (Казань 1870) и нѣкоторые другіе.

В. Н. Chamberlain, въ своемъ трудѣ: «The Language, mythology, and geographical Nomenclatur of Japan Viewed in the light of Aino Studies» (въ «Memoirs of the Imp. University of Japan»), сдѣлалъ попытку отыскать сѣвамъ вліянія Аиновъ на Японцевъ и ихъ давнее географическое положеніе, пользуясь при этомъ исключительно данными языка.

Лежащій предъ нами словарикъ возникъ, можно сказать, совершенно случайно и представляетъ собраніе съ небольшими только 1800 словъ, изъ которыхъ къ тому-же нѣсколько десятковъ представляютъ composita. Несмотря на свой малый объемъ словарикъ этотъ встаетъ заслуживаетъ большого вниманія какъ лингвистовъ, такъ и этнографовъ, представляя собой еще одинъ безсмертный памятникъ о народности, которой суждено пожалуй въ самомъ непродолжительномъ времени совершенно исчезнуть съ лица земли.

Наданный словарь прекрасно, какъ и вообще всѣ изданія Краковской Академіи Наукъ. Слова представлены въ двухъ транскрипціяхъ: латинской и русской съ переводомъ на польскій и латинскій языкъ; относятся они къ вѣтшему быту, промыслу и явленіямъ и продуктамъ природы; имѣется довольно сравнительно незначительное число глаголовъ и прилагательныхъ — Что касается транскрипцій, то къ сожалѣнію не соблюдена система и точность. Если ужъ употреблять для обозначенія мягкости согласнаго звука диакритическій значекъ ˘, то не сѣдовало бы ограничиваться только случаями при русскихъ знакахъ е и ѣ, а нужно-бы также употреблять этотъ значекъ ˘ и при ё, ю, я. Между тѣмъ въ данныхъ случаяхъ мягкости обозначается или при помощи гласнаго і, или же согласн. j, напр. jokai[˘]jeju (сѣканы) вм. jokai[˘]ci, esioch[˘]neri (сѣехнери) вм. esoch[˘]neri, kesh[˘]jam (кеям) вм. kesh[˘]am, pon[˘]jak (понжк) вм. pon[˘]uk, siatajsan[˘]ki (сѣтайсанки) вм. satajsan[˘]ki, siog[˘]neri (сѣгнери) вм. sog[˘]neri, si[˘]onini (сѣинни) вм. sonini и т. п.

Встрѣчаются случаи неточнаго и сомнительнаго написанія, напр.: kioo (кѣо) = k'joo?, k'oo? = русск. кѣо; onju (онью) = on[˘]ju? = русск. оню; porturia (портурія) = porturi[˘]ja? = русск. портурія; tiamp[˘]ran (тиампан) = tiamp[˘]ran?, = русск. ряпанъ; siriur[˘]ki (сириврки) = siriur[˘]ki?, = русск. сириврки и т. п.

Само собой разумѣется, что это не такіе уже недостатки, которые уничтожили-бы достоинство и цѣнность материала, доставляемаго словарикомъ, — они только нежелательны, особенно для лингвиста.

Словарю предпослано г. Радлинскимъ небольшое введеніе и краткія свѣдѣнія о Аинахъ, которыя и были нами приведены въ началѣ предлагаемой записки.

Вмѣстѣ съ разобраннымъ нами словарикомъ д-ръ Дыбовскій представилъ г. Радлинскому еще матеріалы для словарей трехъ Камчатцкихъ нарѣчій двухъ алеутскихъ и одного коряккаго, — пожелаемъ, чтобы всѣ эти словарики какъ можно скорѣе увидѣли свѣтъ Божій.

И. Тиховъ.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ХІ ТОМУ „ИЗВѢСТІЙ“.

- Амулеты 220.
Алчѣакатура. 36.
Балаганн. 207, 211.
Береста. 6.
Боги камчаловъ. 209.
Боги языческой Морды. 382.
Бронза. 99, 100, 202, 406, 407.
Бугры могильные 562.
Бубны. 241.
Бусы. 202, 219.
Валы. 114, 120, 157, 186, 337, 378.
Вотчинн. 431.
Вызывныя книги. 424.
Гамма китайская. 37.
Городища и городки. 90, 118, 120, 121, 122, 129, 157, 205, 323, 350, 335, 437, 378, 417, 478.
Гривны шейныя. 493.
Гетеризмъ. 456.
Гробъ. 87, 90, 91, 92, 197, 286, 290.
Гусли. 46—49.
Дворцовыя слободы
Деревья священныя. 243, 248, 409.
Дикія земли. 1.
Желѣзный вѣкъ (и его подраз-
дѣленія). 200, 270, 570.
Желѣзныя орудія.
Жрецы. 242.
Жертвы и мѣста жертвоприно-
шеній. 200, 409.
Жилища старыя. 206, 287.
Жилища мордовскаго исторія. 92
3, 437.
Жилища народовъ В. Россіи. 244,
246, 385, 205, 206, 208, 405.
Заговоры. 98, 99.
Золото. 99.
Игры. 80.
Идолы. 201, 202, 242, 249, 403—
405.
Калмы. 539.
Каменныя орудія. 134, 201, 202,
206, 207, 209, 300, 396, 406, 407, 410.
Камни надгробные. 329, 334, 336.
Каменныя бабы. 396, 483.
Каннибализмъ. 97.
Капища. 249.
Кардасъ-сарко. 381, 439.
Кварты эпоха. 37.
Квинты эпоха. 44.
Кельты (цельты). 18, 261.
Кереметь. 81.
Кладбища. 205, 277—78, 288,
328, 409, 480.
Кладовая записъ. 484.
Костеносныя городища. 407.

- Костяныя орудія. 201, 202, 203, 207.
 Костюмъ Мордвы. 447—449, 485.
 Косы убранство. 218.
 Куда. 92.
 Кудать. 461.
 Купля-продажа инородокъ. 192—3, невѣсты 470—471.
 Ламайскій культъ. 398.
 Левиратъ. 458—9.
 Марм. 562.
 Матріархатъ. 459.
 Матернитетъ. 460.
 Медицина народная. 400.
 Мизгитъ. 215.
 Могилам. 204—5, 405.
 Могиляники. 216, 217, 48, 491 271, 393, 406 сл. 462.
 Монеты. 126, 215, 326, 418, 420.
 Могиляная степь. 294.
 Мольбища. 337.
 Музыкальные инструменты Чувашъ 45, 46, башкиръ 160, 405.
 Мухоморъ. Его употребленіе у инородцевъ С. В. Сибири. 247.
 Мѣдный вѣкъ. Приа. 1—32.
 Мѣдные рудники (древніе) въ киргиз. степи. 388.
 Мѣлныя стрѣлы и др. орудія. 201, 203, 396, 418.
 Мѣдь. 135, 263, 330, 374, 370.
 Напряса. 220.
 Находки. 480.
 Неолитическій періодъ. 407.
 Нефритъ. 396.
 Оброчныя земли.
 Образа мѣдные. 202.
 — Чудскіе. 401.
 Окрашенные кости. 483.
 Орнаментъ. 451, 494.
 Остроги. 205, 207, 209.
 Очищеніе послѣ похороновъ. 544.
 Палатка намогиляная. 186, 389, 482.
 Памятники могиляные. 543.
 Патріархатъ. 369—470.
 Пещеры. 278, 410.
 Плетни. 445.
 Погребеніе. 76—7, 94, 200, 212, 244, 275, 248, 405, 409, 480, 482.
 Полигамія. 245, 471.
 Позмогъ. 405.
 Поминки. 77.
 Праздники языческіе. 78, 80 93.
 Поступная записка. 2.
 Похищеніе невѣсты. 463.
 Развалины древнихъ городовъ. 295, 389, 403, 482.
 Родовой бѣгъ. 473.
 Руны. Енис. и Орхон. 480.
 Ряды торговые въ старой Казани. 345—34.
 Рубль древній. 480.
 Сабантуй. 405.
 Свадебные обряды. 70, 76, 405.
 Священныя рощи и горы. 409.
 Смерть (по мордовскимъ пред- ставленіямъ). 517.
 Сопка 405.
 Сорока (гол. убор. чер.).
 Срубъ могильный. 540, 511.
 Стекло. 12.
 Стрѣльное поле. 407.
 Сустуги. 219.
 Тамга. 921.
 Телѣги якутскія. 205.
 Тепляри. 184.
 Типологическій методъ. 11.
 Топоры. 121.
 Триоля. 37.
 Трупопожженіе. 96, 200, 205, 483, 492.
 Убиеніе больныхъ и стариковъ. 472.
 Ужичество (левиратъ)
 Украшенія черемисокъ. 67—68.
 Урвелей. 461.
 Хомутъ. 139—146.
 Частичное погребеніе.

Человѣческія жертвоприноше-
нія. 291.

Череп. 379, 480.

Черепки. 300, 326, 336, 410.

Чудскія древности. 400—405.

Чумн. 210, 410.

Шаманы. 398, 205, 207.

Ширть. 81.

Шлифованныя кам. оруд. 118.

Юрты. 254—5, 6, 7.

Ясашныя вещи. 1.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета НА 1894 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на сомсканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книггахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнню коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованныя.

Ученныя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ раздѣлѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи университета

Редакторъ *Ө. Мищенко.*

ОПЕЧАТАННОЕ ПОДПИСАНИЕ

на 1894 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ
„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ“.

Газета выходитъ въ г. Оренбургѣ три раза въ недѣлю.

Основная задача изданія — изученіе юго-восточнаго района Россіи (губерніи Оренбургской, Самарской и Уфимской и областей Уральской и Тургайской) въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: А. В. Алекторовъ, Н. Я. Атласовъ, П. А. Баратынскій, Н. Н. Бутовскій, Л. А. Баратынскій, Н. В. Будринъ, Ф. Ф. Гелькегольцъ, А. Н. Добросмысловъ, В. Л. Дадловъ, Ф. А. Добросмысловъ, К. Н. Калачевъ, А. М. Михайловъ, В. Н. Овсянниковъ, В. О. Португаловъ, Н. Полетаевъ, Г. Д. Поповъ, А. Н. Тарнавскій, Н. Юрникъ и другіе.

Корреспонденты „Оренбургскаго Края“:

въ Самарѣ, Уфѣ, Уральскѣ, Вузулукѣ, Белсебѣ, Мензелинскѣ, Орскѣ, Троицкѣ, Верхнеуральскѣ, Челябинскѣ, Илецкой заштатѣ, Шарлинѣ, Покровскомъ и проч.

Подписная цѣна: для иногороднихъ подписчиковъ — за годъ 6 руб. за полгода 3 рубля.

Подписка на газету «Оренбургскій Край» и объявленія принимаются въ Оренбургѣ, въ главной конторѣ газеты, при типо-литографіи В. А. Бреслина, по Николаевской улицѣ, въ домѣ наследн. Шопина и въ отдѣльных конторахъ, въ Уфѣ при книжномъ магазинѣ Блохина, Самарѣ при книжномъ магазинѣ Н. М. Федорова и Челябинскѣ при типо-литографіи Бреслина и Курчаева.

ОБЪЯВЛЕНІЯ, для напечатанія въ газетѣ «Оренбургскій Край», отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или живущихъ свои главныя конторы или правленія въ Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Нижегородской, Самарской, Уфимской и Пермской губерніи, Уральской области и Азіатской Россіи, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

Редакторъ-издатель Н. А. Баратынскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ
ЕЖЕГОДНИКА
ТОВОЛЬСКАЮ ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ,

издающагося въ г. Тобольскѣ губернскимъ музеемъ въ числѣ книгъ, по истреженію матеріала, подъ редакціей комиссіи изъ членовъ комитета: Е. В. Кузнецова, Л. Е. Луговскаго, Н. А. Лыткина и А. А. Терновскаго,

...и др. наукъ, но слѣдующей программѣ:
...и др. наукъ. Описание коллекцій музеев.
...и др. наукъ (касаясь губерніи Тобольской губерніи) вопросамъ археологій, этнографіи, естественныхъ наукъ, торговли, промышленности, исторіи, антропологіи, исторіи культуры, географіи, статистики, библиографіи и др. наукъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Отъ Редакціи.—Протоколъ засѣданія общаго собранія 18 апр. 1893 г. Отчетъ о дѣятельности Комитета и Правленія въ 1892 г. Л. Луговскаго.—Составъ Комитета въ 1893 году.—Отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ въ 1892 году.—Актъ ревизионной комисіи.—Отчетъ о состояніи коллекцій въ 1892 г. Н. Лыткина. Отчетъ о состояніи библиотеки въ 1892 г. С. Махтлова. Сѣтъ оборота суммъ на 1893 г.—Текущая хроника музеев.—Повѣдка на Сѣверный Уралъ. Съ картой и чертежомъ. (Н. М. Дюдина). Н. Гурскаго. Матеріалы для справочно-біографическаго словаря сибирскихъ дѣателей. Дѣатели XVI и XVII столѣтій. Книжки Шаховскіе, Щербатовы и Мосальскіе. К. В. Газенникеля.—Матеріалы для библиографіи Сибири. Указатель статей и главнѣйшихъ замітокъ, касающихся Сибири и помѣщенныхъ въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ 1892 г. (Съ алфавитнымъ указателемъ). А. А. Терновскаго.—Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ. Ялуторовскъ округъ. Историко-статистическій очеркъ. (Главы I и II). Н. И. Маложенова.—Приложеніе. Отчетъ отряда преподавателей Красноуфимской сельско-хозяйственной школы и учениковъ Красноуфимскаго промышленнаго училища, приглашенныхъ на лето 1893 года въ Тобольскую губернію для шропріатій въ борьбѣ съ «кобылкамъ». Н. Н. Носова.—Объявленія.

Подписная цѣна: для иногороднихъ съ пересылкой 1 р. 25 к., для городскихъ безъ пересылки 1 р. Подписка принимается въ г. Тобольскѣ, въ Правленіи Комитета Тобольскаго Губернскаго Музеев.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ XII).

Въ 1894 году «Самарскій Вѣстникъ», имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго района, будетъ издаваться ежедневно, кромѣ дней неслѣдственныхъ, но вновь утверждаемой г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причѣмъ при газетѣ, въ видѣ бесплатныхъ приложеній, раздѣлены фототипическіе исполненные въ собственной мастерской—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣателей, а также виды Поволжья, историческихъ памятниковъ и сооруженій.

Подписная цѣна на газету съ приложеніями:

Въ г. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ 3 р.—на полгода 2 р.—на одинъ мѣсяць 50 к. Съ пересылкой въ другія города и уѣзды на годъ 3 руб.—на полгода 2 р. 50 к.—на одинъ мѣсяць 50 к.

Подписка принимается въ редакціи газеты въ Омскѣ,
улица, домъ бывш. Бакъ.

Редакторъ-Издатель Н. Е. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1894 годъ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

ВЫХОДИТЬ ВЪ Г. КРАСНОЯРСКЪ ЕНИС. ГУБ. ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому и земскому хозяйству, по сельскому хозяйству, экономическія, торговля, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. Дѣйствія и распоряженія правительства. Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». Недѣльная хроника. Судебная хроника. Торговый отдѣлъ. Справочныя свѣдѣнія. Смѣсь. Отчеты редакціи. Фельетоны. Романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены и стихотворенія. Объявленія частныя и газетныя.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Енисейскаго Листка», собственный домъ, Воскресенская ул.; въ Омскѣ — въ книжномъ магазинѣ Александра; въ Томскѣ — въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина.

Редакторъ-Издатель Е. Бударинцовъ.

годъ IV. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г. годъ IV.

НА ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.“

Выходитъ два раза въ недѣлю по Четвергамъ и Воскресеньямъ.

Подписная цѣна: Съ перес. въ др. города на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на три мѣсяца 1 р. 50 к., на одинъ мѣс. 60 к. Съ доставкой въ Тобольскъ на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на три мѣс. 1 р. 50 к. на одинъ мѣс. 60 к. Безъ пер. и доставки на годъ 4 руб., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р. 25 к., на одинъ мѣсяць 45 к.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ на 1894 годъ предоставляется, по желанію ихъ, получать безплатно газету до конца текущаго 1893 г.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, именно: съ пересылкой и доставкой за годъ 4 р., за полгода 2 р., безъ пересылки и доставки за годъ 3 р., за полгода 1 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., 1-го марта 1 р. 50 к., 1-го мая 1 р. и 1-го сентября 1 р.

ПОДПИСАНЫ: ВЪ г. Тобольскѣ, въ конторѣ редакціи и
Библиотеки Сухомола. ВЪ г. Тюмени, въ конторѣ Н. М. Давидовской. ВЪ г.
Екатеринбургѣ, въ книжномъ магазинѣ Бабкина. ВЪ г. Томскѣ, въ книж-
номъ магазинѣ Михайлова и Макушина. ВЪ г. Омскѣ, въ книжномъ магази-
нѣ Александра. ВЪ г. Иркутскѣ, въ книжномъ магазинѣ Михайлова и
Макушина. ВЪ г. Иркутскѣ, въ общественной библиотекѣ. ВЪ Москвѣ,
у г. Чукалдина, Ясницкая улица, д. Художества. Музея и въ Централь-
ной Конторѣ объявленій бывш. Д. Метцль, въ г. Варшавѣ, у В. К. Штгалье.
Редакторъ-издатель А. Сыромятниковъ.

ПОДПИСКА
НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1894 году
(32-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ 32-й годъ изданія, „Саратовскій Листокъ“ будетъ
выходить при прежней редакціи и составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовъ: на годъ 7 руб., 11 мѣс. 6 руб. 50 к.,
10 мѣс. 6 руб., 9 мѣс. 5 руб. 50 к., 8 мѣс. 5 руб., 7 мѣс. 4 руб. 50 коп.,
6 мѣс. 4 руб., 5 мѣс. 3 руб. 50 к., 4 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 2 руб. 50 к., 2 мѣс.
2 р., 1 мѣс. 1 руб.

Съ пересылкою въ другіе города: на годъ 8 руб., 11 мѣс. 7 руб.,
10 мѣс. 6 руб. 50 коп., 9 мѣс. 6 руб., 8 мѣс. 5 р. 50 к., 7 мѣс. 5 р., 6 мѣс.
4 р. 50 к., 5 мѣс. 4 руб., 4 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 3 руб., 2 мѣс. 2 р. 40 к.
1 мѣс. 1 р. 20 к.

За границу на годъ 14 руб.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ
лицамъ редакція допускаетъ разсрочку подписной платы для годовыхъ
подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ: первые вносятъ при
подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородние — при
подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе
конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Изъясная, д.
Онезорге, и въ Волскѣ — у Ивана Федоровича Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 коп.
за строку, въ послѣдующіе разы по 15 коп.; на 2-й и 4-й — первые три раза
по 7 к., а послѣдующіе разы — по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются
особой уступкой. — Объявленія изъ заграничья по всѣмъ мѣстамъ Россійской им-
періи, кромя Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжскихъ губер-
ній, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій
бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Ясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для
этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 коп. и послѣ текста 10 коп.
за строку четвѣть.

Розничная продажа газетъ по 5 коп. за экземпляръ.

Редакторы-издатели Н. О. Лебедевъ, Н. Н. Горизонтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

И А

„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ВЪ 1894 ГОДУ.

(18-я ГОДЪ ИЗДАВІЯ)

«Саратовскій Дневникъ» въ 1894 году, будетъ въ основныхъ положеніяхъ, слѣдовать программѣ послѣднихъ лѣтъ. По прежнему, особенное вниманіе редакция обратитъ на «мѣстный отдѣлъ» газеты, т. е. на возможную полноту свѣдѣній о жизни Саратова и его области, обнимающей кромѣ саратовской смежныя части сосѣднихъ губерній и, въ особенности, — самарское Заволжье до Урала. То, что мы писали въ прошломъ году о вѣроятномъ оживленіи нашей области благодаря проведенію въ ней цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, теперь уже отчасти осуществилось. Торговля и промышленность, особенно въ Саратовѣ, получили сильный толчекъ, выразившійся уже во многихъ новыхъ предпріятіяхъ. Продолжая начатое въ прошломъ году расширеніе мѣстнаго отдѣла, редакция направляетъ свои старанія на разработку многочисленныхъ вопросовъ, возникающихъ изъ потребностей сельско-хозяйственной, торгово-промышленной и общественной жизни края. Между прочимъ, специальныи Торговый отдѣлъ будетъ значительно увеличенъ. Какъ въ общихъ, такъ и въ специальныхъ вопросахъ редакция, какъ и прежде, будетъ строго разграничивать интересъ большинства населенія отъ выгодъ отдѣльныхъ или случайныхъ его группъ.

Подписная цѣна съ пересылкою въ другіе города: На годъ 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 руб., на 9 мѣс. 5 руб. 50 к., на 8 мѣс. 5 руб., на 7 мѣс. 4 руб. 50 к., на 6 мѣс. 4 руб., на 5 мѣс. 3 руб. 50 к., на 4 мѣс. 3 руб., на 3 мѣс. 2 руб. 50 к., на 2 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

Для облегченія возможности подписываться на годовой экземпляръ газеты редакция допускаетъ расрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ; нервно вносить при подпискѣ 2 р. 1-го марта 2 руб. и 1-го мая 2 руб.; иногородніе при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 р.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты Саратовъ, Шмюцкая Д. Уфимцова. Въ г. Волгѣ въ книжномъ магазинѣ гг. Хохрякова и Фармаковского.

Подписавшіеся послѣ 1-го ноября на годовой экземпляръ «Саратовскаго Дневника» (съ 1 янв. 1894 до 1 янв. 1895) получаютъ газету до новаго года безъ всякой приплаты.

Издатель И. Штерцеръ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ «СБОРНИКА САРАТОВСКАГО ЗЕМСТВА»

«Сборникъ Саратовскаго Земства» имѣетъ выходить въ 1894 году по прежней программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 19 июля 1890 года.

«Сборникъ» будетъ выходить въ каждое послѣднее число того мѣсяца, который выставленъ на его обложкѣ.

Содержаніе каждой книжки будетъ расположено въ слѣдующемъ порядкѣ.

«Сборникъ Саратовскаго Земства». I. Постановленія и распоряженія Правительства. II. Дѣятельность правительственныхъ и общественныхъ учреждений. III. Монографіи и статьи по предметамъ входящимъ въ программу «Сборника». IV. Свѣдѣнія и матеріалы. V. Извѣстія и объявленія.

Намѣчены и подготовляются Редакціей слѣдующія статьи: Объ институтѣ земскихъ агрономическихъ смотрителей. Мелкій кредитъ по проекту Земствъ. Практика Земствъ по взиманію хлѣбомъ земскихъ сборовъ и по выдачѣ ссудъ на хлѣбъ. Кустарный земскій музей и мѣры помощи кустарямъ. Хозяйство уѣздныхъ городовъ Саратовской губерніи. Народное образованіе и народное здравіе въ уѣздныхъ городахъ Саратовской губерніи. Обзоръ бюджета города Саратова сравнительно съ бюджетами другихъ большихъ городовъ Поволжья. Обзоръ земскихъ смѣтъ съ начала учрежденія Земства до настоящаго времени. Мѣры, принимавшіяся Саратовскими Уѣздными и Губернскими Земствами для развитія сельскаго хозяйства.

О культурѣ паровыхъ растений и ихъ вліяніе на урожаи послѣдующихъ посѣвовъ. Н. Маклецовъ. О вліяніи величинъ и состава крестьянскихъ семей на ихъ хозяйственное положеніе. Н. Чермошко.

Результаты опытовъ орошеній и обводненій въ Саратовской губерніи и сопредѣльныхъ мѣстностяхъ въ 1892 и 1893 годахъ. В. Круберь и др.

Приложенія: I. Труды Саратовскаго Губернскаго Земства: журналы, доклады, отчеты и проч. II. Свѣдѣнія и матеріалы статистическаго отдѣла Саратовской Губернской Земской Управы. III. Свѣдѣнія и матеріалы Ветеринарнаго Отдѣленія Губернской Земской Управы. IV. Свѣдѣнія и матеріалы Комиссіи Губернскаго Земства по народному образованію. V. Саратовская Земская Сельскохозяйственная и Торгово-Промышленная недѣля VI Труды и отчеты мѣстныхъ ученыхъ обществъ. VII. Библиографія и библиотечка книжный складъ и музей Саратовскаго Губернскаго Земства. VIII. Картограммы, діаграммы, карты и образцы. IX. Экстренныя приложенія.

Приложенія, кромѣ IX-го будутъ выпускаться и размѣщаться поодиночкѣ по мѣрѣ накопленія матеріала, одновременно со «Сборникомъ», приложеніе же V-е будетъ выходить изъ печати по пятницамъ; экстренныя приложенія будутъ выпускаться по мѣрѣ накопленія.

Такъ какъ, не смотря на ближайшую свою цѣль, «Сборникъ» и «Приложенія» уже въ текущемъ году представляли значительное разнообразіе, а въ предстоящемъ 1894 г. Редакція рассчитываетъ располагать еще болѣе разнообразнымъ матеріаломъ, то, дабы сдѣлать «Сборникъ», не смотря на значительныя расходы по изданію его, болѣе доступнымъ для лицъ, интересующихся имъ въ полномъ составѣ или лишь въ отдѣльныхъ частяхъ его, открыты особня поодиноки: А—на «Сборникъ» безъ приложеній, Б—на «Сборникъ» съ нѣкоторыми лишь приложеніями и В—на «Сборникъ» со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

	На годъ.		На 1/2 года.		На 1/4 года.		На 1 мѣс.									
	Безъ перес.	Съ перес. и дост. въ Сар.	Безъ перес.	Съ перес. и дост. въ Сар.	Безъ перес.	Съ пересыл.	Безъ перес.	Съ пересыл.								
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.								
А. За «Сборникъ» безъ приложений.	3	60	4	—	1	80	2	—	—	90	1	—	—	31	—	35
Б. За постоянныя приложения къ общей цѣнѣ на «Сборникъ» прибавляется:																
1. За 1 приложение «Труды Саратовскаго Губернскаго Земства» журналы, доклады, отчеты и пр	1	80	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90	1	—
2. За еженедѣльное V-е прил.	2	70	3	—	1	35	2	—	1	10	1	20	—	45	—	50
3. За остальные ежемѣсячныя приложения	1	80	2	—	1	—	1	—	90	1	—	—	—	27	—	30
В. За «Сборникъ» со всеми приложениями.	8	—	9	—	5	40	6	—	3	60	4	—	1	35	1	50

Цѣна экстреннымъ приложениямъ будетъ опредѣляться каждый разъ особо о чемъ будетъ публиковаться заблаговременно.

Подписка на приложения безъ «Сборника» не принимается и розничная продажа приложений не производится.

Гг. Земскимъ Начальникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ, известнымъ Редакціи, допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ и четвертямъ года, при условіи уплаты каждый годъ впередъ, безъ увеличенія подписной цѣны.

Для волостныхъ Правленій годовая подписная цѣна съ пересылкой установлена:

За «Сборникъ» безъ приложений 3 руб., съ 1-мъ приложениемъ 4 руб., съ V-мъ приложениемъ 4 руб., съ остальными, кромѣ экстренныхъ приложенийъ 4 руб., со всеми приложениями, кромѣ экстренныхъ 6 руб.

Цѣна объявленій впереди «Сборника» по 15 к. за строку по нѣскольку строкъ въ 60 буквъ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ «Сборника» по 10 коп. за ту же строку. Объявленія въ приложенияхъ по той же цѣнѣ.

При повтореніи объявленій значительная уступка.

Адресъ Редакціи: Саратовъ, Губернская Земская Управа.

Отвѣтственный Редакторъ Предсѣдатель Губернской Земской
Управы В. Возбранскъ.

годъ XVI.

ОТВѢТА ПОДПИСКА

годъ XVI.

на 1894 годъ

(шестнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.“

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Подписка цѣна: На годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп.

Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, а именно: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб. 50 коп.

Газета въ 1894 году будетъ вестись по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же лицъ, какъ и въ прошлый годъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, (Вознесенскій пр., д. № 44).

Редакторъ-издатель А. Ж. Скуловъ.

Редакторъ П. Н. Галица.

ОБЪ ИЗДАНИИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1894 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорныя преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію учебной, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ ученими цѣлями.

11. Разборъ диссертаций, а также переводы на русский языкъ иностранныхъ ученыхъ степеней, сохранивъ въручье, про чья легендія и т. п.; а также и соція диссертаций.

12. Рѣчи, произносимыя на годовичныхъ актѣхъ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробы, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1)—официальную и протоколн, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержания), съ отдѣлами— критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣній. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжочекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обитіи наданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Г.г. иногородние могутъ обращаться съ требованіями своими къ комисіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Исконковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА
ежемесячный, литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

Въ 1893 г. въ «Сѣв. Вѣст.» было между прочимъ напечатано: «Сурацкая кофейня» гр. Льва Толстого, «Пустоплосы» разск. Н. Лѣскова, «Мечтатель» разск. въ стих. Я. Полонскаго, «Семейный очагъ» ром. К. Варанкенича, «Али» разск. П. Воборыкина, «Царевна Нанджана» скр. Кота Мурлыки, «Въ слободѣ» разск. Ольги Шамиръ, «Семейная исторія» пов. Н. Потапенко, «Комедь Вирюковской дачи» разск. А. Михайлова (Шеллера), «Въ облакахъ» пов. В. Баренина, «Порученіе» пов. Л. Гуревичъ; статьи: «Недѣланіе» гр. Льва Толстого, «Книгоманія и Офени» А. Пругавина, «О единствѣ музыки» проф. Н. Тарханова, «Женщина-преступница» проф. Н. Фейнцкаго, «Общественныя доктрины

«Историческое обозрѣніе» проф. П. Голубовскаго, «Письма великаго человека» Б. Стасова, «Сѣвѣнныя художества 60-хъ годовъ» Н. Ге, «Нищекство на Руси» Л. Беспа, «О притворныхъ болѣзняхъ у дѣтей» д-ра Шкубова, «Гюи-де-Монассакъ» проф. Л. Шенеленча, «О женщинахъ врачейъ и женскихъ врачебныхъ курсахъ» д-ра Герценштейна, «Наука, философія и религія» А. Волынскаго, «Современныя первыя болѣзни нашего общества» проф. Н. Ковалевскаго, «Вѣдунскій» А. Волынскаго, «Факторы преступности» проф. Н. Фойницкаго, «Волга и Волгарь» А. Субботина и ин. друг. Кромѣ того печатались въ теченіе всего года:

ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ:

(Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 г.) Литературный кружокъ при дворѣ Николая Павловича. Вѣсѣды Государя, Пушкина, Жуковскаго, Вяземскаго, Гоголя, Лермонтова, Глинки и др.

Новымъ подписчикамъ на 1894 г. будетъ разослана безплатно вычитка въ 1893 г. 1 ч. Записокъ Смирновой въ видѣ отдѣльнаго изданія съ портретомъ А. О. Смирновой, художественно исполненнымъ въ Парижѣ.

Ежемесячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ, 2) Провинціальная печать Л. Прокурова, 3) Новая книга 4) Письма: изъ Америки В. Мамъ-Гаханъ, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англій. 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) Политическая жизнь, 7) Театръ, 8) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго.

Условія подписки: Безъ доставки въ Сиб. конторѣ журнала на годъ 12 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 р. Безъ доставки въ Москвѣ въ конт. Печковской и магаз. Карбасникова на годъ 12 р. 50 к., на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ доставкой въ Сиб. на годъ 12 р. 50 к., на полгода 6 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Съ нерескладкой въ Имперію на годъ 13 р. 50 к. на полгода 7 руб., на три мѣсяца 3 р. 50 к. Заграницей на годъ 15 р., на полгода 8 р., на три мѣсяца 4 р.

Допускается разсрочка годовой цѣны на журналъ и подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года безъ новышенія годовой цѣны. Для служащихъ помѣстная разсрочка за ручательствомъ казначея. Для учащихся и учащихся льготными условіями по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ журнала, Сиб. Троицкая ул., 9 и въ москов. отдѣл. Москвѣ, Тверская д. Сазикова, а также въ книж. магаз. Фену и К°, Сиб., Невскій 40. Въ Москвѣ въ конт. Н. Печковской, Петровскія линіи; а также въ книж. магаз. Н. Н. Карбасникова въ Сиб., Москвѣ, Варшавѣ. Въ книж. магаз. Новаго Времени въ Сиб., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; — Н. Я. Оглобина въ Кіевѣ; — М. Я. Вамшакова въ Казани, и въ друг. книжныя магазинныя.

Издательница Л. Гуровичъ.

Редакторъ М. Альбовъ.

Открыта подписка на 1894 годъ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ — возможно полное изучение местного Волжско-Камского края и всестороннее, по возможности, представление его нужд и интересов.

Телеграммы Сѣвера. Телеграфн. Агентства и отъ собственных корреспондентовъ.

Послѣдняя почта.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Областной отдѣлъ. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камского края.

Казанская хроника: земство, городъ, заведенія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.

Судебная хроника. Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ казанской судебной палатѣ.

Библиографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.

Ежедневное обозрѣніе текущей заграничной жизни.

Наука, литература и искусство.

Сельское хозяйство и промышленность.

Педагогика и народное образованіе.

Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы.

Фельетонъ. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ «Воскресныхъ бесѣдъ» г. Н. Миролюбова и беллетристки, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія.

Тиражи выигрышей, сирочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ контингента сотрудниковъ, уже сдѣлавшихся вокругъ редакціи *Волжскаго Вѣстника*, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на приобрѣтеніе постоянныхъ корреспондентовъ въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камского края.

Влижайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя съ октября 1893-го года основатель и бывшій редакторъ-издатель *Волжскаго Вѣстника*, профессоръ Н. П. Загоскинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

съ доставкой:

На годъ 7 р.
— полгода 4 р.

— 3 мѣсяца	2 р. 25 к.
— 1 мѣсяць	— 75 к.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ

На годъ	6 р. 25 к.
— полгода	3 р. 25 к.
— 3 мѣсяца	1 р. 75 к.
— 1 мѣсяць	— 60 к.

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

На годъ	9 р.
— полгода	5 р.
— 3 мѣсяца	2 р. 75 к.
— 1 мѣсяць	1 р.

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подписи 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 юля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 юня 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ *Волжскаго Вѣстника* на углу Грузинской и Театральной ул., д. Бульгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ «Восточныя Дѣла» (Воскресенская ул., д. Савожицкова), при нижнихъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассаажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ изданіи Биржи, у секретаря, и въ иногороднихъ отдѣленіяхъ конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редація **ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА**.

Редакторъ-Надатель Н. В. Рейнгардтъ.

ВЪ 1894 ГОДУ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

будеть издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученномъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для вписыванія въ церковныя бібліотеки, какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства (Синод. опред. 8 сентября 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами по 2 печатныхъ листа въ каждомъ убористаго шрифта.

Причты Казанской епархіи, упоминающіе «Православный Собесѣдникъ», получаютъ за ту же цѣну и «Извѣстія», съ прилатомъ 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна «ИЗВѢСТІЙ» для мѣстъ и лицъ другихъ епархіи и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ досить руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ НА

„КАЗАНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“⁶⁶

ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Въ городѣ безъ доставки на 12 мѣс. 6 руб. 25 к., на 11 мѣс. 5 р. 75 к., на 10 мѣс. 5 р. 25 к., на 9 мѣс. 4 р. 75 к., на 8 мѣс. 4 р. 25 к., на 7 мѣс. 3 р. 75 к., на 6 мѣс. 3 р. 25 к., на 5 мѣс. 2 р. 75 к., на 4 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 2 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 60 к. Съ дост. въ городѣ на 12 мѣс. 7 р., на 11 мѣс. 6 р. 50 к., на 10 мѣс. 6 р., на 9 мѣс. 5 р. 50 к., на 8 мѣс. 5 р., на 7 мѣс. 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 3 р. 50 к., на 4 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Съ перес. въ друг. города на 12 мѣс. 9 р., на 11 мѣс. 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р. 25 к., на 8 мѣс. 6 р. 50 к., на 7 мѣс. 5 р. 75 к., на 6 мѣс. 5 р., на 5 мѣс. 4 р. 25 к., на 4 мѣс. 3 руб. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. 75 к., на 2 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 руб.

Пріемъ объявленій: за строку пегита на 1-й стр. 20 к., на 4-й стр. для город. 10 и 5 к. Смотри по роду объявленій.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣс.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа модн. денегъ.

Редакторъ Н. Ильинко.

№ 111-16312

АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

К. Т. СОФОНОВА,

Члена-сотрудника Общества Археологов, Историк и
Этнографин при Императорскомъ Казанскомъ универ-
ситетѣ,

Предлагаетъ любителямъ этнографин и древностей

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

типовъ населенія Волжско-Камскаго края, снимковъ съ древнихъ зданій и
археологическихъ предметовъ. Снимки можно приобрести отдѣльно и аль-
бомами въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Въ настоящее время изготовлены слѣдующіе альбомы:

1. Руины Булгаръ. 12 снимковъ (на пластинку). Цѣна въ коленкор.
перепл. 5 р.
2. Древности Ананьинскаго могильника. 8 снимковъ (6 на пласт. и
2 на 1¹/₂ пласт.). Цѣна въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.
- 3) Народы Поволжья. Типы, формы построекъ, утварь, костюмы, кар-
тины быта (занятія, обряды).
- а) Русское населеніе Казанской губерніи. 16 сн. Ц. въ кол. пер. 6 р.
- б) Чуваши. 32 сн. Ц. въ кол. пер. 12 р.
- в) Черемисы. 76 сн. Ц. въ кол. пер. 18 р.
- г) Мордва. 18 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.
- д) Вотяки. 12 сн. Ц. въ кол. пер. 5 р.

Изготавливаются:

- 1) Казань старая и новая.
- 2) Волга въ предѣлахъ Казанской губерніи. Виды прибрежныхъ горо-
довъ и селеній въ разливъ и межень. Типы волжскихъ судовъ. Картины
береговъ.

Адресъ: Казань, Адмиралтейская Слобода, д. Терпиловскаго, фото-
графу К. Т. Софонову.

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и декабря) книжками въ 7—8 листовъ въ 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Новолжя, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ заведеніяхъ русскихъ ученыхъ обществахъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: Н. О. Акасовъ, проф. А. И. Александровъ, Г. Ахмаровъ, Ш. Г. Н. Ахмеровъ, Н. П. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. О. Будзе, Н. Виташевскій, К. В. Викламовъ (Угала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Н. Воронцовъ, К. В. Газенинскій, А. К. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, О. Н. Карлаевичъ (Будапештъ), Г. К. Катанавъ (Омскъ), С. Н. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латюшевъ, Е. Ф. Литвинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартыновъ (Миусинскъ), К. П. Мелокъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. П. Н. Смирновъ, А. А. Спичинъ, О. А. Теплоуховъ (Пермь), П. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнауль), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Фирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Фирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ „Извѣстій“ является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для послѣдняго осуществленія этой задачи редакціи „Извѣстій“ считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей въ курсѣ всего, что является новымъ въ этой области знанія, и приобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорскъ, Будапештъ и Угала (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложений къ „Извѣстіямъ“ будутъ печататься:

1) Матеріалы для этнографіи Новолжя, Мордовско-русскій словарь М. Е. Евсеева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 юлю.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Визвѣткахъ отдѣльно изданы отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб. Digitized by Google

3 2044 022 461 834

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

